

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*
Н.М.Карамзин

ISSN 0869-6322

2000

ТРАГЕДИЯ
НА БАЙКОНУРЕ

РОССИЙСКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
НА ОСТРОВЕ
АЗИНАРА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ
Е.Л.КАМАРОВСКОЙ

ПИСЬМА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА
КОНСТАНТИНОВИЧА

ЗАГАДКА
КОМИССИОННЫХ
ГРАМОТ. XVI ВЕК

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 5

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2000

№ 5

Выходит 6 номеров в год

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

*К 175-летию
восстания
декабристов*

**МАДИ
в годы войны**

**П.Н.Милюков –
Е.Д.Кусковой**

**Институт
исследования
Сибири:
1919–1920 гг.**

**Д.И.Рихтер
о встречах
с Л.Н.Толстым**

**Заметка графа
С.Д.Шереметева
по истории России
XVIII–XIX вв.**

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, ДЖ. БИЛЛИНГТОН (США), Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ,
О.В.ВОЛОБУЕВ, Ф.КАЛЕНБЕРГ (Германия), В.П.КОЗЛОВ (председатель),
А.В.КОРОТКОВ, Э.КРОСС (Великобритания), С.В.МИРОНЕНКО, Ч.ПАЛМ
(США), Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ,
Г.ШУКМАН (Великобритания)

Редакция:

Д.А.АМАНЖОЛОВА, В.Ю.АФИАНИ (зам. главного редактора),
О.И.ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И.ОДИНЦОВ, А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».

Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.ripn.net> [gopher://gopher.ripn.net](http://gopher.ripn.net)

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2000

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

«РОК ВЗЯЛ ВЕРХ НАД РАЗУМОМ»

Современники об испытаниях ракеты Р-16
и Главном маршале артиллерии М.И.Неделине

Сорок лет назад, 24 октября 1960 г., на Байконуре (Научно-исследовательский испытательный полигон — НИИП-5 Министерства обороны СССР) во время испытания новой ракеты Р-16 произошла трагедия, унесшая жизни десятков людей. Долгое время об этом событии было известно крайне мало. Больше того, официально было объявлено о якобы имевшей место авиационной катастрофе, в которой погибли Главный маршал артиллерии М.И.Неделин и другие офицеры. Лишь в 1995 г. были опубликованы отчет комиссии по расследованию причин пожара на Байконуре, техническое заключение, списки личного состава и представителей промышленности, погибших и раненых в этот день¹. Однако и сегодня многие детали первой в истории советских ракетных войск столь крупной катастрофы отражены в литературе явно недостаточно.

В «Историческом архиве» публикуются документы из фондов Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД) — фрагменты воспоминаний ветеранов ракетно-космической техники К.В.Герчика, Г.П.Горы, В.В.Савинского, принимавших непосредственное участие в подготовке и проведении испытаний ракеты Р-16, хорошо знавших Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) М.И.Неделина. Эти воспоминания интересны тем, что в них Главный маршал артиллерии предстает перед нами не только как талантливый военачальник и прекрасный руководитель, но и как человек большой душевной щедрости, благотворная деятельность которого на полигоне в полной мере была оценена только после его трагической гибели.

Напомним, что строительство и начало работы космодрома Байконур приходятся на середину и конец 1950-х гг. Это было сложное с политической точки зрения время, вошедшее в историю как годы «холодной войны». Соединенные Штаты Америки не упускали случая применить по отношению к Советскому Союзу атомный шантаж. В этом их поддерживали Великобритания и другие страны НАТО. На повестку дня встал вопрос о незамедлительном укреплении обороноспособности СССР и развитии ракетной техники. В сложившихся условиях это была вынужденная, но необходимая мера, вызванная тревогой за судьбу страны.

Для выполнения поставленной задачи потребовался огромный труд всего народа. К этой работе были привлечены виднейшие советские ученые, конструкторы и военачальники — М.В.Келдыш², И.В.Курчатov³, С.П.Королев⁴, В.П.Глушко⁵, М.И.Неделин и др.

---

¹ См.: «Имеются жертвы до ста или более человек». Правда о гибели Главного маршала артиллерии М.И.Неделина // Источник. 1995. № 1. С. 149—160.

² Келдыш М.В. (1911—1978) — советский ученый в области математики и механики, академик АН СССР (1946), в 1960—1961 гг. вице-президент, в 1961—1974 гг. президент, в 1974—1978 гг. член Президиума АН СССР. Трижды Герой Социалистического Труда. Он был одним из инициаторов работ по исследованию космоса и созданию ракетно-космических систем.

Космодром Байконур можно по праву назвать стройкой века. Персональную ответственность за создание НИИП-5 МО правительство возложило на Главного маршала артиллерии М.И.Неделина, который являлся одним из организаторов и вдохновителей этой стройки.

Митрофан Иванович Неделин родился в 1902 г. в городе Борисоглебске в семье рабочего. Участник гражданской войны в России, войны в Испании (1936—1939) и Великой Отечественной войны (1941—1945). Герой Советского Союза (1945). С 1955 г. М.И.Неделин был заместителем министра обороны СССР и одновременно (с 1959 г.) первым Главкомом РВСН. В строительство Байконура он вложил весь свой колоссальный опыт и душу.

Главная задача всех работавших на космодроме Байконур состояла в проведении испытаний ракетно-космической техники и научных исследований в этой области, оценка их результатов. В основу работы был положен принцип совместных испытаний ракетоносителей и космических аппаратов специалистами промышленности и Министерства обороны. Техническое руководство при такой организации испытаний возлагалось на ОКБ-1 С.П.Королева и другие конструкторские организации. При совместных испытаниях улучшалось качество отработки технических характеристик систем и ракет в целом. Применение этого принципа позволило создать творческий и деловой союз ученых, конструкторов, испытателей; на высокий уровень было поднято качество испытаний.

Вышесказанное не означает, что на Байконуре все было благополучно. Освоение космоса — тяжелая и опасная работа. Ракета Р-16, разработки М.К.Янгеля, была первой межконтинентальной баллистической ракетой на высококипящих компонентах топлива, что позволяло ей долгое время находиться на старте в заправленном состоянии. Она создавалась коллективом конструкторского бюро «Южное», двигатели были разработаны В.П.Глушко, а система управления — харьковским ОКБ-692. Ракета имела длину более 30 м; диаметр первой и второй ступеней соответственно 3 м и 2,4 м. Р-16 имела много новшеств и была более компактной. В то же время она имела существенный недостаток: компоненты топлива — смесь окислов азота с азотной кислотой (окислитель) и несимметричный диметилгидразин (горючее) — были крайне ядовиты. Поэтому испытатели ракеты нуждались в надежной защите. Но средств защиты, даже противогазов, в тот период не хватало. Да и противогазы были пригодны для работы с такими ядовитыми компонентами не более 2—3 минут.

Тем не менее правительство ставило перед военными, разработчиками и испытателями задачу провести испытания ракеты в крайне сжатые сроки — до конца октября 1960 г. Кроме того, роковую роль сыграла традиция делать подарки ЦК КПСС к памятным датам, а был канун 43-й годовщины Октябрьской революции.

---

³ Курчатов И.В. (1902/03—1960) — советский физик, первый организатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР, академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда. Основатель и первый директор Института атомной энергии (с 1960 г. — имени И.В.Курчатова).

⁴ Королев С.П. (1907—1966) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда.

⁵ Глушко В.П. (1908—1989) — советский ученый в области ракетно-космической техники, основоположник отечественного жидкостного ракетного двигателестроения; академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда; в 1941—1974 гг. главный конструктор, с 1974 г. генеральный конструктор Газодинамической лаборатории (ГДЛ) опытно-конструкторского бюро (ОКБ).

Были определенные трудности в подготовке запуска первой ракеты на Байконуре, когда все делалось в спешке, в нервозной обстановке.

По испытаниям первой ракеты Р-16 была назначена Государственная комиссия, председателем которой был М.И.Неделин, а его заместителями Л.А.Гришин и М.К.Янгель. 21 октября ракета была доставлена на стартовую позицию, прошли ее предстартовые испытания. 23 октября ракету заправили, началась ее подготовка к пуску. В тот же день обнаружилось капельное подтекание топлива, которое постоянно нейтрализовалось расчетом химслужбы. Затем произошел еще целый ряд неполадок.

Утром 24 октября Государственная комиссия, помня о сжатых сроках испытаний, приняла решение продолжить подготовку ракеты к пуску, допустив тем самым отступление от утвержденной технологии. А в 18 часов 45 минут из-за преждевременного срабатывания электропневмоклапана наддува пусковых бачков произошел запуск маршевого двигателя второй ступени, что привело к мгновенному возгоранию большой массы соединившихся компонентов самовозгорающегося топлива. Страшная волна огненного урагана обрушилась на работающих людей.

Позднее так и не удалось установить точное количество погибших. Назывались цифры от 76 до 97 человек; более 50 человек были ранены⁶. В волне пламени погиб Главный маршал артиллерии М.И.Неделин, который в момент катастрофы находился в 15 метрах от ракеты. М.К.Янгеля спасло то, что в эти минуты он и генерал А.Г.Мрыкин находились в «курилке». Окружающие с трудом удержали М.К.Янгеля, который бросался в огонь, чтобы помочь погибающим людям. Этот день закончился для конструктора ракеты Р-16 обширным инфарктом.

Часто задают вопрос: кто виновен в этой катастрофе? Однозначного ответа не существует, так как причиной явились погрешности в конструкции ракеты, несоблюдение техники безопасности, давление из Москвы, требовавшей ознаменовать ноябрьские праздники запуском новой межконтинентальной баллистической ракеты, напряженная международная обстановка. При подведении итогов расследования председатель правительственной комиссии Л.И.Брежнев заявил: «Наказывать никого не будем, все виновные уже наказаны».

В феврале 1961 г. был проведен успешный пуск второй ракеты Р-16, которая впоследствии долгое время была на вооружении Советской Армии, являясь ядерным щитом нашей страны. Она стала первой межконтинентальной ракетой, используемой в шахтном варианте, что обеспечило скрытность и недостижимость советских ракетных установок в случае ответного удара.

Публикацию подготовили Е.Ю.БАШИЛОВА и Т.А.ГОЛОВКИНА.

№ 1

Воспоминания генерал-полковника К.В.Герчика¹

В начале июня 1957 г. в 80-й ракетной инженерной бригаде, которой мне довелось командовать, шла напряженная боевая учеба. Неожиданно для меня последовал вызов на полигон № 5 (космодром Байконур). Сборы, как бывает в таких случаях, не были долгими. После уточнения задачи немедленно вылетел на полигон. Память сохранила впечатление от этого полета. Природа на глазах резко менялась. Особенно это было заметно во время посадок самолета — сначала в городе Актю-

---

⁶ По официальным данным, при пожаре Р-16 погибло 74 и было ранено 49 человек (См.: Источник. 1995. № 1. С. 152).

бинске, а затем в аэропорту Джусалы. Ощущалась изнуряющая жара, горячий воздух напоминал сухой пар финской бани. Не радовала глаз выжженная солнцем и без того скудная растительность. С высоты полета, на фоне безоблачного неба, все казалось желтым и унылым.

В то время полигон уже действовал, на нем проводились испытания. Объекты первой очереди строительства были приняты и введены в постоянную эксплуатацию.

Маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин находился на полигоне. Вообще встречи с Неделиным были для нас, командиров, практической «академией». Неделин во время своего пребывания на полигоне в доброжелательной манере и краткой форме разъяснил нам суть ракетно-космической программы, предназначение полигона и перспективы его развития. Услышанное мною впечатляло масштабом и новизной. Маршал рекомендовал начать ознакомление со структурой полигона, ракетно-космической техникой и содержанием проводимых совместных летно-конструкторских испытаний.

На полигон ранее был вызван также полковник М.Г.Григорьев². Он имел аналогичную со мной задачу. Как потом выяснилось, М.И.Неделин лично изучал и подбирал двух кандидатов на новые участки работы. Одного — на должность командира первого боевого объекта, второго — на должность начальника штаба полигона. По истечении месяца нашей командировки М.И.Неделин провел подробную беседу с каждым из нас в отдельности. После этого принял решение: М.Г.Григорьева назначил на должность командира нового объекта, а автора этих строк — начальником штаба полигона. Впоследствии М.Г.Григорьев был командующим ракетного объединения, а затем и первым заместителем Главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения. На всех участках работы он трудился добросовестно, компетентно, с высоким чувством ответственности.

Первые впечатления от того, что удалось видеть и слышать, превзошли все ожидания. Новизна научных замыслов и идей, реализованных в конструкциях ракеты и технических системах, целеустремленность и высокий энтузиазм, царивший среди испытателей, радовали душу и вдохновляли. Приятно было сознавать, что ракетная техника и каждый ее агрегатный узел были только отечественными.

Еще на ранней стадии стало ясно и очевидно, что решить научно-техническую проблему чрезвычайной сложности, какой был НИИП-5 МО, одному коллективу было не под силу. Потребовалось привлечение умов, организаторов и производственных мощностей основных отраслей промышленности и народного хозяйства, проектных и строительных организаций. В итоге — создание полигона стало всенародным делом. На Байконур работала вся страна, и Байконур работал для всей страны.

Персональная ответственность за создание НИИП-5 МО правительством была возложена лично на маршала (с 1959 года Главного маршала артиллерии) М.Н.Неделина, с которой он справился с честью. Он был один из главных вдохновителей и организаторов создания Байконура. В Байконур он вложил не только свой богатый опыт, но и сердце и душу. Главный «архитектор» города Ленинска по праву считал Байконур своим детищем, жил вместе с нами одной жизнью.

Митрофан Иванович, как центральная фигура от Министерства обороны, виделся нам как видный военный деятель государственного масштаба. Он принадлежал к той группе военачальников, характерной чертой деятельности которых была разумная целеустремленность. Трудно было различить деловые и организаторские свойства Королева и Неделина. Это были два гиганта ракетно-космического проекта. Показателем незаурядных способностей Неделина, данных ему от природы, может служить такой результат его работы, как ввод основных объектов космодрома (I очередь) в течение двух лет и трех месяцев. Правительственное задание он выполнил с честью. Он — живая история полигона. Это был его личный подвиг и подвиг людей, работавших с ним рядом.

В данном рассказе можно было бы ограничиться оценкой М.И.Неделина С.П.Королевым, который сказал о нем так: «Большая удача, что он работает с нами, эрудированный и умный военачальник, помогал нам всем, чем мог». Действительно, Митрофан Иванович был военачальником большой воли и интеллекта. По уму и организаторским способностям равных ему военачальников в Вооруженных Силах было мало. Поясню. Неоднократно приходилось наблюдать и слышать, когда Митрофан Иванович по целому ряду сложных технических вопросов беседовал с разработчиками ракеты и системы, инженерами-испытателями профессионально. Его мысли, логика мышления и знание техники возвышали маршала и его авторитет в среде ученых, конструкторов и производственников. Поэтому авторитет его был безупречен. Мнение Митрофана Ивановича по организационно-техническим вопросам испытаний оказывало существенное влияние на принятие решений Госкомиссией. В основе его мнения было, прежде всего, знание дела.

Из материалов комиссии Л.И.Брежнева³ вытекает очевидный вывод: новая и первая ракета Р-16 (8К64 № ЛД-1-3Т) против здравого смысла и логики была отправлена на полигон «сырой», с крупными дефектами и недоработками. Заметим, что в последующем на доводку этой ракеты и подготовку ее к полигонным испытаниям потребовалось около четырех месяцев. Вокруг этой ракеты создалась сложная ситуация. На нее делалась большая ставка. В ней нуждалась оборона страны. Отработка ракеты Р-16 находилась непосредственно в поле зрения правительства и лично Н.С.Хрущева⁴. Они требовали ускорения работ. Нажим на разработчиков и заказчиков со стороны центра был усиленным. Но разработчики ракеты (завод ЮЖМАШ г. Днепропетровск) и заказчики — ГУРВО (Главное управление ракетным вооружением МО СССР) не осмелились доложить правду о неготовности ракетного комплекса Р-16. Мы, военные испытатели полигона, настаивали не отправлять «сырой» ракету Р-16 с завода на полигон. Но на наши возражения со стороны разработчика и заказчика последовало авантюрное решение: ракету Р-16 отправить на полигон.

Расчет строился «на авось», доработать на полигоне. Там же отработать и технологию ее испытаний. Такая позиция устраивала обе стороны. Прежде всего центр: ведь ракета на полигоне, значит дело двинулось. А разработчик и заказчик избавились от гнетущего «пресса». Отправке «сырой» ракеты на полигон способствовала «медвежья» услуга

ГУРВО и военных представителей всех уровней, давших санкцию на отправку ракет на полигон, действуя против совести, в угоду начальству и разработчику. Сложившаяся система отработки ракеты рухнула, не выдержала давления центра. Итак, ракета Р-16 (первая испытательная) спешно была отправлена на полигон. Мы, полигонщики, были поставлены перед фактом и постепенно становились заложниками ситуации. Полигон не располагал испытательными стендами и оборудованием. Мы оказались в запутанном лабиринте событий: испытания в МИКе^а длились более месяца, но они не выявили те дефекты в ракете, особенно в системе управления, которые привели к трагическим событиям на старте. Авантюризм власть имущих приблизил беду и несчастье, которые невозможно было предвидеть. В актах комиссии Л.И.Брежнева о данной причине умалчивается. Вероятно, это невыгодно было обнажать. На самом деле так и было, все закончилось катастрофой...

21 октября 1960 г. в 8.00 началось транспортирование ракеты на старт. Установка ракеты на пусковой стол прошла нормально. Были подключены все коммуникации, начались электрические испытания. При этом выявившийся ряд неисправностей устранялся конструкторами, заводчанами и испытателями. Это были первые сигналы неблагополучия результатов испытаний на технической позиции. 23 октября после проверок ракета была заправлена компонентами ракетных топлив. После заправки неожиданно для нас началось подтекание ракетного топлива (142—145 капель в минуту через уплотнительные соединения). Техническое руководство обосновало возможность такого дефекта при условии проведения нейтрализации. Утром 24 октября расчет приступил к дальнейшим испытаниям. В период испытаний на стартовой позиции находились М.К.Янгель⁵, его заместители Л.А.Берлин, В.А.Концевой, Л.В.Смирнов⁶ (директор завода-изготовителя), Б.А.Комиссаров (районный инженер), Б.М.Коноплев (главный конструктор системы управления) и другие специалисты. На полигоне также находились: министр по оборонной технике К.Н.Руднев⁷ (председатель Госкомиссии по ракете Р-7, готовился запуск космического аппарата), министр радиоэлектронной техники В.Д.Калмыков⁸ (находился в нулевом квартале), генерал-лейтенант А.Г.Мрыкин (первый заместитель начальника ГУРВО, главный заказчик), член-корреспондент АН СССР А.Ф.Богомолов⁹ и другие руководители и специалисты. Следовательно, на полигоне находился достаточный научно-технический и интеллектуальный потенциал. Чего же не хватало?

Не хватало главного — разумной технологии испытаний первой ракеты, конкретных знаний ее конструкции и исполнения, заложенных в схеме и конструкции ракеты. Работа шла в потемках, вслепую, на авось. Отказы в автоматике двигательной установки при заправке ракеты не были глубоко исследованы, не были оценены последствия, не были восприняты в качестве сигнала возможного бедствия. Уверенность технического руководства, испытателей и специалистов была непреклон-

---

^а МИК — монтажно-испытательный корпус.

ной: надо идти дальше. Вполне вероятно, что многие участники успешных запусков ракет Р-12 и Р-14 оказались в плену иллюзорных убеждений в безопасности пуска ракеты. Чем дальше в лес, тем больше дров. Испытания продолжались, за этим последовал ряд ошибок: не был проведен дополнительный анализ возможных аварийных ситуаций, тем более на запрошенной ракете и с задействованными батареями.

Наши попытки добиться прекращения испытаний, слива топлива и снятия ракеты с пускового стола были отклонены. Такой вариант оценивался как невыгодный, как отступление назад. К тому же отсутствовала разработанная технология слива компонентов ракетных топлив, без которой слив был невозможен; также оказалось невозможно использование ракеты Р-16 после слива. В результате мы оказались в западне. Вечером 24 октября обстановка была чрезвычайно сложной. Она требовала от технического руководителя и заказчика непосредственного присутствия и управления испытаниями. Особенно это необходимо на заключительном этапе. Но этого не произошло. М.К.Янгель и генерал А.Г.Мрыкин оказались в «курилке», выпустив из своих рук бразды правления испытаниями. Слишком большое доверие было оказано специалистам системы управления ОКБ-692 и его главному конструктору.

А в 18 часов 45 минут^а этого же дня произошел непредвиденный запуск двигателей второй ступени и взрыв ракеты, который повлек большие человеческие жертвы.

Что же записано в документах комиссии под председательством Л.И.Брежнева, проводившей расследование причин катастрофы (члены комиссии: Маршал Советского Союза А.А.Гречко¹⁰, Д.Ф.Устинов¹¹, К.Н.Руднев, В.Д.Калмыков, И.Д.Сербин¹², А.М.Гуськов, Г.М.Табаков, Г.А.Тюлин, в работе участвовали также ведущие специалисты от промышленности и полигона)?

«Причиной возникновения пожара на изделии явилось преждевременное срабатывание электропневмоклапана ВО-8 наддува пусковых бачков, вызванное командой программного токоруаспределителя при перестановке в нулевое (исходное) положение шаговых моторов в системе управления. Срабатывание ЭПК ВО-8^б, в свою очередь, привело к запуску маршевого двигателя II ступени»¹³.

Непосредственной причиной катастрофы явился недостаток комплексной схемы системы управления, допускающей несвоевременное срабатывание ЭПК ВО-8, управляющего запуском маршевого двигателя II ступени при проведении предстартовой подготовки. Этот недостаток не был выявлен при проведении всех предшествующих испытаний.

Из всех обозначенных причин, в том числе комиссии Л.И.Брежнева, не сказано о главной, изначальной причине. Суть ее: роковые ошибки в разработке и проектировании системы управления ракеты. Отсюда начиналась беда и несчастье. Рок взял верх над разумом.

О катастрофе на НИИП-5 МО 24 октября 1960 г. было много высказано и написано всевозможных спекуляций и недобросовестных вер-

^а Время местное.

^б ЭПК ВО-8 — электропневмоклапан ВО-8.

сий, авторы которых сознательно клеветали и чернили работу Госкомиссии по испытаниям ракеты, обвиняли ее в безграмотности ведения испытаний. Жертвы катастрофы завышались в несколько раз. Поклеп имел место и на председателя Госкомиссии Главного маршала артиллерии М.И.Неделина.

В 1959 г. М.И.Неделин был назначен Главкомандующим РВСН. 1960 год был насыщен крупными событиями по развертыванию ракетных войск стратегического назначения. Все это воплощать в жизнь приходилось маршалу. Умственная, физическая и психологическая нагрузка от этой работы была колоссальной. Быть председателем ГК^а по испытаниям — это постоянная работа и жизнь на полигоне. В общем, эта работа — на два фронта. По складу своего характера Митрофан Иванович Неделин от назначения председателем Госкомиссии отказаться не мог. Такой он был человек — добросовестный и безотказный. Как председатель комиссии вел работу уверенно, спокойно и профессионально.

М.И.Неделин 24 октября 1960 г. дважды вызывался Н.С.Хрущевым для переговоров по ВЧ^б. Содержание их переговоров нам неизвестно. Можно только предполагать.

Никаких волевых решений Неделин не предпринимал, особенно по техническим вопросам, как об этом изошрялась пресса. Все решалось коллегиально. Так что всякие публикации, направленные против Неделина, являются вымыслом или перепевом недобросовестных слухов.

Незадолго до катастрофы я попросил маршала отойти в безопасное место. Он мне ответил: «Разве я не такой офицер, как все остальные».

А где находились остальные? Янгель и Мрыкин — в «курилке», Смирнов и Комиссаров — эвакуированы за три километра от своего детища. Заместитель министра оборонной промышленности Л.А.Гришин — на старте, начальник полигона завершал обход и проверку работающего двигателя установщика. В момент запуска двигателя второй ступени я находился непосредственно у ракеты, проверял наличие течи окислителя из ракеты (непосредственно у стартового стола). Судьба отвела смерть. Уцелел чудом. Получил тяжелую травму — обширные ожоги II и III степени. Спасла природа — сильный порыв ветра.

Вернемся к вопросу о Митрофане Ивановиче Неделине. Конечно, Неделин не был ангелом, он имел, как и каждый человек, свои слабости. Но это ни в коей мере не умаляет его достоинств как великого руководителя и военачальника. Уход его из жизни был большой потерей для Вооруженных Сил и государства. Найти замену Митрофану Ивановичу было очень трудно. Он вошел в историю государства как крупный военный деятель. Служба Отечеству для него была прежде всего. Ветераны Байконура сохранили самые добрые воспоминания о М.И.Неделине.

РГАНТД. Арх. № 1419. Фоно (воспоминания). 19 см/с, мл., 6,25 мм, нг.

^а ГК — Государственная комиссия.

^б ВЧ — высокочастотная связь (правительственная).

РГАНТД. Арх. № 1-24946. Главные конструкторы и представители военного командования на космодроме Байконур. М.И.Неделин — сидит в первом ряду четвертый справа. Байконур, 1960 г.

№ 2

Воспоминания генерал-майора Г.П.Горы¹⁴

В истории развития техники, пожалуй, важное место занимает ракета Р-16, о которой уже много писалось, много рассказывалось. Известен, и ее печальный конец, когда ракета, не очень хорошо доработанная, была вывезена на старт для первого пуска, когда произошел на ней пожар. Многие говорят — взрыв, но взрыва не было, а был пожар. Сработал один из пиропатронов, сработал один клапан, который стал подавать горючее в рулевой двигатель второй ступени и от этого рулевой двигатель прожег корпус первой ступени, загорелось все это большое хозяйство, и все это произошло. К сожалению, этот случай был сопряжен с большим количеством жертв. Я не буду на этих вопросах останавливаться детально, поскольку эти факты широко известны, по видимому, записаны не один раз все детали этого вопроса, много там людей хороших погибло, и от промышленности и от военных. Были там, кстати, и очень умные, на мой взгляд, люди. Среди них я бы хотел отметить товарища Кузнецова, который не разрешил на старте находиться своему представителю, хотя его аппаратура стояла непосредственно в ракете, около ракеты и там нужно было ею заниматься, а руководил своей аппаратурой, находясь в укрытии, и ни одному из подчиненных не разрешил находиться около ракеты, и у него никто не погиб.

Были там и люди, которые опрометчиво к этому относились. Думаю, что сам по себе факт аварии произошел главным образом потому, что к этому времени ракетчики, конструкторские бюро, да и наши во-

енные руководители как-то привыкли к ракете, что чуть ли не похлопывать стали ее по боку, стоя рядом с ней в процессе подготовки, и на некоторое время забыли о той опасности, которую представляет столь сложный агрегат с такой большой энергетикой. Но, тем не менее, факт произошел, много там погибло хороших людей и со стороны военных также, в том числе и Главком ракетный — маршал Неделин. Мне лично пришлось вслед за этой аварией выехать туда вместе с генералом Юрышевым, для того чтобы на месте разобраться в деталях происшедших событий и наметить мероприятия: что нужно сделать на полигоне для того, чтобы больше такой случай не повторился. Этим вопросом мы и занимались. В частности, мне лично удалось найти, на каком месте погиб маршал Неделин. Я нашел его депутатский значок. И версия о том, где он погиб, не соответствует действительности. Он погиб в четырех метрах от того места, о котором раньше говорилось, и то место я нашел по его значку депутатскому. Там, среди погибших на этом месте, он был единственный депутат Верховного Совета, поэтому сомнений уже быть не могло.

РГАНТД. Арх. № 799. Фоно (воспоминания). 19 см/с, мл., 6,25 мм, нг.

№ 3

Воспоминания подполковника В.В.Савинского¹⁵

Я о Неделине расскажу такой случай, как он на Байконуре заботился о людях, о подчиненных. Так, подполковник в отставке Владимир Гаврилович Панский, бывший замполит технической группы, готовящейся к пуску ракеты, вспоминает:

«В день гибели, значит, 24 октября 1960 г., была интересная встреча у нас с Неделиным Митрофаном Ивановичем. В казармы технической группы он вошел один, чуть позже он сказал, что ехал мимо и решил посмотреть, как живут ракетчики, вот и зашел в крайнюю казарму. Я доложил маршалу, как положено, по уставу. Митрофан Иванович поздоровался с личным составом, обращаясь ко мне, сказал, чтобы я показал, как мы живем. Казарму только что построили и заселили. Я хотел повести маршала в Ленинскую комнату, но он взял инициативу в этом вопросе и повел меня в туалетные комнаты, где проверил все и уточнил все как с водой, моют ли они и когда они ноги моют. После этого посмотрел спальные помещения, Ленинскую комнату, класс. Осматривая помещение, Неделин беседовал с рядовым и сержантским составом и только изредка задавал мне вопросы для уточнения. Таким интересом к их жизни он расплагал к себе всех присутствующих. Порядком в казарме маршал остался доволен. Но вот в казарму прибежал дежурный по части, командиры и другие, все входили и докладывали Главному, это отвлекало его от душевной беседы с личным составом подразделения. Митрофан Иванович, как бы извиняясь, обращаясь ко мне и ко всему личному составу подразделения, сказал: «Ну вот, не дадут нам больше побеседовать, до свидания». И с этими словами вышел из казармы.

О Неделеине я так скажу: во все детали он хотел сам влезть. Придет ли на ВЦ^а или на испытания — везде все пощупает, сам посмотрит и прочее. А если приходил в войсковую часть, особенно летом, туда, где были турники и где солдаты по ФИЗО занимаются, так он никогда этого не пропускал, а просил сделать упражнения. Так вот, если кто сделает одно, два, три упражнения хорошо, тут же говорил своему адъютанту: «в приказ», — и награждал их часами. Ну, когда уже нет больше желающих, офицеры ведь обычно немножко потяжелее да и разбегались, чтоб не заставили их крутиться на турнике, а вот сержантов с рядовыми много он награждал».

Теперь об аварии: вот я вам прочитаю воспоминания одного товарища, который горел, но не сгорел, живой остался. Это Анатолий Васильевич Маслов, 1933 г. рождения, уроженец Ивановской области, теперь он живет в Краснодаре:

«Началась подготовка к пуску ракеты типа 8К-64 (Р-16). Данный пуск готовило СКБ^б выдающегося советского ученого Михаила Кузьмича Янгеля. Особенно мне хотелось бы вспомнить две встречи с Главным маршалом артиллерии Неделениным.

Первая была в период подготовки к запуску ракеты, был октябрь студеный, температура — минус 8—15 градусов, с ветром. У меня на старте работали 8 человек связистов во главе с сержантом Дегиным, и все мои подчиненные работали в шинелях, а гражданские товарищи в меховых куртках. На неоднократные мои обращения к руководству выдать теплое обмундирование солдатам был ответ: «Не положено». Вот и продолжалось: гражданские придут, обмундированы в меховое, а мы в шинелях, значит, ходим. Однажды днем в одном моем служебном помещении, находящемся в бункере, отпирается дверь и входит Главный маршал Митрофан Иванович Неделин. Я, как положено, вскочил, чтоб доложить маршалу о проводимых работах. Он меня сразу остановил и задал вопрос: «Товарищ старший лейтенант, это ваши солдаты в шинелях?» Я ответил: «Да». — «Почему не в меховых куртках?» Говорю: «Куда ни обращался, везде один ответ — не положено». Митрофан Иванович, обращаясь к адъютанту, сказал: «Чтобы всем солдатам было выдано теплое обмундирование! А к вечеру мне доложить! А вам, товарищ старший лейтенант, надо быть понастойчивей!». Эти слова маршала я запомнил на всю жизнь. Через два часа все мои подчиненные были одеты в меховые куртки и брюки. Вот какие действия Митрофан Иванович производил на старте, в момент подготовки ракеты. В этом — весь маршал Неделин.

Вторая встреча была вечером 23 октября 1960 г. На старте царило нервное оживление, на площадках обслуживания трудились испытатели, работа продолжалась. Как обычно, на старте возле ракеты появился маршал Неделин. Я занимался проверкой громкоговорящей связи. Он подошел ко мне, я сразу доложил, чем занимаюсь. Митрофан Иванович

---

^а ВЦ — вычислительный центр.

^б СКБ — специальное конструкторское бюро.

узнал меня и спросил: «Ваши солдаты получили теплое обмундирование?» — «Так точно!» — ответил я. — «Занимайтесь своим делом, больше не докладывайте мне».

Он еще долго находился на стартовой площадке, тем самым подбадривал работающих здесь, так как обстановка была очень серьезная. Здесь же руководил всей работой главный конструктор Янгель, его заместители Берлин, Концевой. В эту трудную минуту не уходил со старта начальник полигона генерал-майор К.В.Герчик. Поздно вечером пуск ракеты правительственной комиссией был отменен.

Тревожно началось утро 24 октября. Ко всем бедам добавилась еще одна — появилась капельная течь горючего. Все работали «на нервах». Запуск ракеты типа 8К-64 до вечера откладывался несколько раз. Приблизительно за час до пуска ракеты какие-то «умники», закрывая люк, перебили три многожильных кабеля, которые проложили мои связисты — шлемофонная связь работающих на ракете людей прервалась, что было доложено кем-то в ГК. Этим вопросом немедленно занялся генерал-лейтенант А.Г.Мрыкин. Он приказал вызвать начальника связи полигона, моего заместителя, которого на месте не оказалось, и я был последним. Вызвали меня и спросили, сколько времени мне надо на устранение неисправности, я ответил — 10 минут.

Кабели были заменены в течение 5 минут. Работа продолжалась. После устранения неисправности я дал команду отправить семь человек в укрытие, чем спас им жизни.

До пуска оставалось 15 минут.

Я видел, как маршал Неделин сидел на стуле возле КП^а. Около него был подполковник Сало, это его адъютант. В 18.45 раздался треск, реакция у меня была мгновенной, расстояние 10 метров в сторону я преодолел со скоростью выше олимпийской. Оказавшись на песке, я услышал взрыв. Пламя по бетонке лизнуло меня всего. Я горел, подумал: все кончено. Но что-то подсказывало, поскольку я был в памяти, — беги! Я побежал, но был весь охвачен пламенем, стал кататься в песке, поднимаюсь — все равно горю.

Очнулся я в госпитале на вторые сутки. Я хорошо помню 26 октября, когда медсестра включила нам радио и было объявлено, что в авиационной катастрофе погиб маршал артиллерии Неделин».

РГАНТД. Арх. № 974—11. Фоно (воспоминания). 19 см/с, мл., 6,25 мм, нг.

Примечания

¹ Герчик Константин Васильевич — генерал-полковник, кандидат военных наук. Родился в 1918 г. в деревне Сороги Минской области. В Вооруженных Силах с 1938 г. по 1979 г. Участник Великой Отечественной войны. В 1945—1953 гг. — учеба и преподавательская работа в Военной академии им. Ф.Э.Дзержинского. 25 лет служил в войсках стратегического назначения. В 1954—1957 гг. командир 80-й инженерной бригады; начальник штаба (1957—1958), начальник космодрома Байконур (1958—1961), командующий 50-й ракетной армией (1972—1979).

^а КП — командный пункт.

Участник запуска первого в мире искусственного спутника Земли и отработки космического корабля «Восток». Председатель Совета ветеранов космодрома Байконур. Воспоминания записаны 8 августа 2000 г.

² *Григорьев М.Г.* (1917—1981) — советский военный ученый, специалист в области ракетно-космической техники, генерал-полковник (1968). Участник Великой Отечественной войны. В Советской Армии с 1936 г. Окончил Военную академию им. Ф.Э.Дзержинского, Военную академию Генерального штаба. С 1946 г. старший научный сотрудник штаба артиллерии Советского Армии, с 1950 г. командир бригады особого назначения. С 1956 г. заместитель и 1-й заместитель начальника высшего артиллерийского инженерного училища, с 1957 г. командир соединения. С 1966 г. командующий ракетной армией. В 1968—1981 гг. 1-й заместитель главкома Ракетными войсками стратегического назначения.

³ *Брежнев Л.И.* (1906—1982) — советский государственный и партийный деятель, Председатель Президиума Верховного Совета СССР (с мая 1960 г.), 1-й секретарь ЦК КПСС (1964—1966), с 1966 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС.

⁴ *Хрущев Н.С.* (1894—1971) — советский государственный и партийный деятель, с 1953 г. 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958—1964 гг. председатель Совета Министров СССР, член Президиума ЦК с 1952 г. Освобожден пленумом ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) от занимаемых должностей.

⁵ *Янгель М.К.* (1911—1971) — советский ученый, конструктор в области ракетно-космической техники, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда. В 1937 г. окончил МАИ, работал в КБ Н.Н.Поликаркова до 1944 г., с 1944 г. — в КБ Ар. И.Микояна и В.М.Мясищева, окончил Академию авиационной промышленности (1950), в 1952—1954 гг. директор НИИ, с 1954 г. главный конструктор КБ.

⁶ *Смирнов Л.В.* (р. 1916) — советский государственный деятель, Герой Социалистического Труда. Окончил Новочеркасский индустриальный институт (1939). С 1949 г. директор НИИ, затем директор завода, начальник Главного управления Государственного комитета по оборонной технике. В 1961—1963 гг. заместитель председателя, председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по оборонной технике (министр СССР).

⁷ *Руднев К.Н.* (1911—1980) — советский государственный деятель, Герой Социалистического Труда, в 1958—1961 гг. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по оборонной технике (министр СССР). С 1961 г. по 1965 г. заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета по координации научно-исследовательских работа СССР.

⁸ *Калмыков В.Д.* (1906—1974) — советский государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда. С 1949 г. на руководящей хозяйственной и государственной работе, министр радиопромышленности СССР (1954—1957 и с 1965). С 1957 г. до 1965 г. председатель Государственного Комитета по радиоэлектронике.

⁹ *Богомолов А.Ф.* (р. 1913) — советский ученый, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда. Специалист в области радиотехники и радиофизики (разработка радиотелескопов). Лауреат Ленинской и Государственной премий.

¹⁰ *Гречко А.А.* (1903—1976) — советский партийный, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой СССР. В Советской Армии с 1919 г. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе, Военную академию Генерального штаба. С 1957 г. — 1-й заместитель министра обороны СССР, главком Сухопутных

войск; с 1960 г. 1-й заместитель министра обороны и главнокомандующий вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора, министр обороны СССР (1967—1976).

¹¹ *Устинов Д. Ф.* (1908—1984) — видный советский партийный, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза, Герой СССР, дважды Герой Социалистического Труда. В 1934 г. окончил Ленинградский военномеханический институт, в годы Великой Отечественной войны — нарком вооружения СССР; министр вооружения (1946—1953), министр оборонной промышленности (1953—1957), заместитель, 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР. (1957—1965). С апреля 1976 г. министр обороны СССР.

¹² *Сербин И. Д.* (1910—1981) — советский партийный, государственный деятель. С 1958 г. заведующий отделом ЦК КПСС.

¹³ Источник. 1995. № 1. С. 154.

¹⁴ *Гора Г. П.* — генерал-майор. Родился в 1921 г. в городе Днепропетровске. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию им. Ф. Э. Дзержинского. Принимал участие в испытаниях ракет Р-7, Р-14, Р-67. С 1971 г. по 1977 г. работал в аппарате заместителя министра обороны по вооружению. Воспоминания записаны 29 марта 1990 г.

¹⁵ *Савинский Василий Васильевич* — подполковник. Родился в 1924 г. в деревне Быково Вологодской области. В Вооруженных Силах с 1950 г. по 1983 г. Окончил Военную академию химических войск. Служил на космодроме (1955—1980) в должности: начальника лаборатории, инженера отдела, старшего офицера управления начальника химических войск, начальника службы радиационной безопасности. Первый заместитель председателя Центрального Совета ветеранов космодрома Байконур. Воспоминания записаны 1 февраля 1991 г.

«ТЯГОТЫ И ЛИШЕНИЯ БЫЛИ НЕ НАПРАСНЫ»

Воспоминания генерал-майора Н.Г.Мерзлякова о работе на полигоне Капустин Яр в 1949—1955 гг.

Журнал продолжает публиковать воспоминания очевидцев запусков ракет дальнего действия, которые открывали новую эру в развитии космической отрасли. В данном номере читателям предлагаются воспоминания Н.Г.Мерзлякова, одного из участников испытательных запусков ракет Р-1, Р-2, Р-7, Р-11 на полигоне в Капустинском Яре в период с 1949 г. по 1955 г.

Николай Григорьевич Мерзляков, участник Великой Отечественной войны, родился 19 декабря 1919 г. в дер. Рогачево Сергиево-Посадского уезда Московской губернии в крестьянской семье. После школы поступил в Московское зенитно-артиллерийское училище, которое окончил лейтенантом по специальности прожекторист. В годы Великой Отечественной войны охранял небо столицы, Сталинграда и других городов. В 1949 г. окончил Военно-инженерную академию им. В.В.Куйбышева, после чего был направлен служить в ракетные войска. Это было время появления и стремительного развития новой науки — телеметрии. Пройдя должностные ступени от инженера до начальника отдела телеметрических измерений, автор публикуемого материала, кандидат технических наук, можно сказать, стоял у истоков многих современных космических технологий.

Воспоминания дают представление о технологии и объеме испытаний ракеты перед запуском. Огромная ответственность в этом процессе ложилась на телеметрическую лабораторию, которая производила комплексные испытания и предъявляла ракету Государственной комиссии. Решение о «заправке ракеты компонентами топлива и производстве пуска» принималось после выполнения огромного объема работ большим коллективом специалистов.

Тем, кто начинал прокладывать дорогу в космос, приходилось терпеть немало трудностей и лишений. Автор рассказывает, как постепенно, зачастую своими руками, ракетчики преобразовали жилой городок, как на полигоне складывались свои традиции. В частности, знакомит с забавной традицией, которую старались не нарушать: оказывается, присутствие женщины на старте — явление нежелательное.

С большой теплотой отзываясь о сослуживцах, профессионалах высокого класса, автор с сожалением отмечает, что связь со многими из них потеряна и об их дальнейшей судьбе ему ничего неизвестно.

Публикуемый материал взят из личного архива Н.Г.Мерзлякова.

Публикацию подготовил Н.Н.МЕРЗЛЯКОВ.

После окончания электромеханического факультета Военно-инженерной академии им. В.В.Куйбышева в январе 1949 г., пять выпускников — капитаны Казьмин И.П., Мерзляков Н.Г., Томашевич Е.И., Чирков Н.В. и инженер-капитан Эйбшиц В.М. были направлены для

прохождения дальнейшей службы в распоряжение Главного маршала артиллерии М.И.Неделина.

Февраль, март и большую часть апреля мы регулярно, раз в неделю, посещали управление кадров ГАУ^а для получения последующего назначения. Как потом нам объяснили знающие люди, в это время «компетентные органы» проверяли нас на благонадежность. Наконец, придя в очередной раз в управление кадров, мы получили назначение в в/ч 15649 — Государственный центральный полигон, село Капустин Яр Астраханской области. О полученном назначении настоятельно рекомендовали не распространяться.

Будучи на последних курсах, все мы обзавелись женами, однако нас предупредили — на первых порах жилья не будет. По прибытии в Капустин Яр мы встретили удручающую картину. В то время так называемая 10-я площадка (жилая зона), так же как и площадки, предназначенные для проведения испытаний, только начинала обустраиваться. Были построены несколько кварталов сборно-щитовых домиков для жилья руководящего состава полигона и аналогичной конструкции бараки, в которых располагались казармы, штабы, столовые и прочее. В нескольких местах наблюдалось строительство капитальных зданий.

Полигоном командовал генерал-лейтенант Вознюк Василий Иванович, человек одаренный от природы, первопроходец, заслуги которого в становлении ракетных войск неопределимы. Почти тридцать лет он командовал полигоном, начиная с чистого места, оставив после себя благоустроенный озелененный городок с развитой инфраструктурой. Большинство из нас, ветеранов-ракетчиков, прошли его школу преодоления трудностей службы и быта, воспитывая в себе чувство долга и добросовестного отношения к своим обязанностям.

На полигоне нас принял заместитель начальника полигона по НИР инженер-полковник Поляков Л.М. После непродолжительной беседы он выяснил пожелания каждого о характере предстоящей службы и назначил нас в соответствии с высказанными пожеланиями. Капитаны Казьмин И.П. и Томашевич Е.И. получили назначение командирами технических батарей в БОН (бригаду особого назначения), инженер-капитан Эйбшиц — к инженер-полковнику Бунину, а нас двоих — капитана Чиркова Н.В. и меня — направили в в/ч 15646 к генерал-майору Тверецкому Е.Ф. Его управление занималось испытаниями ракеты Р-1, прототипом которой была немецкая ФАУ-2. Капитан Чирков Н.В. направился в команду по испытаниям ракеты на технической позиции, а я в стартовую команду под начало инженер-майора Смирницкого Н.Н. (в то время он имел, кажется, такое звание).

В этот день должен был состояться пуск очередной ракеты Р-1. Мы знали, что ракетами ФАУ-2 немцы обстреливали Лондон, и увидеть своими глазами пуск ее аналога нам было крайне интересно. Мы оба направились на старт: я доложить о прибытии к новому месту службы, а Чирков понаблюдать за пуском ракеты.

---

^а ГАУ — Главное артиллерийское управление.

Генерал-майор Н.Г.Мерзляков. 1990-е гг.

Прибыв на стартовую площадку (площадка № 4), я представился начальнику стартовой команды Н.Н.Смирницкому. Занятый подготовкой пуска, он не располагал временем для знакомства со мной и предложил пока понаблюдать за ходом работ вместе с другими офицерами стартовой команды. Здесь я впервые увидел С.П.Королева¹.

Когда пришло время эвакуации незанятых в пуске ракеты членов стартовой команды, я незаметно спрятался в заросли высокой травы рядом с крайней аппарелью^а, на краю стартовой площадки. После завершения всех работ прозвучал сигнал сирены. После сирены из бункера

---

^а Аппарель — пологий спуск или пологая насыпь для въезда, выезда или погрузки военной техники.

вышел офицер, который внимательно все осмотрел и ушел назад. Через очень короткое время произошел пуск ракеты. По своей неопытности я совершил величайшую глупость, подвергая себя большой опасности в случае аварийного пуска. Наблюдать лежа на животе за ракетой, после ее отделения от стартового стола, было очень неудобно, а звук и факел работающего двигателя прижимали меня к земле. Удовольствия от своего наблюдения я не получил. Кроме того, я понял, что если мой поступок обнаружится, то мне не поздоровится. К счастью, этого не случилось.

В следующий раз я наблюдал за пуском ракеты с места расположения теодолита, осуществлявшего внешнетраекторные измерения ракет во время их запуска. По моим наблюдениям, стартовая позиция с 1949 г. по 1955 г. почти не изменилась.

В стартовой команде я практически был один день. После пуска ракеты Н.Н.Смирницкий пригласил меня и сообщил о моем переназначении в лабораторию телеметрических измерений того же управления в/ч 15646. Начальник лаборатории инженер-подполковник Орлов Н.Н. с ракетой ФАУ-2, элементами ее двигательной установки, системой управления и испытательной аппаратурой познакомился еще на заводах Германии. Кроме того, он был отлично подготовлен как инженер-радиотехник, пользовался уважением среди офицеров. Телеметристов фирмы С.П.Королева в то время возглавлял тоже очень знающий свое дело и пользующийся уважением инженер Н.Н.Жуков.

Для меня, молодого выпускника академии, они представляли несомненный авторитет, способствовали развитию многих полезных качеств инженера-телеметриста. Мой новый начальник требовал от своих подчиненных знания не только самой измерительной системы, которую мы обслуживали, но и особенностей различных систем ракет, работу которых мы контролировали.

Несколько слов о самой телеметрии. Прежде всего, на таких объектах как ракеты измерения и контроль работы отдельных ее элементов возможны только с помощью радиотелеметрии. Все измерения осуществляются с помощью датчиковой аппаратуры. Датчик преобразует физическую величину, подлежащую измерению, в электрическую. Эта электрическая величина в бортовом устройстве проходит ряд радиотехнических преобразований, превращаясь в радиоизлучения. На земле радиоизлучения принимаются приемными радиотелеметрическими станциями, подвергаются обратным радиотехническим преобразованиям и регистрируются в виде графиков на кинопленку. Последующая обработка этих материалов превращает их в физические величины.

На первых порах моей службы в в/ч 15646 измерения при испытаниях ракет осуществлялись 8-ми канальной немецкой радиотелеметрической системой «Бразилионит» с частотным разделением каналов и регистрацией измерений на фотобумагу с помощью шлейфовых осциллографов. В своих воспоминаниях генерал-майор Боков В.А. допускает неточность, приписывая ей вместо 8-ми шестнадцать каналов².

Система в работе была ненадежна, настройка шлейфов часто сбивалась, их настройка осуществлялась при слабом красном свете. Заходить в кунг при отлаженной и подготовленной к измерениям аппаратуре

не рекомендовалось. Вскоре появилась новая радиотелеметрическая система СТК-1, под шифром «Дон». Это была современная, по тому времени, импульсная 16-ти канальная измерительная система, с регистрацией параметров на 35 мм. пленке с помощью 4-х фотоблоков. Изменяемые параметры автоматически привязывались к единому времени и к моменту отрыва ракеты от стартового стола (контакт подъема). Систему разработало НИИ-885, главный конструктор Е.И.Богуславский.

Подвижной вариант системы СТК-1 размещался в кунге автомобиля. Система не была лишена недостатков, а именно: критична в настройке, капризна в эксплуатации и требовала калибровки каналов. Последняя операция осуществлялась с помощью специально разработанного пульта ПГ-4. Калибровка позволяла повысить точность измерений системы. Эта операция на технической позиции, при горизонтальном положении ракеты, труда не представляла, но на стартовой позиции, при вертикально установленной ракете, была достаточно сложна. Основная аппаратура системы управления ракеты и аппаратура телеметрических измерений размещалась в приборных отсеках головной части. Для технологического обслуживания бортовой аппаратуры ракеты в вертикальном положении на установщике ракеты, на уровне отсеков, предусмотрена площадка обслуживания. Для обслуживания головной части ракеты с противоположной стороны площадки обслуживания предусмотрено специальное устройство — люлька-мостик. Это устройство с помощью специального кольца накидывалось на головную часть ракеты и на этом кольце задерживалось. Доступ в люльку-мостик с земли осуществлялся по металлическим скобам вверх до мостика обслуживания, а с него на люльку-мостик. Когда под тобой около десяти метров, а под ними металл и бетон — это не очень приятно.

Всем, кому по технологическому циклу подготовки ракеты на старте было необходимо выполнение работ в этой люльке-мостике, выдавался специальный монтажный пояс со стальным тросом и карабином на конце. Прежде чем начать основную работу, было необходимо с помощью карабина надежно пристегнуться, застраховав себя от несчастного случая. (За несколько месяцев до моего прибытия на полигон с этого мостика разбился офицер-испытатель). За свою службу на полигоне я не один десяток раз проделывал этот путь и всегда с неприятными ощущениями.

Появление радиотелеметрической системы СТК-1 заметно повысило объем измерений на борту ракеты. Однако первые ее испытания показали — в конце активного участка траектории полета измерения параметров ракеты идут со сбоями и потерей информации. С выключением двигателя работа радиолинии восстанавливалась. Аналогичная картина наблюдалась и на последующих пусках. То, что прием информации бортового устройства СТК-1 восстанавливается с момента выключения двигателя, натолкнуло на мысль о возможном влиянии газовой струи двигателя ракеты. Провели замер напряженности поля на этом участке. Результаты измерений, выполненные с разных точек размещения приемных станций, подтвердили, что при определенном направлении вектора скорости относительно расположения приемных станций, наблюдается значительное уменьшение уровня принимаемого сигнала.

Изучением этого явления занялся НИИ-885, где были сосредоточены основные радиотехнические средства, участвовавшие в испытаниях ракет. Исследованием этого вопроса занялся Б.М.Коноплев.

Несколько слов о технологии и объеме полигонных испытаний ракет. Каждая ракета перед пуском подвергается тщательной проверке, сначала на технической позиции, а затем на старте. Комплекс проверок на технической позиции должен гарантировать надежную работу каждого прибора системы управления и узлов ракеты на всем активном участке траектории. Техническая позиция для этих целей оснащается специальным лабораторным оборудованием, размещенным в МИКе — монтажно-испытательном корпусе.

Каждая система проверяется автономно, затем идут комплексные испытания, в которых участвует как бортовая, так и наземная телеметрическая аппаратура. При наличии замечаний производился ремонт или замена неисправных приборов, и испытания повторялись вновь. И так до момента, когда фиксировалось «наличие отсутствия». Все испытания непременно фиксировались телеметрией. Проверенную ракету отправляли на стартовую позицию, где все повторялось с самого начала, но количество недочетов было уже значительно меньше. После этого можно было докладывать результаты Государственной комиссии по испытаниям, которая на основании записей принимала решение о заправке ракеты компонентами топлива и производстве пуска.

Пуск производит начальник стартовой команды из железобетонного бункера. Контроль за процессом пуска ведется визуально с помощью морского перископа. Перед запуском двигательной установки подается сигнал «протяжка», по которому включаются измерительные средства и начинают записывать пока еще отсутствующие параметры. Их работа продолжается во время всего полета до окончания передачи сигналов бортовыми датчиками.

При всей сложности и тщательности испытаний никто и никогда не решится дать 100% гарантии успеха. Пуск ракеты дело сложное и, как следствие, возникали некоторые «суеверия», переходящие впоследствии в традицию. Одна из них — женщина на старте. По неписанным законам представители промышленности, принимающие участие в непосредственной подготовке и самом пуске, всегда мужчины, хотя «слабый пол» во многих случаях работал при строительстве, отладке и проектировании ракет.

Вспоминается такой случай. Ведущий инженер НИИ-88 по электросхеме телеметрических измерений, женщина очень интеллигентная, средних лет, попросила меня показать ей старт ракеты. Я пообещал ей это сделать при очередном пуске. Выполняя свое обещание, я появился с ней на старте. Реакция была моментальная — начальник стартовой команды инженер-подполковник Меньшиков В.И. подозвал меня и строго спросил: «Николай Григорьевич! Кто тебе дал задание сорвать сегодняшний пуск?» При наших с ним хороших отношениях это звучало как шутка, но старт мы с дамой наблюдали из нашего домика телеметристов в нескольких километрах от стартовой позиции. Расстояние для «нейтрализации» было достаточным, и ракета улетела благополучно.

На первых порах испытания Р-1, которая была точно скопирована с ФАУ-2, проводились в деревянном ангаре. Уже тогда его называли МИКом. Все оборудование, которое было привезено вместе с ракетой из Германии, находилось в металлических железнодорожных вагонах в непосредственной близости от ангара. Электротехническое оборудование, размещенное в вагонах, при работе выделяло очень много тепла, оно «складывалось» с теплом южного солнца и вагон накалялся, как духовой шкаф. Работа в таких условиях и для здорового человека превращалась в пытку, а каково было моему однокашнику по академии с простреленным на войне легким, и подумать страшно.

Отдельные образцы ракет, поступающих на испытания, приходили с набором недоделок, которые по разным причинам пропустили на заводе. Для их устранения приезжала большая бригада инженеров. Представители промышленности, а также некоторые сотрудники полигона вместо гостиниц жили в таких же вагонах по два человека в купе. Они утверждали, что к утру вагон остывал до такой степени, что стенку можно было потрогать. Однако постепенно полигон благоустраивался, был построен МИК из стекла и бетона, с соответствующим оборудованием, к нам пришла цивилизация.

С первых дней службы в качестве инженера-телеметриста мне пришлось много работать совместно с инженером отдела НИИ-88 А.И.Регитель, молодой и привлекательной женщиной, совсем недавно закончившей институт. Зимой, в одну из поездок в открытой машине, я промерз до самых костей. Когда я явился в лабораторию, Анна Ивановна, увидев мое состояние, немедленно налила полстакана спирта «для профилактики». Я, не считая себя большим любителем спирта, не решился «лечиться» при даме, но после ее восклицания: «Что же вы за мужчина!» — пришлось выпить. Помогло.

При выполнении совместных работ непосредственно на ракете случались курьезные случаи. Шли испытания ракеты Р-2. На предыдущих пусках было установлено, что стабилизатор головной части (по нашей терминологии — юбка) при входе в плотные слои атмосферы не выдерживает нагрузок и разрушается. Для определения причин «юбку» подвергли строжайшему температурному контролю. Для большей надежности термодатчики расположили с внутренней стороны. Ответственным за эти измерения от фирмы С.П.Королева была инженер телеметрического отдела Н. Стоя на стремянке, она проверяла их и обнаружила оторванный датчик. В это время мимо проходил заместитель С.П.Королева по системам управления и измерениям Б.Е.Черток³. Увидев своего начальника, она громко доложила: «Борис Евсеевич, а у меня под юбкой датчик сдох!» Ближайшие соседи прислули от смеха, а Борис Евсеевич порекомендовал: «Ну, что же, придется глушить».

За время службы на Государственном центральном полигоне с апреля 1949 г. по апрель 1955 г. я участвовал в испытаниях ракет Р-1, Р-2, Р-1и Р-5, последовательно пройдя должности инженера, старшего инженера и начальника отдела телеметрических измерений. При испытаниях перечисленных ракет в основном использовалась радиотелеметрическая система СТК-1, шифр «Дон». В 1949 г. на полигон приехала

группа инженеров во главе с В.А.Котельниковым⁴ из Московского энергетического института для испытаний аппаратуры «Индикатор Г». После соответствующих корректировок эта аппаратура А.Ф.Богомоловым⁵ была представлена нам в виде новой радиотелеметрической системы «Трал».

В это же время на полигоне проходила испытания импульсная радиотелеметрическая система с электромеханическим переключением каналов разработки Е.С.Губенко. При сравнительной оценке предпочтение было отдано 48-канальной системе «Трал» разработки МЭИ. Из всех телеметрических систем, которые мне приходилось эксплуатировать при испытаниях, эта система была наиболее удачной как по оригинальности принципа построения, так и по рабочим данным и надежности.

При полигонных испытаниях ракет, особенно их первых экземпляров, они ведут себя порой вопреки программам, заложенным в систему управления. Причина, как правило, одна — невыявленные дефекты. В этом случае мы имеем так называемый аварийный пуск. Ракета может взорваться на стартовом столе, разрушиться в полете, в конце концов, полететь, скажем, не на Камчатку, куда планировалось, а в какое-либо иное место.

Взрыв на старте — это, конечно, плохо — ЧП, но сравнительно безопасно, так как весь стартовый расчет находится в бункере, а для прочих случаев установлена «зона отчуждения» — сектор в направлении стрельбы, откуда заранее удаляются люди и животные. В случае ухода траектории с заданной предусмотрены более «жесткие» меры, например, уничтожение ракеты.

С явлением аварийного пуска в Капустином Яре я сталкивался дважды. Первый раз при испытании ракеты Р-2. Запуск осуществлялся из бронеавтомобиля. За пультом управления находился капитан Павел Пожидаев, а я — за переносным пультом управления бортовым устройством СТК-1. В бронеавтомобиле нас двое, все остальные находятся в бункере. В мои обязанности входило: во-первых, опросить приемные станции СТК-1 об исходном состоянии системы управления перед стартом и доложить стреляющему; во-вторых, с помощью пульта управления перевести питание системы с наземного источника на бортовые батареи. Ракета нормально оторвалась от стартового стола, но через несколько секунд полета цвет газовой струи изменился, и она стала падать. Головная часть была оснащена нормальным тротиловым зарядом.

Увидев падающую ракету, мы было бросились к бункеру, однако поняли, что времени не хватит, и попадали за бронемашинной. Ракета упала метрах в 300-х от старта, но не взорвалась, просто разрушилась и сгорела. Сработала аварийная блокировка. Потери от этой аварии — фуражка одного из офицеров заправочной команды, которая сначала была сбита, а затем затоптана в «аварийной» суете.

Второй случай имел место при испытаниях ракеты Р-11. Ракета нормально сошла со стартового стола, но направилась в обратную сторону и упала через несколько секунд после старта, на полпути к домику телеметристов. На сей раз тоже никто не пострадал. Вообще при испытаниях наших ракет не было случаев гибели испытателей, хотя немцы

при вводе ракет ФАУ-2 и обстреле Лондона потеряли несколько стартовых команд. Может быть, мы в какой-то степени использовали их опыт. Хотя должен признать, что строжайшие правила техники безопасности, существовавшие в то время, соблюдались отнюдь не всегда, и почти всегда не в полном объеме. На стартовой позиции всегда присутствовали лишние люди, находилось большое начальство, которое само устанавливало для себя правила, да еще и водило с собой большую свиту.

Полигон представлял из себя группу «площадок» — стартовых позиций. В центре находилась площадка № 10, жилой городок, административный и командный центр. Все они были связаны сетью тогда еще грунтовых дорог. Дороги эти были таковы, что машины иногда сталкивались «лоб в лоб» из-за пыли, а приехав к месту работы, мы узнавали друг друга только по голосу. Однажды водитель по той же причине среди бела дня не заметил овраг, через который ездил по несколько раз на день и «уронил» туда «студебеккер», полный пассажиров. Никто серьезно не пострадал, «студебеккер» общими усилиями поставили на колеса и поехали на работу, случай выглядел как нечто заурядное. Через несколько лет к площадкам были построены железные дороги, людей и грузы стали доставлять к месту мотовозами.

Целью создания полигона было испытание ракет, поэтому все остальное, в том числе и быт, развивалось во вторую очередь. Многие из «удобств» или отсутствовали вообще, или находились на значительном отдалении от дома. Большой неприятностью для всех приезжавших была местная вода — солоноватая, грязная. В летнее время возникали вспышки всяческих инфекций, в том числе и дизентерии. Больных «пользовал» начальник инфекционного отделения доктор Кац. Перед выпиской дизентерийных больных он пропускал их через «трубу» — приспособление для просмотра пораженных внутренних органов, процедура неприятная и для врача, и для больного. Доктор Кац рассказывал один случай. Солдат из БОНа, находясь на «трубе», задал вопрос: «Доктор, там демобилизации не видно?» БОН — бригада особого назначения — была создана в первые дни после Победы, в Германии, естественно, из участников войны, а описываемый случай имел место в 1949 г., «срочная» служба этих солдат здорово затянулась.

До ввода жилых домов семьи офицеров проживали либо в гостиницах, либо у местных жителей. Местная «жилплощадь» имела только площадь, практически без высоты — во многих домиках можно было стоять или наклонив голову, или подогнув ноги, что больше нравится. За первые два года я сменил две квартиры, и был счастлив, получив отдельный сборно-щитовой домик, их называли «финскими». При отсутствии поврежденного домика был полон снега — много мелких щелей мало чем отличались от большой дыры, впрочем, женщин это не очень смущало, они обмазали «дом» глиной, вымели снег и он превратился в жилье. Летом домик тоже имел недостатки — за день нагревался так, что ночью температура в нем была 35—38°, спали, завернувшись в мокрые простыни, ими же завешивали окна и двери. Единственное сносное время — раннее утро, когда мы отправлялись на мотовоз, наши семьи выбирались из домиков и пытались «доспать» на холодке до наступле-

ния жары. В 1953 г. нам дали 2-х комнатную квартиру в кирпичном доме, в которой мы блаженствовали целых три года, до отъезда на новый полигон «Байконур».

Несмотря на интенсивность работ и частые «авралы», выходные и праздничные дни, как правило, соблюдались. Своим свободным временем каждый распоряжался, как мог. Волго-Ахтубинская пойма, на краю которой находится Капустин Яр, располагает уникальными данными для рыбалки и охоты, этим спортом «болели» почти все офицеры полигона. Однажды зимой, после ночного снегопада, я наблюдал редкую картину — зайцы под утро залегли, и следы остались только перед самой «лежкой», не надо было распутывать их хитрости, только успевай стрелять, принес домой пять русаков и отморозил пальцы на обеих ногах.

Не поймать рыбу в Ахтубе мог только ленивый, настоящие рыбаки брали лишь «порядочную» рыбу, а на карасей, окуней и прочую мелочь внимания не обращали. Осенью на рынке появлялось изобилие овощей и фруктов, особенно хороши были помидоры и арбузы.

Встречаясь иногда со своими сослуживцами по полигону за дружеским столом, мы с большой теплотой вспоминаем годы нашей молодости, инженерного, военного и гражданского становления. Анализируя то время, можно сказать: тяготы и лишения были не напрасны — появились новые типы ракет (Р-2, Р-5, Р-11), проводился плановый отстрел серийных ракет с заводов, было налажено обучение расчетов ракетных бригад, которые впоследствии становились на боевое дежурство.

Личный архив Н.Г.Мерзлякова.

Примечания

¹ *Королев С.П.* (1907—1966) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда.

² См.: «Так начиналось создание ракетной техники в СССР». Воспоминания участников запусков ракеты Р-1 в 1947—1957 гг. // Исторический архив. 2000. № 1. С. 25.

³ *Чертюк Б.Е.* (р. 1912) — советский ученый в области систем управления летательных аппаратов, член-корреспондент АН СССР (РАН), Герой Социалистического Труда. Специалист в области автоматики, систем управления космических аппаратов.

⁴ *Котельников В.А.* (р. 1908) — советский радиотехник, академик, вице-президент (1971—1988) АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда. Специалист по совершенствованию методов радиоприема, борьбе с радиопомехами, теории потенциальной помехоустойчивости, радиолокации Марса, Венеры, Меркурия.

⁵ *Богомолов А.Ф.* (р. 1913) — советский ученый, академик, Герой Социалистического Труда. Специалист в области радиотехники и радиофизики (разработка радиотелескопов и др.).

«НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА ЯВЛЯЕТСЯ ДОВОЛЬНО СИЛЬНЫМ ПРОТИВНИКОМ»

О методах работы германской разведки в войсковом тылу действующей Красной Армии. 1942 г.

С началом Великой Отечественной войны пограничные войска не только принимали участие в сражениях на границе и оборонительных операциях Красной Армии, но вместе с частями внутренних войск НКВД решали также вопросы по охране тыла действующей Красной Армии. Эти функции на пограничников были возложены специальным постановлением СНК СССР от 25 июня 1941 г., которые им пришлось выполнять до конца войны. К решению этих задач были привлечены 48 пограничных отрядов (в сентябре 1941 г. переформированы в пограничные полки), 4 резервных пограничных полка, 22 отдельных резервных батальона и 23 части специальной пограничной службы.

Для повышения эффективности руководства войсками по охране тыла приказом НКВД СССР № 00852 от 28 апреля 1942 г. было создано в составе Главного управления внутренних войск Управление войск по охране тыла действующей Красной Армии, которое возглавил генерал-лейтенант А.М.Леонтьев. Начальником оперативного отдела Управления был назначен полковник С.Ф.Дреев, а начальником разведывательного отдела — майор Б.П.Трофимов. В состав вновь созданного Управления из Главного управления пограничных войск (ГУПВ) было передано: Управление войск по охране тылов 10 фронтов и 2 армий, 37 пограничных полков, 66 пограничных отрядов, ряд отдельных стрелковых батальонов и пограничных комендатур. Всего по штату — 66988 человек, а по списку — 44208 рядовых и младших командиров¹.

В мае 1943 г. это Управление преобразуется в Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии. Потребность в централизации диктовалась необходимостью наведения порядка в войсковом тылу, борьбы с диверсиями, бандитизмом, мародерством, дезертирством и шпионажем противника.

Со стороны противника разведывательную, диверсионную и контрразведывательную работу на советско-германском фронте и на временно оккупированной германскими войсками территории вели подразделения абвера — так называемые абверкоманды и абвергруппы, замыкавшиеся на верховное командование вермахта. Абверкоманды действовали при штабах армейских группировок немецких войск — «Север», «Центр» и «Юг». В 1941 г. насчитывалось 10 абверкоманд и 45 подчиненных им абвергрупп, включавших в свой состав свыше 5 тысяч военных разведчиков. При армейских группировках в свою очередь действовали четыре оперативные группы полиции безопасности и СД Главного управления имперской безопасности (РСХА), насчитывавшие около 3 тысяч сотрудников. Оперативным группам А, Б, Ц, Д подчинялись 20 особых и оперативных команд, в составе которых было более 4 тысяч кадровых разведчиков.

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой были расширены действующие разведорганы военной разведки противника и создано 9 новых абвер-

---

¹ ЦА ФПС. Ф. 16 Оп. 226. Д. 264. Л. 70—81.

команд и 21 абвергруппа к 13 ранее существовавшим разведывательно-диверсионным школам на оккупированной советской территории; было дополнительно создано еще 16 школ. В последующем противник принимал меры по дальнейшему увеличению и созданию новых абверкоманд и абвергрупп, школ, курсов, а также особых и оперативных команд РСХА.

С учетом активизации подрывной деятельности германских спецслужб командованием пограничных войск в докладной записке № 18/6474 от 27 февраля 1942 г. в НКВД СССР отмечалось, что с начала войны личным составом войск по охране тыла было выявлено, задержано и разоблачено шпионов, террористов и диверсантов в тылу Ленинградского фронта — 192 чел., Калининского — 32, Северо-Западного — 56, Западного — 89, Юго-Западного — 306, Южного — 326².

Публикуемый обзор является одним из первых аналитических и информационных документов, подготовленных Оперативным управлением ГУПВ НКВД СССР и направленных в войска. Данный источник свидетельствует о том, что отделения разведки войск НКВД по охране тыла Красной Армии к середине мая 1942 г. располагали обширными сведениями об организационной структуре органов абвера (абверкомандах, разведывательно-диверсионных школах, курсах), разведорганах и подразделениях РСХА (гестапо, полевая жандармерия, тайная полевая полиция и др.) и их подрывной деятельности на советско-германском фронте. В частности, оперативными органами войск по охране тыла действующей Красной Армии были получены данные о пяти разведывательных абверкомандах (101, 102, 103, 104, 107) и подчиненных им абвергруппах, многих школах и курсах, специальных лагерях, где вербовалась и обучалась агентура противника. К этому времени разведывательные органы войск по охране тыла располагали также определенными данными о деятельности ряда диверсионно-разведывательных и контрразведывательных команд и групп абвера, особых и оперативных команд РСХА. Оперативные органы войск НКВД владели достаточно широкой информацией о контингенте вербуемых, методике их подготовки в школах и на курсах, порядке обработки, легендирования и экипировки, характере даваемых им заданий при засылке в тыл Красной Армии.

В публикуемом документе представлены наиболее характерные факты задержания немецких агентов, пытавшихся проникнуть в тылы войск Брянского, Западного, Южного, Юго-Западного и Ленинградского фронтов. Приведенные примеры задержания немецкой агентуры показывают, что германская разведка засылала в тыл Красной Армии шпионов из самых различных контингентов, в т.ч. членов белогвардейских и контрреволюционных националистических организаций («Национально-трудового союза нового поколения», «Русского общевоинского союза», «Организации украинских националистов», «Белорусского комитета самопомощи» и др.), а также из числа бывших военнопленных и местного населения оккупированных районов. В выявлении и задержании немецких агентов принимал участие личный состав пограничных полков, а также ряда железнодорожных полков НКВД. Используемая командованием войск НКВД по охране тыла Красной Армии практика направления подобных обзоров подчиненным органам способствовала изучению опыта борьбы с немецкой разведкой, освоению личным составом пограничных частей действенными формами и методами по обезвреживанию агентуры противника, прорывавшей в тыл фронтов.

Документ приводится без сокращений, чтобы дать возможность читателю понять и оценить большую роль оперативного состава войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии, которые совместно с военной контрразведкой и территориальными органами госбезопасности внесли существенный вклад в борьбу с агентурой противника.

Публикацию подготовили И.К.БЕЛИК и Е.В.ШУМИЛОВА.

² ЦА ФПС РФ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4119. Л. 68.

**Обзор ГУПВ НКВД СССР о методах работы германской разведки
в войсковом тылу действующей Красной Армии^а**

№ 18/12463

19 мая 1942 г.

**1. Общая характеристика деятельности германских
разведывательных органов в условиях подготовки
и ведения войны против СССР****А. Краткая характеристика германских разведорганов**

Германская разведка является самым грязным и гнусным оружием оголтелого немецкого фашизма, широко используемым в мирное и военное время для подготовки и достижения своих преступных целей по захвату чужих территорий, порабощению других народов, подавлению освободительного движения в оккупированных странах и пресечению всех революционных проявлений внутри Германии. Работа германских разведывательных органов целиком поставлена на службу интересам кровожадного фашизма и направлена на угнетение трудящихся.

Б. Предвоенный период

Последние месяцы перед разбойничьим нападением Германии на СССР германская разведка вела чрезвычайно активную разведывательную деятельность по изучению будущего театра военных действий на советской территории, важнейших стратегических направлений, укрепленных районов и рубежей, численности и дислокации частей Красной Армии, вооружения, аэродромов, посадочных площадок, дорог, мостов и т.д. Одновременно с этим на территории наших западных областей создавалась широкая сеть агентуры, предназначенной для шпионско-диверсионной деятельности в военное время.

Апрель, май, июнь 1941 г. характеризовались массовой заброской немецкой агентуры на нашу территорию с заданиями чисто военного характера по приграничной полосе и в глубокому тылу СССР, а также с задачей оседания и диверсии с началом военных действий.

В мае—июне немецкая разведка активизировала работу белогвардейских и контрреволюционных националистических организаций, как, например: РОВС¹, «Русский фашистский союз»², «Русский националистический комитет»³, «Объединение украинских националистов»⁴, «Белорусский союз самопомощи»⁵, «Литовская гвардия»⁶ и др.

Агентура этих организаций, работающих под руководством и покровительством германских разведывательных органов, в течение апреля, мая и июня перебрасывалась в большом количестве на нашу территорию, главным образом в Литовскую ССР, районы Западной Белоруссии и Украины, с задачей налаживания связей с ячейками этих организаций в СССР и передачи инструктивных указаний их руководству о деятельности в военное время.

---

^а Заголовок документа.

По замыслам немецкой разведки, ячейки контрреволюционных националистических организаций в СССР должны были с началом войны поднять восстание против Советской власти, совершать диверсионные и террористические акты в тылу Красной Армии и содействовать немецким войскам.

В апреле, мае и июне 1941 г. немецкая разведка забрасывала на нашу территорию много хорошо подготовленной, вооруженной агентуры, значительная часть которой, особенно в июне, снабжалась портативными радиоприемниками и передатчиками.

Агентура со средствами технической связи должна была устраиваться в крупных городах, на железнодорожных узлах и коммуникациях, где [должна] собирать сведения о дислокации, передвижении, численности и вооружении частей Красной Армии. Применение радиосвязи намечалось в случае начала военных действий.

В конце мая и июне немецкая разведка через агентуру контрреволюционных националистических организаций начала изготавливать и приступила к заброске на территорию СССР контрреволюционных листовок в виде обращения к красноармейцам.

С 15 июня 1941 г. военная разведка Германии начала забрасывать в СССР групповую агентуру в составе 4—6 человек, окончивших специальные разведывательные курсы и вооруженных автоматами и пистолетами производства бельгийской фирмы «Националь».

Каждый из этих агентов имел при себе кинжалообразный нож, предназначенный для бесшумного снятия часовых, запас продовольствия и прочие вещи личного обихода. Кроме того, каждая группа была снабжена взрывчатыми веществами.

За время с 16 по 21 июня только на участке 86-го и 87-го погранотрядов Белорусского округа было задержано и убито 28 таких агентов. Эти агенты имели задания с началом военных действий Германии против СССР подрывать в тылу Красной Армии мосты на основных коммуникациях и путях отхода частей РККА, рвать телефонно-телеграфные провода.

Время нападения Германии на СССР таким агентам точно не указывалось. Однако они были ориентированы о том, что война начнется в ближайшие дни.

Характерно, что агентам, забрасываемым с подобными задачами, работники немецкой разведки прямо говорили, что встречаться будут уже на советской территории, и некоторым из них назначали места встреч, ориентировочно называя пункты предстоящего размещения штабов немецкой армии в крупных городах.

В результате всей работы, к началу войны против СССР немцы создали, главным образом в западных областях СССР, довольно разветвленный агентурно-осведомительный аппарат.

В. Начало войны против СССР

С началом вероломного нападения Германии на Советский Союз разведывательные органы Германии, наряду с переброской агентуры в штатском платье, приступили к заброске в тылы Красной Армии групп

и агентов-одиночек, переодетых в форму Р[абоче-]К[рестьянской] милиции и военнослужащих Красной Армии, в том числе и в форму командного состава.

Такая агентура первое время почти беспрепятственно проникала в наши тылы и передвигалась в желаемых направлениях.

Используя агентуру для разведки интересующих направлений и концентрации частей РККА, немецкая разведка в этот период через своих агентов практиковала проведение широко развернутой провокационной деятельности среди военнослужащих Красной Армии.

Немецкие агенты, передвигаясь из одного населенного пункта в другой, распространяли всевозможные провокационные слухи: о занятии немецкими войсками тех или иных населенных пунктов (вовсе не занятых ими), о высадившихся якобы авиадесантах на путях отхода наших частей, об окружении наших войск немцами, о взрыве мостов и т.д., пытаясь посеять панику и внести дезорганизацию.

В течение первых дней войны активно работали немецкие агенты-сигнальщики. Такие агенты во время ночных налетов вражеских самолетов подавали им посредством ракет сигналы, указывающие важные объекты для бомбежки.

Г. Период военных действий

Во время последующих военных действий разведывательные органы Германии продолжали развивать начатую в первые дни войны деятельность, привлекая к ней новый контингент из числа политически неустойчивых военнослужащих Красной Армии, сдавшихся в плен, и местных жителей.

Немецкая агентура всех категорий в массовом порядке стала забрасываться в наш тыл с заданиями разведывательного и диверсионного характера, распространения всевозможных контрреволюционных провокационных слухов, восхваления немецких порядков и «хорошего» отношения немцев к населению во временно захваченных ими советских районах.

В период отхода наших войск, когда в лесах и населенных пунктах скрывались отдельные группы военнослужащих Красной Армии, отставших от своих частей, оказавшихся в окружении и т.п., немцы использовали маршрутную агентуру, которая провоцировала скрывающихся в лесах и селениях сдаваться в плен немцам. Эта агентура заявляла скрывающимся, что немцы с военнопленными обращаются хорошо, лиц с оккупированной ими территории отпускают домой и т.д.

Немецкая разведка уделяет серьезное внимание выявлению местонахождения партизанских отрядов, участников партизанского движения и помощников партизан. Для этой цели создается широкая сеть агенты из местных жителей. Отдельные немецкие агенты специально внедряются в партизанские отряды.

Контрразведывательная агентура в оккупированных населенных пунктах занимается выявлением скрывающихся партийных и советских работников, не успевших эвакуироваться коммунистов, комсомольцев, лиц, симпатизирующих советскому строю и выражающих недовольство немецкими порядками.

2. Действующие в условиях фронта разведорганы и их личный состав

А. Военная разведка

В условиях войны против СССР важнейшая роль в области организации и ведения военной разведки и контрразведки принадлежит так называемому абверу или абвердинсту, что в переводе означает «защитная служба»⁷.

Центральным руководящим органом военной разведки является 3-й отдел германского генерального штаба, который имеет два самостоятельных действующих отдела, тесно координирующих свою работу в области разведки и контрразведки.

Разведывательные отделы разделены на разведку армейскую и морскую. Работа этих отделов распределена по странам света — восток, запад, юг, север и по отдельным странам.

Для разведывательной работы против СССР по линии как армейской, так и морской разведки существовал и существует так называемый «русский отдел».

3-й отдел германского генштаба организует и ведет разведывательную работу на восточном фронте против СССР через разведывательные отделы армейских групп, из которых известны:

а) разведывательный отдел Северо-Западной армейской группы; б) разведывательный отдел Западной армейской группы; в) разведывательный отдел Южной армейской группы.

Разведотделам армейских групп подчинены разведывательные отделения — секции штабов войсковых соединений.

Из документов, захваченных у противника, устанавливается, что разведотделы армейских группировок и подчиненные им органы имеют особо установленное условное обозначение, которым обычно пользуются в оперативной документации.

Известно, что против участка Юго-Западного фронта разведкой занимается отдел 1 Ц⁸ ставки главнокомандующего армейской группировкой, расположенной в г. Полтаве⁹.

Отделу 1 Ц соответственно подчинены отделы 1 Ц армий, корпусов и отделения 1 Ц дивизий. Кроме того, разведотделам непосредственно подчинены так называемые разведывательные команды и отряды¹⁰, являющиеся основными оперативными единицами по вербовке, подготовке агентуры и ведению агентурной разведки за линией фронта. Они же ведут контрразведывательную работу в прифронтовой полосе германских войск.

В состав каждой разведывательной команды обычно входит два разведывательных отряда, имеющих свою нумерацию. Разведотдел Южной армейской группировки имеет 15 таких разведотрядов.

За последнее время отмечено, что разведывательные отряды придаются крупным войсковым соединениям германской армии.

Штаты разведывательных команд и отрядов следующие:

	Разведкоманда	Разведотряд
Офицеры	2	1
Особоуполном. переводчики	1	2
Унтер-офицеры	7	1
Рядовые	18	6
Всего:	28	10

Наряду с этими органами заброску агентуры в наш тыл производят также работники разведотделений войсковых соединений, в некоторых случаях офицеры воинских частей и так называемые вербовочные пункты.

Б. Гестапо¹¹

Вторым органом, ведущим разведку против СССР, является гестапо (государственная тайная полиция), которое формально находится в подчинении министерства внутренних дел.

Начальником гестапо является Гиммлер¹², выполняющий одновременно функции заместителя министра внутренних дел.

Фактически гестапо является самостоятельным органом. Гиммлер имеет право присутствовать на заседаниях совета министров и совершенно неподотчетен министру внутренних дел.

Являясь в основном органом контрразведывательной службы, гестапо выполняет задачи по борьбе с коммунистическим, антифашистским движением и антиправительственными организациями внутри страны.

Вместе с тем гестапо ведет разведывательную работу за пределами Германии, и с этой целью в структурном построении гестапо имеет целый ряд отделов, явно указывающих на их прямое отношение к разведывательной деятельности за границей. Из этих отделов известны: а) русский отдел; б) отдел наблюдения за германской и иностранной прессой; в) отдел наблюдения за политическими партиями, организациями и германской эмиграцией в других странах; г) отдел радиоперехвата и организации шпионских радиоцентров за границей.

Органы гестапо на временно оккупированной немцами территории СССР ведут контрразведывательную работу, варварски расправляясь со всеми антигерманскими проявлениями.

Гестапо выявляет партизан и их помощников, партийно-советских работников и скрывающихся военнослужащих Красной Армии.

Гестапо наряду с этим создает на оккупированной территории широкую сеть шпионских резидентур, в которую входят специальные кадры, имеющие задачу после отхода немцев оставаться на освобожденной Красной Армией территории с целью шпионской, диверсионной и террористической деятельности в тылу действующих частей Красной Армии. Органы гестапо построены по территориальному признаку.

После занятия наших населенных пунктов в них прибывали штурмовые отряды СА («Штурмабтайлунг»), возглавляемые офицерами гестапо.

Эти отряды производят:

- 1) организацию местной комендатуры;
- 2) организацию административного аппарата;
- 3) организацию местной полиции.

Органы гестапо забрасывают также свою агентуру через линию фронта в глубокий тыл действующей Красной Армии для разведывательно-диверсионной деятельности. В этих целях в ряде городов на оккупированной территории СССР создаются школы для спецподготовки диверсантов и террористов.

В. Полевая жандармерия¹³

Полевая жандармерия занимается главным образом агентурным обслуживанием частей действующей германской армии, является вспомогательным органом контрразведывательной службы на оккупированной немцами территории.

При соединениях германской армии имеется один или несколько отрядов или команд полевой жандармерии, которые в зависимости от обстановки могут перебрасываться в наиболее серьезных направлениях.

Начальники команд и отрядов полевой жандармерии подчинены командованию частей, соединений, но специальную работу выполняют только по линии жандармерии.

Отряды и команды полевой жандармерии выполняют следующие задачи:

- а) наблюдение за дисциплиной военнослужащих и борьба с дезертирством;
- б) устройство и обеспечение сборных пунктов военнопленных;
- в) производство обысков в штабах, захваченных войсками, обыск убитых и раненых солдат;
- г) организация сбора трофейного и спрятанного у населения оружия;
- д) охрана средств связи;
- е) организация местной охраны из населения и мобилизация населения на работу;
- ж) борьба с партизанским движением;
- з) обеспечение движения на магистралях;
- и) управление на оккупированных территориях;
- к) охрана промышленности и обеспечение ПВО;
- л) наблюдение за санитарным состоянием занятой территории; выдача пропусков на право передвижения, охоты, рыболовства и т.п.

Вместе с тем органы полевой жандармерии частично ведут и разведывательную работу в нашем войсковом тылу.

Г. Тайная полевая полиция¹⁴

В конце 1941 г. германские разведорганы развернули тайную полевую полицию («Гехаймфельдполицай») на временно оккупированной советской территории. Структура ГФП пока нами не изучена. Однако известно, что пункты ГФП¹⁵ имеют свою нумерацию, идущую с севера на юг.

По имеющимся данным, в районе действий Северо-Западной и Западной армейских группировок пункты ГФП имеют нумерацию с 1 по 721.

Пункты тайной полевой полиции (ГФП) ведут разведывательную и контрразведывательную работу в районах военных операций германской армии и выполняют следующие задачи:

- а) выявление опасных для государства стремлений (борьба со шпионажем, диверсией и государственной изменой);
- б) борьба с враждебной пропагандой в районах военных операций;
- г) наблюдение за правильным выполнением принятых контрразведывательных мер;
- в) охрана высшего командного состава германской армии;
- д) засылка агентуры в тылы действующей Красной Армии с целью вербовки жителей прифронтовых районов.

3. Основные объекты работы

А. Объекты шпионской деятельности

Немецкая разведка в условиях военных действий ведет активную работу по сбору сведений военного характера, отражающих обстановку на фронте и в тылу.

На фронте и в прифронтовой полосе шпионская деятельность идет главным образом по линии сбора следующих сведений:

1. Концентрация, численность, род войск.
2. Пункты расположения и перегруппировки.
3. Вооружение, насыщенность частей техникой, типы вооружения, особенно танковых, артиллерийских и других технических частей и соединений.
4. Пункты расположения аэродромов, авиапосадочных площадок, количество и типы самолетов на них.
5. Нумерация частей, контингент личного состава, степень обученности, откуда прибыли части.
6. Характер и расположение оборонительных сооружений укрепрайонов, огневых точек, минных полей.
7. Местонахождение войсковых штабов, складов, баз горючего, продовольствия, система их охраны.
8. Состояние коммуникаций и рокадных путей, порядок охраны мостов.
9. Пропускная способность железных, шоссейных и других дорог. Движение по ним войск и военных грузов.
10. Состояние железнодорожных узлов и станций, пути и направления движения воинских эшелонов и грузов.
11. Моральное состояние личного состава частей и отношение населения к Советской власти и к немцам.
12. Наличие резервов Красной Армии, их оснащение техникой и вооружением и пути их движения к фронтам.
13. Состояние оборонной промышленности, эвакуированной в глубокий тыл страны, и ее производственная мощность.
14. Стратегические и тактические планы командования Красной Армии, отдельных соединений или частей.

Иллюстрацией к изложенному могут служить следующие факты.

В ноябре 1941 г. штабом охраны тыла 6-й горнострелковой дивизии был задержан б[ывший] красноармеец 323 сп 81 мотомехдивизии, разоблаченный агент немецкой разведки Жарких И.А.¹⁶, который показал.

В августе 1941 г., попав в плен к немцам, использовался на работах по ремонту автомашин. В декабре 1941 г. в г. Ефремов завербован немецкой разведкой и переброшен через линию фронта с заданием:

1. Установить места расположения штабов Красной Армии, действующих на участке в районе Ефремова.

2. При появлении немецких самолетов подавать им световые сигналы для бомбежки установленных штабов.

3. Среди местного населения проводить пораженческую агитацию.

В феврале 1942 г. 17 Краснознаменным погранполком в г. Ливны была задержана неизвестная, назвавшаяся Зайцевой Евдокией Константиновной, 1919 г. рождения, ранее работавшая лебедчицей шахты № 100.

Задержанная показала, что 12.1.42 г. она в д. Самсоновка Михайловского р-на была задержана и доставлена в штаб немецкой части. После допроса она была завербована и подвезена на легковой машине к линии фронта и 13.1.42 г. в районе ст. Голубовка переправлена в тыл частей Красной Армии.

Зайцева имела задание посетить район ст. Голубовка, Максимовка, шахты №№ 22, 77 и 100, собрать сведения:

1. О дислокации воинских частей, их численности и вооружении, расположении штабов.

2. О передвижении частей РККА и пунктах их концентрации.

3. О наличии танковых и артиллерийских частей и соединений.

4. О расположении аэродрома.

По выполнении задания Зайцева должна была прибыть в штаб любой части германской армии и доложить о результатах¹⁷.

10.2.42 г. нарядом 38-го погранполка был задержан неизвестный, назвавшийся Кабановым Иосифом Васильевичем, 1917 г. рождения, тракторист д. Секретаревка Задонского р-на Орловской области.

На первичном допросе Кабанов показал, что он в течение 2-х месяцев находился в плену у немцев, откуда бежал.

Будучи уличен во лжи, Кабанов от своих первоначальных показаний отказался и показал, что он работал в качестве тракториста и при эвакуации тракторов из г. Брянск попал в плен к немцам, где содержался в лагере военнопленных в г. Грибовка.

После неоднократных допросов немецким офицером Кабанов был завербован под кличкой «Корсаков» и после инструктажа в р-не Верховье был переправлен за линию фронта с заданием:

1. Собрать сведения о дислокации, численности и вооружении частей Красной Армии в районе гор. Елец.

2. Установить расположение аэродромов в районе г. Елец, количество и типы самолетов на них.

3. Выявить и составить списки коммунистов, комсомольцев и сельский актив дер. Козаки Елецкого района.

4. Восхвалять среди населения Германию и немецкие порядки.

На выполнение задания Кабанову было дано 14 дней, после чего он должен был возвратиться к немцам, любому германскому офицеру назвать свою кличку и сообщить собранные сведения¹⁸.

В ноябре 1941 г. на участке Ленинградского фронта был задержан немецкий агент Г., который показал, что, пробираясь по оккупированной немцами территории к своей родственнице, был задержан патрулем и на допросе офицеру разведки сообщил сведения о военном аэродроме, на котором работал и о положении частей Красной Армии на линии фронта.

Этим же офицером Г. был завербован и переброшен через линию фронта с заданием освещать деятельность военного аэродрома.

В сентябре 1941 г. был задержан агент немецкой разведки Токмаков, б. красноармеец, сдавшийся в плен немцам в р-не Первомайска. Завербованный офицером немецкой разведки Токмаков был переброшен за линию фронта с заданием:

1. Похитить секретные приказы, карты с обстановкой и другие секретные документы.

2. Собрать данные о дислокации и техническом оснащении частей Красной Армии на фронте.

3. Вести среди красноармейцев разложеческую работу, склоняя их к переходу на сторону врага.

В ноябре 1941 г. на участке Ленинградского фронта была задержана некая Б., которая на следствии показала, что при занятии немцами г. Павловск она была завербована посещавшим ее немецким офицером, от которого получила задание:

1. Пробраться в Ленинград, где собрать сведения о разрушениях, произведенных в результате бомбардировок немецкой авиации, в частности, установить размеры разрушений на Балтийском заводе им. Орджоникидзе, ж.д. мостов через обводный канал и на Витебском вокзале.

2. Собрать сведения о дислокации частей Красной Армии в городе.

3. Установить норму хлеба для населения Ленинграда и собрать данные о продовольственных запасах.

4. Вести к[онтр]р[еволюционную] пораженческую агитацию среди знакомых и родственников.

Шпионка Б. дважды переходила линию фронта в Ленинград и выполняла задания немецкой разведки.

В январе 1942 г. 125-м ж. д. полком на ст. Воронеж был задержан некий Медведев Петр Андреевич, разоблаченный как агент немецкой разведки.

Работая на строительстве аэродрома в Горловском районе Сталинской области, в сентябре 1941 г. попал в плен к немцам, был завербован и переброшен через линию фронта с заданием:

1. Установить расположение частей Красной Армии и их штабов, места дислокации аэродромов, складов с боеприпасами и горючим.

2. Проводить пораженческую агитацию среди военнослужащих и местного населения.

До переброски в тыл действующих частей, Медведев неоднократно использовался немцами для ближайшей разведки частей Красной Армии, действующих на участке Южного фронта¹⁹.

В январе 1942 г. 79-м погранполком задержан б. красноармеец 24 запасного полка — Дудкин Семен Фадеевич, который в ноябре 1941 г. был захвачен немцами в плен вместе с группой больных красноармейцев в составе 30 человек.

В декабре агент Дудкин имел задание:

1. Установить наличие и места расположения танковых и артиллерийских частей в гг. Кременная, Рубежное и Лисичанск.
2. Среди населения восхвалять немцев и сеять неуверенность в победу Красной Армии.
3. Проводить среди красноармейцев пораженческую агитацию, сеять панику и склонять их на добровольный переход на сторону немцев.

В январе с.г. штабом охраны тыла 13-й армии задержан и разоблачен как агент немецкой разведки Селенихин И.Я., из показаний которого устанавливается, что он, являясь агентом разведорганов Красной Армии, был переброшен в район действий немецких войск с разведывательным заданием. Будучи задержан немцами, заключен в Орловскую тюрьму, где перевербован немецкой разведкой и направлен через линию фронта с заданием:

1. На участке действий 3-й гвардейской дивизии установить наличие и количество танков и бронемашин.
2. Среди населения распространять провокационные и пораженческие слухи.

В январе 1942 г. Особым отделом 3-й ж. д. дивизии НКВД в г. Елец арестована и разоблачена как агент немецкой разведки Белова А.В., б. медсестра 13-й с.д., которая, находясь в плену у немцев, завербована немецкой разведкой и переброшена через линию фронта в г. Тамбов с заданием:

1. Установить места расположения военных заводов, склады с боеприпасами, обмундированием и продовольствием.
2. Собрать сведения о наличии и дислокации воинских частей.
3. Проводить среди населения пораженческую агитацию²⁰.

Б. Объекты диверсии

Разведывательные органы Германии уделяют серьезное внимание вопросу вербовки, подготовки и заброски в наш тыл агентуры с заданиями диверсионного характера. В качестве основных задач диверсионной деятельности в прифронтовой полосе немецкая разведка ставит:

1. Разрушение коммуникаций и рокадных путей действующей Красной Армии. Разборка и подрыв железнодорожных путей и пуск под откос воинских эшелонов, подрыв мостов и т.п.
2. Отравление водоемов и пищи.
3. Распространение эпидемических заболеваний среди военнослужащих Красной Армии.
4. Подрыв складов боеприпасов, нефтехранилищ, нефтеналивных составов.

5. Вывод из строя восстановленных в прифронтовой полосе предприятий.

Так, например: 3.2.42 г. 98-м погранполком был задержан б. красноармеец, назвавшийся Данченко Михаилом Григорьевичем, 1902 г. рождения, урож. и жителем с. Вызовой Брагинского р-на Полесской области, который на следствии показал, что в бою под г. Белгород он попал в плен к немцам и содержался в лагере военнопленных в г. Су-мы, где немецким офицером был завербован для переброски за линию фронта.

9.11.41 г. Данченко вместе с другим немецким агентом б. красноармейцем 15-го сп Николенко Д.А. был переправлен за линию фронта с заданием:

1. Разбирать ж.д. путь на линии Старый Оскол, с целью вызвать крушение поездов.

2. Устанавливать скопление воинских эшелонов на ж. д. станциях и ракетами подавать сигналы немецким самолетам для бомбежки.

3. Устанавливать расположение аэродромов и баз горючего.

Для выполнения задания Данченко и Николаенко были снабжены гаечным ключом, ракетами и ракетницами.

В декабре 1941 г. на участке Южного фронта задержан и разоблачен агент немецкой разведки Сухопенко, переброшенный через линию фронта с заданием взорвать жел. дор. мосты в районах Белая, Юрьевка и Ворошиловград.

Тогда же на участке того же фронта был задержан и разоблачен, как немецкий агент, предатель с партбилетом члена ВКП(б) — Просоедов. Находясь на оборонительных работах, Просоедов был взят немцами в плен, завербован разведкой и выдал 28 коммунистов, которые были немцами расстреляны.

После этого Просоедов переброшен немецкой разведкой через линию фронта с заданием взорвать бензохранилища в районах Водяная и Криворожье²¹.

В октябре 1941 г. на участке Калининского фронта задержан и разоблачен агент немецкой разведки б. красноармеец Жуков, имевший задание в г. Торжке связаться с диверсантами Бычковым и Зубковым и с ними взорвать мост через р. Торопа.

В декабре 1941 г. на участке Южного фронта задержан и разоблачен агент немецкой разведки б. красноармеец 263-го сп Сидоренко, переброшен через линию фронта с заданием отравить личный состав 263-го сп путем засыпки в пищу яда, которым он был снабжен разведкой.

В январе 1942 г. 90-м погранполком был задержан и разоблачен агент-диверсант немецкой разведки Хмелевский Алексей Михайлович, завербован офицером немецкой разведки и вместе с двумя другими диверсантами Калугиным и Ермаковым переброшен в тыл Красной Армии с заданием совершать диверсии на жел. дор. транспорте.

Выполняя задание немецкой разведки, Хмелевский, Калугин и Ермаков устроились в качестве ремонтных рабочих на ст. Милихино, где пытались совершить крушение поезда и с этой целью под проходящий состав, между стыками рельс, подкладывали железные предметы, но ввиду их легкости крушение не произошло.

В декабре 1941 г. 125-м ж. д. полком войск НКВД задержан агент-диверсант Григорьев Н.В., переброшенный немецкой разведкой через линию фронта с заданием:

Проникнуть в одну из действующих частей Красной Армии; из числа неустойчивых и антисоветски настроенных красноармейцев создать группу диверсантов, с которой уничтожать боевую технику, приводить в негодность пищу, чтобы вызвать среди бойцов недовольство, сеять среди них панику.

При подборе и обработке участников диверсионной группы Григорьеву рекомендовалось проводить провокационную и пораженческую агитацию.

15.2.42 по разведывательным данным 88 погранполком был задержан быв. военнослужащий Красной Армии Лушин Иван Иванович.

Агент Лушин показал, что получил задание:

1. Убивать командиров и политработников Красной Армии.
2. Отравлять водоемы и пищу частей Красной Армии.
3. Вести агитацию среди красноармейцев за переход на сторону немцев и сдачу в плен.

Через линию фронта Лушин был переправлен при содействии трех немецких солдат в районе гор. Белев.

Для выполнения задания был снабжен 10 порохами неизвестного хим. состава, которые, якобы, выбросил после перехода линии фронта.

Агент немецкой разведки Бордунова Вера, завербованная в ноябре 1941 г. в г. Краматорске полковником немецкой разведывательной службы, переброшена через линию фронта с заданием устроиться на работу на один из военных заводов в гг. Ворошиловград или Сталинград и выводить из строя основные агрегаты.

Показаниями Бордуновой устанавливается, что немецкая разведка одновременно с ней перебросила в г. Ворошиловград 19 диверсантов, в основном женщин с аналогичными заданиями.

Агент немецкой разведки Белокобыльский П.Д.²² переброшен через линию фронта в г. Ворошиловград с заданием проникнуть под видом устройства на работу на завод «Октябрьская Революция», организовать там диверсионную группу и выводить из строя основные агрегаты завода.

Там же создать шпионскую группу и путем посылки курьеров через линию фронта, поддерживать связь с немецкой разведкой.

В. Объекты террора

Задания немецкой агентуры в области террора сводятся в основном к убийству высшего, старшего и среднего командно-начальствующего и политического состава Красной Армии и захвату совершенно секретных документов.

Значительная часть агентуры, имеющей задания по террору, особенно наиболее квалифицированной, направляется в глубокий тыл СССР.

Так, например, в январе 1942 г. в г. Ливны задержан б. красноармеец 540-го сп 120-й сд Тарусов В.В., который разоблачен, как агент немецкой разведки. Из показаний Тарусова устанавливается, что он, нахо-

дьясь в плену у немцев, завербован разведкой, переброшен за линию фронта с заданием:

1. Влиться в одну из частей Красной Армии и во время боевых действий убивать командный и политический состав.
2. Проводить среди красноармейцев пораженческую агитацию, сеять панику и склонять их на добровольную сдачу в плен.
3. Проводить среди населения антисоветскую агитацию²³.

В декабре 1941 г. 17-м погранполком войск НКВД ОВТ Юго-Западного фронта, в тылу одной из действующих армий ликвидирована диверсионная бандгруппа в составе 8 человек.

Возглавляли группу б. красноармейцы, бежавшие на сторону врага, Стрекач И.С. и Секирин И.А., которые были завербованы немецкой разведкой и переброшены через линию фронта в Ворошиловградскую область с заданием:

1. Совершать террористические акты над командирами, политработниками и партийно-советским активом; изымать у убитых партдокументы, которые доставлять в разведку.
2. Совершать вооруженные налеты на колхозы, колхозников и разрушать тыл фронта.
3. Вести провокационную и пораженческую агитацию среди населения, восхваляя порядки немецко-фашистского строя.

Участники группы были вооружены револьверами, гранатами и снабжены печатью Старобельского военкомата для изготовления фиктивных документов.

При ликвидации группы изъяты паспорта, военные билеты и другие документы, принадлежащие лицам, которых они убили, либо ограбили.

В январе 1942 г. 79-м жел. дор. полком НКВД задержан военнослужащий Красной Армии Прилепин М.Д., который, будучи в немецком плену, был завербован и переброшен через линию фронта с заданием:

1. Установить наличие частей Красной Армии в районе д. Туровец.
2. Совершать террористические акты над командным и политическим составом Красной Армии.
3. В случае проникновения в тыл совершать диверсионные акты на предприятиях оборонного значения.
4. Проводить среди населения пораженческую агитацию, сеять панику, восхваляя немецко-фашистскую армию²⁴.

Г. Организация бандитизма

Немецкая разведка проводит значительную работу по организации бандитизма в прифронтовой полосе.

Для этой цели немцы специально готовят и забрасывают в наш войсковой тыл группы агентов от 5 до 20 человек, преимущественно из дезертиров и уголовного элемента, с задачей нападения на войсковые обозы, мелкие войсковые группы на коммуникациях и попутно для сбора разведывательных данных.

В декабре 1941 г. агент-диверсант немецкой разведки Кулешов Григорий Ильич имел задание:

1. Организовать из дезертиров и лиц недовольных соввластью диверсионно-бандитскую группу.

2. Уничтожать командиров, политработников, партийный и советский актив.

3. Совершать налеты на подразделения Красной Армии и разрушать армейский тыл фронта.

4. Обстрелом частей Красной Армии с тыла создавать панику, облегчая этим положение немецких частей на фронте.

Оружие для дивбанды немцы должны были сбросить с самолета, по условному сигналу Кулешова.

В декабре 1941 г. 92-м погранполком арестован агент — диверсант немецкой разведки Пацуков А.С., переброшенный через линию фронта в расположение частей Красной Армии с заданием:

1. Сколотить диверсионные бандгруппы в Старо-Оскольском, Чернянском и Ново-Оскольском прифронтовых районах для совершения налетов на штабы и подразделения Красной Армии.

2. Устанавливать на ж.д. станциях скопления воинских эшелонов с личным составом, боеприпасами и техникой и подавать сигналы немецким самолетам для их бомбежки²⁵.

Д. Контрреволюционная провокационная деятельность

Одним из важных объектов работы немецких разведорганов в нашей прифронтовой полосе является распространение контрреволюционных провокационных слухов среди местного населения и военнослужащих Красной Армии с целью посеять панику, внушить неверие в победу Красной Армии, ослабить и дезорганизовать наш тыл.

Немецкая агентура получает специальные задания, которые сводятся к следующему:

1. Среди военнослужащих частей Красной Армии, находящихся на передовых линиях, распространять слухи, что эти части окружены или окружаются немцами.

2. Распространять контрреволюционные листовки и литературу.

3. Восхвалять отношение немцев к советским военнопленным и населению во временно оккупированных немцами районах.

4. Подстрекать население на недовольство трудностями и выступления против Советской власти.

В январе 1942 г. штабом охраны тыла 38-й армии арестован б. красноармеец 216-й сд 5-й армии Осика Иван Федорович, который разоблачен как агент немецкой разведки.

Из показаний Осика установлено, что он в бою под г. Полтава попал в плен к немцам, содержался в лагере военнопленных в г. Харькове, где был завербован немецкой разведкой и переброшен через линию фронта в тыл Красной Армии с заданием:

1. Проникнуть в ряды действующей Красной Армии и среди красноармейцев распространять пораженческие и провокационные слухи, склоняя неустойчивые элементы к переходу на сторону врага.

2. Проводить пораженческую агитацию среди местного населения, восхваляя фашистский режим.

В январе 1941 г. 98-м погранполком арестован и разоблачен, как агент немецкой разведки, б. красноармеец 8-го сп Кулаков Роман Егорович²⁶.

Из показаний Кулакова явствует, что он до ноября 1941 г. находился на излечении в госпитале в г. Харькове и был захвачен немцами в плен. С группой военнопленных в составе 12 чел. был доставлен на Рымарскую ул. № 36, где завербован и впоследствии в декабре 1941 г. переброшен через линию фронта с заданием:

1. Создать агентурную сеть из антисоветского элемента в тылу Красной Армии для ведения широкой разведывательной работы в прифронтовой полосе.

2. Выявлять формируемые партизанские отряды и районы их действий.

3. Среди населения распространять пораженческие и провокационные слухи.

В январе 1942 г. 90-м пограничным полком арестован разоблаченный агент немецкой разведки, б. красноармеец 865-го сп Константинов Василий Фокеевич, который показал, что в сентябре 1941 г. в районе г. Армянск Крымской АССР попал в плен к немцам, был завербован немецкой разведкой и в конце декабря 1941 г. переброшен через линию фронта с заданием проводить пораженческую и антисоветскую агитацию среди населения и бойцов Красной Армии, а также выявлять советский и партийный актив.

В январе 1942 г. 90-м пограничным полком задержаны и разоблачены, как агенты немецкой разведки: Неровская Р.Г., Потлахова П.Г., Крешек А.М. и Бесчесная Л.К., работавшие с 1940 г. в Москве на заводе «Моспромстрой».

Будучи мобилизованы на оборонные работы в Лотошинский район Московской области, они при эвакуации этого района немцами были задержаны и доставлены в штаб немецкой части. После допроса все были завербованы и переброшены через линию фронта с заданием восхвалять немецкую армию и вести среди местного населения пораженческую агитацию.

Штабом охраны тыла 13-й армии задержан находившийся в плену у немцев б. красноармеец 120-го сд Бородин А.К. Будучи арестован, разоблачен, как агент немецкой разведки, был переброшен через линию фронта в тыл Красной Армии с заданием:

1. Среди населения, особенно среди лиц призывного возраста проводить пораженческую агитацию, склоняя этих лиц к уклонению от службы в Красной Армии.

2. Из дезертиров и лиц, уклонившихся от мобилизации, создавать группы по 3—4 чел. для выявления партизан, коммунистов и данные о них сообщать немецкой разведке²⁷.

Штабом охраны тыла 13-й армии в г. Ливны арестован б. красноармеец 35-го батальона связи 6-го ск Никулин Е.Е., который, находясь в плену у немцев, был завербован немецкой разведкой и переброшен через линию фронта в тыл Красной Армии с заданием:

1. Распространять среди населения листовки религиозного содержания.

2. Проводить среди населения контрреволюционную агитацию, восхваляя немецко-фашистскую армию.

4. Методы работы разведорганов в условиях войны

А. Контингент вербуемых

В качестве базы вербовки агентуры, забрасываемой в наши тылы, немецкая разведка использует преимущественно следующий контингент:

а) лиц немецкой национальности — колонистов, в совершенстве владеющих русским языком, а также так называемых «фольксдойче» — немцев, ранее проживавших вне пределов Германии: в Бессарабии, Северной Буковине, Западной Украине и Прибалтике, выехавших до войны из этих областей в Германию;

б) лиц, антисоветски настроенных, репрессированных и членов их семей;

в) уголовный элемент;

г) дезертиров Красной Армии;

д) политически неустойчивых красноармейцев и командиров Красной Армии, сдавшихся в плен и сообщивших ценные сведения;

е) лиц, хорошо знающих те или иные направления, районы и прочие объекты в тылу Красной Армии, либо имеющих интересные для немцев связи;

ж) финнов, латышей, поляков и лиц прочих национальностей с оккупированной немцами территории;

з) лиц, находившихся на строительстве оборонительных сооружений, не успевших уйти при отступлении частей Красной Армии;

и) советских служащих, находившихся в командировках на предприятиях и не успевших своевременно выехать оттуда, предъявляя им обвинения в подготовке диверсий;

к) белогвардейскую молодежь и б[ывших] белых офицеров, участников организаций и союзов: «НТСНП», «Младороссов», «РОВС», «Российского демократического объединения» и т.д.

Вербовку агентуры из этого контингента немцы производят без различия пола. Наряду с мужчинами вербуются женщины, особенно молодые привлекательной наружности; подростки и даже дети в возрасте 8—12 лет.

Таких детей и подростков немцы подкупают разными сладостями и безделушками и посылают их на выполнение развед. заданий.

В феврале 1942 г. был задержан 10-летний мальчик Черешнев, который от немцев получил задание бросить таблетки в колодцы с питьевой водой в местах расквартирования красноармейцев. Черешнев, не зная в чем дело, попытался это сделать, но был задержан. При исследовании таблеток в них оказались бациллы сапа.

На участке Юго-Западного фронта был задержан 12-летний мальчик Крутиков Н., сын ветеринарного врача, который прошел кратковременные курсы разведчиков в Мценске, где обучался владеть гранатой, винтовкой, топографической картой, окапываться и переползать. При отступлении немцев он был оставлен на освобождаемой территории, как беспризорный, потерявший мать и отца. Оборванный и голодный, он вращался среди красноармейцев на кухнях и собирал нужные разведке сведения.

В октябре 1941 г. на участке Ленинградского фронта был задержан 15-летний подросток Михайлов, завербованный немецким офицером и переброшенный через линию фронта с заданием:

1. Установить места расположения частей Красной Армии и огневых артиллерийских точек.
2. Среди населения восхвалять могущество немецкой армии и фашистские порядки.

В ноябре того же года на участке Ленинградского фронта задержан 12-летний подросток Максимов, который был завербован немецким офицером и направлен в гор. Ленинград с заданием установить дислокацию частей Красной Армии и их вооружение. До этого он выполнил аналогичное задание немецкого офицера по Калининскому району.

Следует также указать, что немецкая разведка не ограничивается вербовкой только указанных выше контингентов.

Немцы вербуют зачастую вполне честных и сознательных советских людей, а также лиц лояльно настроенных к совласти, применяя к ним в процессе вербовки меры запугивания, шантажа и инсценировку расстрела в случае отказа пойти на вербовку.

Эти лица, почти как правило, по переходе линии фронта являются к нам с повинной и подробно излагают процесс вербовки и содержание полученного задания.

Характерным в этом отношении является следующий факт.

В Киеве немцы вывели за город группу пленных красноармейцев и заставили их выкопать несколько больших ям. К этим ямам было согнано еврейское население: женщины, дети и старики, из числа которых отбирали по 50 человек, ложили в яму вниз лицом, а затем автоматчики ССовцы²⁸ их расстреливали. Пленных красноармейцев заставляли пересыпать трупы песком, поверх их клали второй ряд и продолжали расстреливать.

Во время расстрела из груды трупов приподнялся 12-летний мальчик и, протерев глазенки, заявил: «Дяденька, я не еврей, а украинец». Подбежавший ССовец выпустил целую очередь мальчику в лицо.

После этого, под гнетущим моральным воздействием, немцы заставили пленных красноармейцев пойти на вербовку, заявив им, что в случае отказа с ними сделают то же самое.

Когда после неоднократных допросов немцы установили личность «В», ему предложили сотрудничать в органах немецкой разведки. Когда же «В» отклонил это предложение, офицер вскипел и сейчас же повел «В» к виселице. Здесь ему предложили сделать петлю, надеть себе на шею и стать на помост. В самый критический момент снова последовало предложение работать в пользу немцев или умереть на виселице. «В» не выдержал и дал свое согласие на сотрудничество с разведкой.

Наряду с проведением вербовок новых контингентов агентуры, органы немецкой разведки в отдельных случаях, где им это удастся, устанавливают связь со старой агентурой, завербованной еще задолго до войны, находившейся на консервации, и заставляют ее выполнять задачи по разведке.

Например, на участке Северо-Западного фронта арестован и разоблачен как агент немецкой разведки Михеев П.Л., жит[ель] д. Хотали Мстинского р-на Ленинградской области, подвергавшийся аресту в 1940 г. за ранение пред[седателя] колхоза. В царской армии Михеев служил в Конгинском полку, который в 1917 г. дислоцировался в г. Тарнополь, где Михеев и был завербован немецкой разведкой.

В начале октября 1941 г. немецкая разведка установила с ним, по установленному паролю «Я из Тарнополя», связь и использовала как укрывателя и пособника агентуры, перебрасываемой через линию фронта.

При обыске у Михеева был изъят паспорт и удостоверение об освобождении из тюрьмы, по отбытии трехлетнего срока заключения, на имя Корненкова В.И., и пропуск для перехода на сторону немцев. Обнаруженными у Михеева²⁹ документами пользовались и другие агенты для передвижения в прифронтовой полосе.

В сентябре 1941 г. на участке Южного фронта был задержан и разоблачен как агент немецкой разведки некий Г. Запутавшись в неправдоподобных показаниях и уличенный во лжи, Г. показал, что является немецким агентом с 1930 г. и завербован под псевдонимом «А» в гор. Саратове заведующим 1-й аптекой — Репп Г.Я.

В период 1930—1931 гг., являясь фармацевтом гос. аптеки в г. Маркшадт³⁰, а затем, состоя в Красной Армии на службе в аптечном складе Приволжского военного округа в Куйбышеве, по месту службы собирал сведения о наличии на складах медикаментов, которые передавал Реппу.

С 1931 по 1939 г. Г. якобы связь с разведкой прекратил. По окончании в 1939 г. Днепропетровского технологического института и работая химиком-лаборантом суперфосфатного завода им. Орджоникидзе в г. Молотов, Г. был вторично завербован неким Гофманом под псевдонимом «Ок», которому сообщал сведения шпионского характера о состоянии хим. предприятий.

В 1940 г. Г. завербовал свою сестру-лаборантку з-да им. Петровского в Днепропетровске, от которой получал и передавал Гофману сведения о продукции, вырабатываемой заводом.

В 1941 г. Г. по заданию Гофмана связался с представителем немецкой военной разведки в г. Мелитополь, которому передавал сведения о дислокации частей Красной Армии и наличии оборонительных сооружений в р-не Б.Токмак — Васильевка, Михайловка.

Б. Подбор, обработка и вербовка агентуры

Подбор объектов для вербовки производится в большинстве случаев гласными работниками разведки. Наиболее распространенной формой подбора объектов для вербовки агентуры является фильтрация всех задерживаемых в войсковом тылу и прифронтовой полосе, а также опрос дезертиров и пленных красноармейцев.

В процессе опроса пленных и задерживаемых работниками разведки производится изучение биографических данных объекта, его связей, личных качеств и возможностей работы в пользу немцев.

Подбор и изучение объектов для вербовки производится также через агентуру. Этот способ подбора наиболее часто применяется в лагерях советских военнопленных.

При подборе объектов для вербовки учитывается наличие у них близких родственников, репрессированных соввластью, классово-чуждое социальное происхождение и отношение к совласти.

Во временно захваченных населенных пунктах городского типа гестапо производит выявление и специальный учет всех лиц, члены семей которых репрессированы за контрреволюционную деятельность.

Кроме того, подбор и изучение объектов производится при обращении гражданского населения в административные органы за различными справками и пропусками на передвижение из одного пункта в другой.

В январе 1942 г. 92-м пограничным полком задержана Панета Мария Степановна, работавшая дояркой совхоза Каменка Авдеевского р-на Сталинской области, которая разоблачена как агент немецкой разведки.

Из показаний Панета явствует, что, проживая на оккупированной территории в гор. Сталино, она вместе с двумя работниками совхоза направилась в немецкую комендатуру для получения пропуска на право передвижения по территории, временно захваченной противником.

На просьбу Панета комендант заявил, что пропуск может выдать только при условии, если она согласится работать в пользу немецкой разведки. В случае отказа он пригрозил ей расстрелом.

После этого Панета³¹ дала согласие и была завербована немецкой разведкой. Также были завербованы и те две женщины, которые вместе с Панета обращались к коменданту за пропуском³².

Органы гестапо в целом ряде городов временно оккупированной территории располагают широкой сетью вербовочных пунктов, через которые и проводится работа по подбору и вербовке агентуры для разведывательной и диверсионной деятельности в тылу Красной Армии.

Такие вербовочные пункты имеются в гг. Белая Церковь, Умань, Чигирин, подчиненные отделу гестапо в Киеве, и гг. Конотоп, Ворожба, Чугуев, Краматорск и Белгород, подчиненные отделу гестапо в Харькове.

При вербовке агентуры для выполнения особо важных заданий, особенно по глубокому тылу СССР, германская разведка отдает предпочтение и опирается на лиц немецкой национальности.

В декабре 1941 г. на участке Западного фронта был задержан б. красноармеец Лоренц И.И., немец, проживавший ранее в Республике немцев Поволжья. Попав в районе Волоколамска в плен к немцам, Лоренц сообщил офицеру разведки ряд ценных секретных сведений о части, в которой служил и положении немцев в СССР. После допроса офицер заявил Лоренцу, что он является подданным Германии и должен вести борьбу с Красной Армией. Тогда же подпиской была оформлена его вербовка под псевдонимом «Смирнов № 191», во время которой Лоренц обязался выполнять все задания разведки.

Вызов для вербовки гражданских лиц обычно начинается с предъявления какого-либо вымышленного обвинения. В последующем пред-

лагается «искупить» свою вину работой в пользу немцев по сбору интересующих их сведений.

Политическая обработка всех категорий объектов, намеченных к вербовке, сводится к тому, что объекту внушают мысль о неизбежности поражения Советского Союза в войне с Германией и победы Германии. Одновременно обещают устройство на хорошую работу, а иногда даже и награду.

Советским военнопленным при вербовке заявляют, что разведывательная работа в пользу немцев является единственным средством спасти свою жизнь, зарекомендовать себя перед немецкими властями, избежать репрессий с их стороны по отношению как к себе, так и к родственникам.

Вербовка бывших военнослужащих Красной Армии обыкновенно осуществляется после получения ценных откровенных показаний.

Помимо этого, чтобы побудить объект согласиться на сотрудничество с немцами, применяются различные методы угроз, шантажа и провокаций.

Агентуру в районах прифронтовой полосы и в тылу действующих частей Красной Армии немецкая разведка вербует путем высылки курьеров с вербовочными письмами от членов семей, оставшихся на оккупированной немцами территории.

По получении согласия объекта на вербовку производится ее оформление. В некоторых случаях с вербуемого берется краткая подписка-обязательство о сотрудничестве. Однако это практикуется не во всех случаях, а лишь при вербовке особо ценной агентуры.

Каждому агенту присваивается кличка. Отдельные агенты, забрасываемые с серьезными заданиями, фотографируются.

После вербовки агенту обычно создаются улучшенные условия содержания (если это заключенный), оказывается материальная помощь в виде выдачи продуктов питания, денежных средств и т.п.

Задержанный в августе 1941 г. б. начальник телефонной станции 626-го б[атальона] связи 275-й сд Лень Н.У., попав в плен к немцам, под угрозой расстрела, сообщил им схему района обороны, численность и вооружение части, переговорный код 275-й сд и другие секретные данные, после чего был завербован в качестве агента немецкой разведки.

Задержанная в октябре 1941 г. на участке Ленинградского фронта Шахина З.Г., находясь на оборонительных работах с группой женщин в 120 чел., в районе г. Кингисепп попала в плен к немцам.

Из этой группы немецкой разведкой было отобрано 15 девушек, которым показывали к[онтр]р[еволюционные] фильмы, давали хорошее питание и после 3-дневного содержания снабдили документами и перебросили через линию фронта в направлении Ленинграда для шпионской работы.

Задержанный в сентябре 1941 г. 1-м пограничным полком агент немецкой разведки Г. показал, что вербовавший его офицер обещал за выполнение задания хорошее вознаграждение и направить на работу в г. Гамбург.

Задержанный в сентябре 1941 г. 24-м пограничным полком агент немецкой разведки показал, что за выполнение задания вербовавший

его офицер обещал создать ему впоследствии хорошие условия жизни на оккупированной немцами территории.

Задержанный в ноябре 1941 г. на участке Северо-Западного фронта Гаврилов разоблачен как агент немецкой разведки, находившийся в немецком плену. Допрашивавший Гаврилова немецкий офицер предложил ему жениться на местной жительнице Степиной Марии, после чего завербовал и в сопровождении Степиной перебросил через линию фронта с заданием пробраться в Москву и разведать военные объекты.

В. Подготовка и инструктаж агентуры

Агентура, предназначенная для выполнения наиболее важных заданий, главным образом для совершения диверсионно-террористических актов, бандитской деятельности и сбора особо важных разведывательных данных в прифронтовой полосе и глубоком тылу, проходит специальную подготовку на разведывательных курсах и в школах.

Существование разведывательных курсов и школ было отмечено в следующих пунктах:

г. Мелитополь Запорожской области³³. Обучаемые подбираются из числа военнопленных. В программу подготовки включается: военное дело, топография, изучение личного оружия, подрывное дело. Занятия проводятся в изолированных одна от другой группах, состоящих из 5—6 человек каждая. Старшие группы обучаются работе на коротковолновой приемопередаточной рации. Срок обучения — 1 месяц;

г. Краматорск³⁴. Контингент обучаемых — преимущественно местная украинская молодежь обоего пола, в числе которой имеются бывш. комсомольцы. Подготавливаются агенты для оседания в глубоком тылу и диверсанты;

г. Макеевка Сталинской области³⁵. Состав обучаемых — дезертиры Красной Армии из числа немцев, проживавших на территории СССР. Обучаемые разбиты на группы по 8—9 человек в каждой. Изучаются вопросы сбора сведений военного характера, способы диверсии, сигнализации немецким самолетам и методы связи. Обученная агентура снабжается соответствующими документами;

г. Артемовск Сталинской области³⁶. Обучается агентура из числа военнопленных и гражданских лиц. Готовятся диверсанты;

г. Славянск³⁷. На курсах обучаются подростки для использования по сбору разведывательных сведений в прифронтовой полосе;

г. Райгородок Сталинской области³⁸. На курсах обучаются подростки для использования по ближней разведке;

г. Харьков³⁹, Пушкинская улица, в здании бывшего медтехникума. Спецкурсы гестапо по подготовке шпионов и диверсантов. Срок обучения — 7—10 дней;

г. Бобруйск⁴⁰. Спецшкола гестапо по подготовке разведчиков-подростков в возрасте от 15 до 18 лет;

г. Полтава⁴¹, ул. Революции, дом 14. Производится обучение основам войсковой разведки и технике осуществления террористических актов.

Подготавливаемая агентура направляется в глубокий тыл — города Сталинград, Казань, Баку, Грозный для сбора сведений о военной про-

мышленности, убийства командиров и комиссаров Красной Армии и хищения секретных документов;

г. Орджоникидзе⁴². Подготавливается групповая агентура для войсковой разведки под видом военнослужащих Красной Армии. Подготовкой агентуры руководит капитан Фурман;

г. Борисов⁴³. Подготавливаются агенты-радисты. Срок обучения — 1—2 месяца. Преподавателями курсов являются немец Вихман и поляк Воткевич. Последний в основном выполняет функции переводчика.

Часть агентуры, намеченной для переброски в тыл Красной Армии, особенно для выполнения серьезных заданий, до переброски предварительно проверяется на контрразведывательной работе на месте (выявление партизан, коммунистов и т.д.), в качестве камерной агентуры, провокаторов и проч.

По показаниям задержанных немецких агентов Иванова, Лихогруда и Алексеенко установлено, что в г. Валг (Эстония)⁴⁴ существует школа германских разведчиков, подготавливающая шпионские кадры для подрывной работы в тылу частей Красной Армии. В школе работает офицер-разведчик Регенау⁴⁵, занимающийся подбором агентуры из числа подготовленных в школе разведчиков и переброской их через линию фронта.

В феврале 1942 г. на территорию СССР было перебросено 12 агентов, прошедших спецподготовку в Валговской школе разведчиков. В настоящее время в школе подготавливаются к переброске еще 15 разведчиков из числа предателей, в прошлом жителей Ленинграда и Ленинградской области и кроме них 4 разведчика из числа белоэмигрантов, которые будут влиты в группы немецких агентов из военнопленных для наблюдения, как последние выполняют задания немецкого командования.

24-м пограничным полком, по агентурным данным, арестован и разоблачен как агент немецкой разведки жит[ель] г. Красный Луч Рославцев Иван Егорович. Находясь на оборонительных работах в районе г. Б. Токмак, Рославцев в сентябре 1941 г. сдался немцам в плен, содержался в лагере военнопленных в пос. Хортица⁴⁶, где и был завербован офицером разведки.

В течение января 1942 г. Рославцев проходил подготовку в специальной разведывательной школе в Хортице, где кроме него обучалось еще 120 немецких агентов, предназначенных для шпионской работы в тылу действующих частей Красной Армии.

Подготовка агентов в разведывательной школе проводилась по специально [разработанной] программе, которой предусматривалось изучение: материальной части оружия, подрывного дела, средств сигнализации, ухищрений при переходе линии фронта и передвижении по территории в тылу наших войск и других предметов.

По окончании разведывательной школы Рославцев вместе с другими агентами был направлен в г. Сталино, где проходил практические занятия по подрывному делу и стрельбе из револьвера, после чего был перебросен через линию фронта с заданием сбора шпионских сведений.

В декабре 1941 г. 118-м жел. дор. полком НКВД на ст. Ворошиловград был задержан Железняк Василий Романович, 1907 г. рождения,

б. рабочий завода «Донсода», который в процессе следствия показал, что, находясь в районе Мелитополя на оборонных работах, был захвачен немцами в плен и завербован разведкой. После месячной подготовки в Мелитопольской школе разведчиков, Железняк в составе группы из 5 немецких шпионов, возглавляемой резидентом Ивановым Ф.П., был переброшен через линию фронта в районе ст. Орехово Запорожской области для шпионской и диверсионной работы в тылу действующих частей Красной Армии.

Все агенты-диверсанты были одеты в красноармейскую форму, вооружены пистолетами и снабжены взрывчатыми веществами. Резидент Иванов для связи с немецкой разведкой и передачи собранных сведений имел при себе радиостанцию.

Разведывательное отделение 16-й армии противника⁴⁷, действующей против Северо-Западного фронта, за несколько месяцев до начала войны отобрало и подготовило в специальных школах и на курсах около 200 разведчиков, из числа лиц, знающих русский язык, членов разных фашистских организаций.

По показаниям одного из этих немецких разведчиков — бывш. жит[еля] г. Варшавы Иванецкого⁴⁸ устанавливается, что со второй половины июня 1941 г. он в числе 45 чел. проходил подготовку на спецкурсах разведчиков. Личный состав курсов состоял из поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, русских и других национальностей в возрасте от 18 до 25 лет, знающих русский язык.

В ходе подготовки с курсов направлялись по 1—2 чел. для разведывательной работы в тылу СССР.

В январе 1942 г. на участке Западного фронта задержан и разоблачен агент немецкой разведки Архипова Анна Васильевна, которая в течение двух месяцев в г. Осташкове под руководством немецкого офицера проходила специальную подготовку, во время которой обучалась методам вербовки агентуры, сбора сведений о коммунистах и партизанах; установлению штабов частей и соединений Красной Армии, способам отравления колодцев и стрельбе из револьвера.

Агентура, не проходящая специальной подготовки на курсах и в школах, получает инструктаж. Инструктаж агента, как правило, производится вербовавшим его работником перед переброской [через] линию фронта. В процессе инструктажа даются указания о сущности задания, порядке переправы и продвижения в тыл Красной Армии, способах выполнения [задания], порядке связи.

На некоторых участках имеются специальные пункты разведки, осуществляющие инструктаж агентуры. В отдельных случаях квалифицированные агенты, проходившие специальную подготовку, вызываются для инструктажа к крупным работникам.

Немецкие агенты-женщины, окончившие специальные разведшколы, при инструктаже получают специальные задания заводить знакомство и вступать в интимную связь с военнослужащими Красной Армии и, используя это знакомство, добывать интересующие немцев разведывательные данные: выкрадывать документы, которые доставлять в разведку.

Террористы, направлявшиеся в глубокий тыл СССР, направлялись, например, в штаб 218 дивизии «СС»⁴⁹, где инструктировались генералом Штраузер.

Завербованная немецкой разведкой в г. Сталино агент Панета Мария, имевшая задание осесть на жительство в своем селе для сбора сведений о частях Красной Армии и их вооружении, должна была по приходе немцев связаться с военным комендантом и назвать условный пароль «Я послана из г. Сталино» — доложить о выполнении задания разведки.

В декабре 1941 г. 113-м ж. д. полком НКВД на ст. Родаково Ворошиловоградской области задержан б. красноармеец 220-го сп Комаристов Владимир Георгиевич, который на следствии разоблачен как агент немецкой разведки. По показаниям Комаристова устанавливается, что он в бою, в районе Калиново, сдался в плен к немцам, где был завербован немецкой разведкой и переодетым в гражданскую одежду переброшен через линию фронта для шпионской работы.

Комаристов должен был проникнуть в г. Миллерово, нанять частную квартиру и в течение нескольких дней выходить к городскому кинотеатру, где встретить другого агента немецкой разведки, который должен был ему дать конкретное задание, личные документы и деньги. На расходы Комаристов получил от разведки 200 рублей.

Принятыми мерами в г. Миллерово задержан агент Лобунов Н.П., с которым Комаристов должен был встретиться⁵⁰.

Г. Легендирование

Немецкая разведка придает серьезное значение вопросу маскировки своей агентуры, забрасываемой в наши тылы.

Наиболее распространенными легендами, которыми немецкая разведка снабжает и прикрывает свою агентуру, являются следующие.

Для военнослужащих:

1) выход из окружения после пребывания на временно захваченной противником территории, в том числе раненых;

2) побег из немецкого плена, из лагерей военнопленных, при перемещении во время нахождения на работе и т.д.;

3) розыск своей части, от которой якобы «отстал».

Для гражданских лиц:

1) побег с территории, временно захваченной немцами, по причине нежелания находиться под властью немецких оккупантов;

2) тяготение к родственникам, находящимся в восточных областях Советского Союза;

3) побег под видом пленных, захваченных немцами во время нахождения на строительстве оборонительных укреплений;

4) побег под видом поисков политического убежища (поляки, латыши, финны и проч.);

5) эвакуация из районов военных действий в тыл страны.

Задержанные на участке Северо-Западного фронта и разоблаченные как агенты немецкой разведки Желанов и Петров, под предлогом гонщиков эвакуированного из Старорусского р-на колхозного скота,

проникли в гг. Рыбинск, Вологда и Ярославль, имея задание сбора сведений о готовящихся резервах Красной Армии и размещении военных заводов.

Д. Экипировка и снабжение агентуры

В условиях войны и нахождения немецких оккупантов на временно захваченной ими нашей территории экипировка агентуры является неслучайной, так как контингент вербуемых в абсолютном большинстве случаев по внешнему виду не отличается от той среды, в которую агенты направляются. Кроме того, немецкая разведка не располагает для этой цели сколько-нибудь существенными материальными возможностями. В связи с этим немецкие агенты как из военнослужащих, так и из гражданских лиц обычно направляются в наш тыл в их собственной одежде.

В отдельных случаях агенты из гражданских лиц переодеваются в форму военнослужащих Красной Армии.

Перед переброской агентам-диверсантам и террористам, следующим поодиночке, обыкновенно выдается оружие, чаще всего револьвер-наган.

Агентура, перебрасываемая под видом военнослужащих Красной Армии, выходящих из окружения, получает оружие, положенное по табелю соответствующей категории.

Групповая агентура, перебрасываемая под видом мелких войсковых групп и подразделений Красной Армии, также получает табельное вооружение, вплоть до автоматического оружия.

Агенты-диверсанты получают для выполнения заданий взрывчатые и отравляющие вещества.

Квалифицированная агентура перед переправкой снабжается запасом продуктов питания на несколько дней в виде хлеба и консервов.

Органы немецкой разведки снабжают также свою агентуру целым рядом как подлинных, так и фиктивных документов, как-то: паспортами, военными билетами, красноармейскими книжками, различными справками, удостоверениями и т.п.

Наряду с подлинными документами, изъятыми у других лиц, личными документами агентов, завербованных на оккупированной территории, агентура получает фиктивные документы. Однако в их оформлении органы немецкой разведки допускают много небрежностей, которые легко обнаруживаются при их внимательном рассмотрении. К числу этих небрежностей относятся:

а) имея на руках военный билет, агент, подходящий по возрасту к призыву в Красную Армию, не имеет справки об освобождении от военной службы;

б) агент снабжен несколькими документами, выданными в разное время разными учреждениями или предприятиями, однако все они заполнены одной рукой;

в) в паспортах имеются отметки о работе в том или ином месте, однако по времени отметка не сходится с пропиской и проживанием объекта в этом пункте;

г) агенты из числа военнослужащих, имея красноармейские книжки, не имеют продовольственных, денежных аттестатов, командировоч-

ных удостоверений и увольнительных записок; покупают продукты питания за наличный расчет, располагая при этом крупными суммами советских денег;

д) агенту выдается справка, что он «уволен» с работы в колхозе, в то время как эта терминология неправильна. Из колхозов никого не увольняют;

е) выдавая себя за жителя того или иного района, агент не знает фамилии председателя райисполкома, секретаря РК ВКП(б) и других видных советских и партийных работников.

Е. Порядок переправы агентуры за линию фронта

Район и участок переправы выбирается работниками разведки по согласованию со штабами частей и соединений.

Для переправы используются чаще всего глухие проселочные и лесные дороги, находящиеся на второстепенных направлениях, там, где линия фронта не является сплошной и образует иногда промежутки.

При наличии у агентов подложных или действительных документов о принадлежности к той или иной части Красной Армии они переправляются прямо через боевые порядки передовых частей РККА.

Переправа агентуры через линию фронта в большинстве случаев производится следующим порядком:

а) Квалифицированные и перспективные агенты подвозятся в район переправы на автомашинах в сопровождении гласных работников разведки, а иногда 2—3 солдат. Далее такая агентура в наш тыл сопровождается специальными проводниками, хорошо знающими те или иные направления и районы;

б) Значительная часть одиночных агентов, особенно знакомых с местностью на избранном для переброски направлении, линию фронта переходит самостоятельно;

в) Практикуется, кроме этого, переброска квалифицированной агентуры через линию фронта на подводах, верхом на лошадях, на танках и сбрасывание с самолетов на парашютах. Эта агентура имеет серьезное задание по разведке тыла и снабжается портативной радиоаппаратурой для связи с разведорганами.

Для беспрепятственного продвижения через район расположения частей немецкой армии агентура пользуется специальными пропусками.

Диверсионные группы, как правило, перебрасываются через линию фронта в одиночном порядке с условием сбора в специально назначенном пункте сосредоточения в нашем тылу. В этих случаях после перехода линии фронта пользуются явочными квартирами.

Ж. Способы и ухищрения продвижения агентуры в тыл и методы оседания

Одним из основных способов проникновения немецкой агентуры в наш тыл является продвижение по глухим лесным и проселочным дорогам.

Часть агентов, следуя по дорогам, обходит стороной населенные пункты и районы расположения частей Красной Армии.

Группы агентов, действующих под видом мелких войсковых групп и подразделений частей Красной Армии, используют для передвижения одновременно несколько подвод, создавая видимость организационного марша.

Отдельные агенты следуют в тыл под видом раненых красноармейцев, направляющихся в госпиталь.

12.2.42 г. по агентурным данным в дер. Ершово Уваровского р-на Московской области был задержан б. военнослужащий 320-го ап Урумбаев Хата, 1920 г. рождения, узбек, который заявил, что он прибыл в д. Ершово по заданию командира роты с целью подыскания помещений для расквартирования личного состава.

В процессе допроса Урумбаев разоблачен как агент немецкой разведки и показал, что в декабре 1941 г. в районе ст. Руза он сдлся в плен немцам и 9.2.42 г., после очередного допроса немецким офицером, был завербован под кличкой «Бедвер-62» и получил задание проникнуть в м. Уварово Московской области и установить расположение штаба армии и систему его охраны.

Через линию фронта Урумбаев проследовал верхом на лошади одновременно с лейтенантом-артиллеристом Девниным, имевшим задание разведать район д. Гриднево Уваровского района.

По выполнению задания Урумбаев должен был перейти линию фронта в расположение немецких частей и передать собранные сведения в какой-либо штаб⁵¹.

Оседание агентуры в прифронтовой полосе, и особенно в тылу, осуществляется под видом эвакуированных из восточных районов Советского Союза.

3. Поведение агентов в нашем тылу и способы выполнения заданий

Агенты немецкой разведки, одетые в форму красноармейцев, в большинстве случаев стремятся присоединиться к частям Красной Армии под видом отставших от своих частей и, пользуясь беспечностью отдельных командиров, на некоторое время остаются в части. Находясь среди личного состава частей, заводят знакомство с болтливыми красноармейцами и занимаются сбором интересующих сведений.

Крупные группы агентов от 10 до 22 человек в форме военнослужащих Красной Армии передвигаются компактно под видом спецподразделений воинских частей, например, взвода связи, выполняющего «специальное задание», взвода ПВО и т.д.

Агент немецкой разведки, б. красноармеец Поверенный, получив задание сбора шпионских сведений о частях Красной Армии, дважды безнаказанно переходил через линию фронта. Пользуясь беспечностью отдельных командиров, приставал к подразделениям двигавшихся на фронт частей Красной Армии, получал питание, ночевал с красноармейцами, вступал с наиболее болтливыми из них в разговоры и собирал разведывательные сведения.

С выходом части на передовую линию, отставал от нее, а затем вновь примыкал к другой и продолжал выполнять задания немецкой разведки.

И. Методы связи с агентурой

Связь с зафронтовой агентурой немецкая разведка осуществляет следующими методами:

- а) личная явка агента по выполнении задания в любой войсковой штаб германской армии;
- б) личная явка агента в обусловленный пункт к вербовавшему офицеру;
- в) нахождение агента в прифронтовой полосе в ожидании захвата этой местности немецкими оккупантами;
- г) посылка к агенту курьера-связника;
- д) передача агента на связь резиденту, находящемуся на нашей территории;
- е) передача сведений шифром посредством радио.

Для беспрепятственного передвижения через районы расположения немецких частей агентам дается пароль. Пароль, как правило, всегда бывает устным, однако в некоторых случаях агентуре выдаются пароли в виде металлических жетонов, монет, письменных пропусков и прочих предметов, тщательно зашитых в одежду или обувь.

Агенты, проникшие в части Красной Армии, с выходом их на передовую линию отрываются от подразделений и переходят на сторону немцев, либо во время боевых действий сдаются в плен.

В составе групп перебрасываются специально подготовленные агенты и снабженные рациями агенты-радисты.

Ценные агенты-одиночки также обучаются радиodelу, снабжаются портативными рациями и поддерживают посредством их связь с органами немецкой разведки.

Агент немецкой разведки Ведмеденко имел задание перейти на сторону немцев и передать разведке сведения шпионского характера. Для связи с немцами Ведмеденко получил условный пароль «Эберг».

Агент разведки Кулаков собранные шпионские материалы должен был доставлять немцам через специального курьера, прибывшего к нему из Харькова, и в качестве пароля предъявить свою фотокарточку.

Задержанные агенты немецкой разведки Алексеенко, Иванов и Лихогруд показали, что переброшены через линию фронта на парашютах в районе ст. ст. Боровичи-Хвойная для шпионской деятельности в тылу Красной Армии. Собранные сведения они должны были передавать разведке по радио, для чего были снабжены портативной радиостанцией.

Из показаний участника задержанной группы немецких шпионов Иванова установлено, что собранные группой сведения они должны были передавать два раза в сутки через радиостанцию штаба немецкого командования Северного фронта по определенному шифру. Код, шифр и ключ к нему находились у агента Алексеенко, военного радиста, работавшего до пленения на острове Даго.

В случае, если не удастся работать радиостанцией, им предложено перейти обратно через линию фронта и устно доложить о результатах штабу немецкой армии Северного фронта в гор. Псков.

При переходе линии фронта к немцам, пользоваться паролем «Их бин дойтшер агент арбейтен майор фон Петергоф»⁵². При этом поднять руку, в которой держать что-либо белое.

Фронтвые разведорганы Германии имеют довольно распространенную сеть радиостанций, используемых для связи с зафронтной агентурой и одного органа с другим⁵³.

Радиостанция разведотдела южной армейской группировки тыловых районов носит название «Орион»⁵⁴.

Разведотдел средней армейской группировки⁵⁵ имеет две радиостанции, позывные «Сатурн»⁵⁶ и «Марс»⁵⁷.

Если радиостанции разведотделов армейских группировок носят названия небесных светил, то периферийные радиостанции носят названия домашних животных и зверей.

В районе деятельности южной армейской группировки известны радиостанции: «Бык»⁵⁸, «Вол»⁵⁹, «Пантера»⁶⁰, «Куница»⁶¹; средней армейской группировки: «Леопард»⁶², «Пума»⁶³, «Бык», «Буйвол»⁶⁴.

ВЫВОДЫ

1. Немецкая разведка является довольно сильным противником и имеет значительный опыт организации и ведения разведывательной работы в условиях войны.

2. Фронтвые разведорганы Германии терпят вместе с войсками крупные неудачи и, стараясь компенсировать их, забрасывают в наш тыл в массовом порядке шпионов, диверсантов, террористов и бандитов.

3. При отступлении немецких войск разведорганы оставляют на нашей территории значительное количество агентуры.

4. Немецкая разведка в качестве базы для вербовки агентуры, засылаемой в наш тыл, широко использует советских военнопленных.

5. Нашей задачей является дальнейшее изучение методов работы фашистской разведки, повышение качества агентурной и следственной работы, с тем чтобы наносить разведке противника сокрушительные удары.

Зам. начальника 1-го Управления ГУПВ НКВД СССР
старший майор госбезопасности
*Леонтьев*⁶⁵

Начальник отделения 2-го отдела
1-го Управления ГУПВ майор
*Рыжков*⁶⁶

Документальная коллекция ЦА ФСБ РФ.

Примечания

¹ РОВС — «Российский общевоинский союз», белоэмигрантская антисоветская организация, объединявшая наиболее реакционные слои эмигрантов. Засылала в СССР агентов, диверсантов и террористов, а также эмиссаров для создания вооруженных банд и инспирации повстанческих выступлений.

² «Русский фашистский союз» — белоэмигрантская антисоветская националистическая организация. Действовала в интересах фашистской разведки: формировала вооруженные банды, поставляла гитлеровским разведорганам кадры, которые проходили подготовку для последующей подрывной работы в СССР.

³ Правильно: «Русский национальный комитет» — белогвардейская организация, тесно сотрудничавшая с фашистскими разведывательными службами.

⁴ Правильно: «Организация украинских националистов» (ОУН) — активная украинская националистическая организация. Установила тесный контакт с германскими фашистами еще до прихода Гитлера к власти. Шпионаж, диверсии и террор стали основными формами подрывной антисоветской деятельности оуновцев.

⁵ Правильно: «Белорусский комитет самопомощи» — создан в конце 1939 г. в Варшаве по заданию гестапо с целью распространения националистической антисоветской пропаганды среди белорусского населения. Выступал за создание «независимого национал-демократического белорусского государства» под протекторатом Германии с включением в его состав, помимо территории Белоруссии, земель Смоленской, Курской и ряда других областей.

⁶ «Литовская гвардия» — реакционная организация литовских националистов. Сформирована с помощью так называемого «Фронта литовских активистов» для диверсионно-террористической антисоветской деятельности.

⁷ Абвер (нем. Abwehr, буквально оборона, отражение) — орган военной разведки и контрразведки Германии. Создан в 1919 г. В 1935—1944 г. абвер возглавлял адмирал Фридрих Вильгельм Канарис. Накануне нападения на Советский Союз абвер провел ряд мероприятий по плану «Барбаросса», значительно активизировал деятельность по сбору секретной информации о СССР, маскировал военные приготовления фашистской Германии, готовил диверсионные группы для действий в тылу советских войск. С июня 1941 г. деятельностью абвера на советско-германском фронте руководил «штаб Валли», располагавшийся в м. Сулеювек под Варшавой. В его распоряжении находились абверкоманды различного назначения, подчиненные им абвергруппы и другие специальные формирования.

⁸ Штаб германского войскового соединения от дивизии и выше состоял из трех основных отделов: оперативного отдела — I А, отдела тыла — I Б, разведывательного отдела — I Ц.

Отделы I Ц занимались сбором и обработкой разведывательных сведений о Красной Армии, профилактической работой в частях немецкой армии по борьбе со шпионажем, радиопропагандой и распространением антисоветских листовок на передовой линии фронта, военной цензурой переписки военнослужащих. Кроме того, отделы I Ц организовывали местные комендатуры в районе дислокации соединения и создавали карательные отряды для борьбы с партизанами.

⁹ Речь идет о войсках 6-й немецкой армии, которые 18 сентября 1941 г. оккупировали г. Полтаву.

¹⁰ Имеются ввиду абверкоманды и подчиненные им абвергруппы, занимавшиеся разведывательной деятельностью против частей Красной Армии.

¹¹ Гестапо (нем. Gestapo, сокр. от Geheime Staatspolizei) — тайная государственная полиция в фашистской Германии, созданная в апреле 1933 г. В 1939 г. гестапо вошло в РСХА в качестве IV управления. С этого времени и до конца войны гестапо возглавлял группенфюрер СС Генрих Мюллер.

На оккупированной территории гестапо вело сыск и уничтожало участников Движения Сопротивления, засылало в него свою агентуру, поощряло предательскую деятельность коллаборационистов. С особым размахом гестапо применяло массовый террор на временно захваченной советской территории. В сотрудничестве с т.н. оперативными группами СД («эйнзацгруппами») гестапо осуществ-

ляло массовые убийства советских людей, вело борьбу против партизан и подпольщиков, участвовало в карательных акциях вермахта.

¹² *Гиммлер Генрих* (1900—1945) — с 1929 г. руководитель СС, с 1936 г. шеф гестапо, с 1943 г. имперский министр внутренних дел. С 1944 г. главнокомандующий армией резерва. В мае 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

¹³ Полевая жандармерия была военным полицейским органом, выполнявшим функции полиции порядка в зоне боевых действий и в ближнем армейском тылу. Каждой армейской группировке немецкой армии придавался один или несколько отрядов полевой жандармерии, численностью до одного батальона четырехротного состава; армиям придавались отряды жандармерии ротного состава, корпусам и дивизиям — команды в составе 30 жандармов и одного офицера.

¹⁴ Тайная полевая полиция — «Гехаймфельдполицай» (ГФП) была полицейским исполнительным органом военной контрразведки в действующей армии. Руководящие установки подразделения ГФП получали от управления «Абверзагранница», в состав которого входил специальный реферат (отделение) ФПдВ (полевая полиция вооруженных сил), возглавляемый полковником полиции Крихбаумом. Тайная полевая полиция выполняла функции гестапо в зоне боевых действий, а также в ближних армейских и фронтовых тылах.

¹⁵ Подразделения ГФП именовались не пунктами, как указано в тексте документа, а представлялись группами под соответствующими трехзначными номерами при штабах армейских группировок, армий и полевых комендатурах, а также в виде комиссариатов и команд при корпусах, дивизиях и отдельных местных комендатурах.

¹⁶ Жарких Иван Афанасьевич 18 февраля 1942 г. военным трибуналом 3-й армии осужден по ст. 58-1«б» УК РСФСР к высшей мере наказания.

¹⁷ Зайцева Е.К. военным трибуналом 13-й армии 27 февраля 1942 г. осуждена по ст. 58-1«а» УК РСФСР к высшей мере наказания. Военным трибуналом Брянского фронта 8 марта 1942 г. ВМН заменена 10 годами лишения свободы с поражением прав на 3 года. Освобождена 1 ноября 1955 г. из ссылки по Указу Президиума ВС СССР от 17 сентября 1955 г.

¹⁸ Кабанов И.В. военным трибуналом Брянского фронта 30 ноября 1942 г. осужден по ст. 58—14 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы. 19 января 1952 г. народным судом 1 участка Елецкого района Орловской области осужден по ст. 73 ч. 1, 74 ч. 2 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы. 20 ноября 1954 г. освобожден из мест лишения свободы по Указу Президиума ВС СССР от 27 марта 1953 г.

¹⁹ Медведев П.А. военным трибуналом Юго-Западного фронта 5 апреля 1942 г. осужден по ст. 58-1«а» УК РСФСР к высшей мере наказания.

²⁰ Белова Антонина Васильевна 21 января 1942 г. осуждена к 8 годам лишения свободы.

²¹ Просоедов Яков Кузьмич 30 марта 1942 г. военным трибуналом Россосанского гарнизона осужден по ст. 58-1«б» УК РСФСР к высшей мере наказания.

²² Белокобыльский Павел Давидович военным трибуналом войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта 23 ноября 1942 г. осужден по ст. 54-1«б» УК УССР к высшей мере наказания.

²³ Тарусов Василий Васильевич 30 января 1942 г. военным трибуналом 13-й армии осужден по ст. 58-1«б» УК РСФСР к высшей мере наказания.

²⁴ Прилепин Митрофан Денисович 5 февраля 1942 г. осужден к высшей мере наказания.

²⁵ Пацуков Андрей Савельевич 21 января 1942 г. военным трибуналом войск НКВД по охране войскового тыла 21 армии осужден по ст. ст. 193-7 п. «г», 193-14 п. «г» УК РСФСР к высшей мере наказания.

²⁶ Правильно: Кулаков Роман Григорьевич, 2 февраля 1942 г. осужден к высшей мере наказания.

²⁷ Бородин Алексей Константинович 9 января 1942 г. военным трибуналом 13-й армии осужден по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР к высшей мере наказания.

²⁸ Правильное написание: эсэсовцы.

Специальные войска и части СС, которые действовали и на оккупированной территории Советского Союза, проявляя кровавый произвол по отношению к военнопленным и мирному населению.

²⁹ Михеев П.Л. военным трибуналом войск НКВД Северо-Западного фронта 31 января 1942 г. осужден по ст. ст. 58-3; 58-10 ч. II УК РСФСР к высшей мере наказания. По закону РФ от 18 октября 1991 г. реабилитирован.

³⁰ Гор. Маркштадт до 1920 г. — г. Баронск (или Екатериненштадт), с 1942 г. — г. Маркс, районный центр в Саратовской области, пристань на Волге.

³¹ Панета М.С. военным трибуналом войск НКВД по охране тыла 21-й армии 27 января 1942 г. осуждена по ст. 58-6 ч. I УК РСФСР на 7 лет лишения свободы. Умерла 5 ноября 1943 г. в местах отбывания наказания.

³² Речь идет о Фроловой Марии Федоровне и Коноплич Татьяне Григорьевне.

³³ В г. Мелитополе Запорожской области находились курсы органов абвера, где обучались завербованные советские военнопленные. Здесь готовили разведчиков и радистов для проведения разведывательной и диверсионной работы в ближнем тылу на юге Украины. Срок обучения длился один месяц. По окончании учебы агенты получали дополнительный инструктаж по разведывательной работе и совершении диверсионных актов на коммуникациях Южного и Юго-Западного фронтов. Подготовку и переброску агентов в советский тыл осуществляли сотрудники абвера, приданные соединениям и частям 17-й немецкой армии.

³⁴ В г. Краматорске Сталинской области находились курсы по подготовке агентуры из числа местных жителей, враждебно настроенных к советской власти, преимущественно из украинской молодежи. Подбор и подготовку агентуры на курсах, а затем ее переброску в тыл осуществляли сотрудники абверкоманды 101 и подчиненные ей абвергруппы 102, 103 и др. В г. Краматорске позже действовала диверсионно-разведывательная абвергруппа 203 со своими курсами. Здесь находился мельдекопф абвергруппы 303 и особая команда 46 из оперативной группы Ц.

³⁵ В г. Макеевка Сталинской области находились курсы, где обучались дезертиры Красной Армии из лиц немецкой национальности. Завербованная агентура разбивалась на группы по 8—9 человек в каждой. После окончания учебы все агенты тщательно инструктировались. Инструктаж и их заброску производили сотрудники абверкоманды 101 и подчиненных ей абвергрупп 102, 103.

³⁶ В г. Артемовске Сталинской области оперировала абвергруппа 102, подчинявшаяся абверкоманде 101. При группе периодически функционировали краткосрочные курсы по подготовке агентов для разведывательной работы. Они дислоцировались там, где находилась группа, или же в близлежащих населенных пунктах. Абвергруппа вела активную разведывательную деятельность против частей Красной Армии Юго-Западного фронта. В разное время в г. Артемовске действовала контрразведывательная абвергруппа 303, отряд особой команды 46 из оперативной группы Ц и отделение полиции безопасности и СД «генерального округа Сталино».

³⁷ В г. Славянске, кроме курсов, указанных в тексте документа, в течение 1941—1942 гг. также оперировали отряды особой команды 46 (полевая почта 35102 и 34310), организационно входившей в оперативную группу Ц. В этом городе, как и в ряде других городов Украины, действовали мельдекопфы (головные посты) контрразведывательной абвергруппы 303 (полевая почта 42512), действовавшей при 1-й немецкой танковой армии.

³⁸ В г. Райгородок, как и в других городах Сталинской области, оперировала абверкоманда 101 и подчиненные ей абвергруппы 102, 103, занимавшиеся подготовкой и заброской агентуры в тыл Красной Армии.

³⁹ В г. Харькове с сентября 1941 г. до осени 1942 г. размещалась абверкоманда 202. В ее подчинении находились абвергруппы 204, 205, 206, 220, Полтавская и Запорожская школы диверсантов, курсы в мест. Козырцево и сборный лагерь на ст. Золь.

В г. Харькове размещался штаб полиции безопасности и СД «генерального округа Харьков». По указанному в тексте адресу находились конспиративные квартиры абвергруппы 204, где агенты получали инструктаж перед выброской в советский тыл.

⁴⁰ В г. Бобруйске, кроме спецшколы гестапо, действовали и другие органы абвера. В частности, здесь в течение 1941—1942 гг. дислоцировались мельдекопфы (головные посты) «Дельта» и «Раух», подчиненные абвергруппе 309. В этот период в гор. Бобруйске, как и в ряде других городов Белоруссии, оперировали особая команда 76 и оперативная команда 8, подчинявшиеся Оперативной группе Б полиции безопасности и СД.

⁴¹ В г. Полтаве в конце 1941 г. органами абвера была организована разведывательная школа, которая подчинялась абверкоманде 102. Полевая почта 57278. Она размещалась в здании бывшей трикотажной фабрики, а затем в школе-семилетке на углу Театральной и Фабрикантской улиц. В школе одновременно обучалось до 60 человек. Среди обучавшихся была женская группа. Срок обучения для агентов-разведчиков 1—2 месяца, для агентов-радивов 2—4 месяца. По окончании школы агенты перебрасывались в тыл Красной Армии на самолетах с Полтавского, Харьковского, Киевского и других аэродромов и пешим порядком на разных участках Юго-Западного, Донского и Северо-Кавказского фронтов. Позже в г. Полтаве при абверкоманде 202 была организована диверсионная школа. Она размещалась на территории бывшего монастыря. Условно именовалась «дорожно-строительная колонна № 27». Полевая почта № 00220. При школе было два отделения для предварительной подготовки и проверки агентов. Первое отделение по ул. Крупской, д. 1 или 7 (частный дом), второе — по ул. Пушкинской, д. 43 (бывш. контора «Заготзерно»). В школе одновременно обучались 20—50 агентов, в отделениях 5—20 человек. Агентов обучали 1—2 месяца. Как правило, окончившие школы агенты забрасывались с заданиями совершать диверсионные акты на железнодорожных коммуникациях, питающих советские фронты южного и юго-западного направлений.

⁴² В г. Орджоникидзеград (г. Бежица) размещались курсы по подготовке агентуры, которые подчинялись абвергруппе 107. Руководили курсами капитан Ю.Фурман, кличка «Фишер», и оберлейтенант В.Бахман. Вербовку агентуры проводили в лагерях военнопленных в г. Брянске, Смоленске, Орле, Рогачеве, Гомеле и лишь в отдельных случаях из местных жителей. Переброска агентуры проводилась самолетами и пешим порядком.

⁴³ В г. Борисове в августе 1941 г. абверкомандой 103 была организована разведывательная школа, которая сначала размещалась в дер. Печи на территории бывшего военного городка (6 км южнее Борисова по дороге на Минск); полевая почта № 09358 Б. Начальником школы был капитан Юнг. В феврале 1942 г. школа была переведена в дер. Катынь (23 км западнее Смоленска). В мест. Печи было создано подготовительное отделение, где агенты проходили проверку и предварительную подготовку, а затем направлялись в мест. Катынь для обучения разведывательному делу. В последующем школа была переведена обратно в дер. Печи. Школа готовила агентов-разведчиков и радистов. В ней одновременно обучалось около 150 чел., из них 50—60 радистов. Срок обучения разведчи-

ков 1—2 месяца, радистов — 2—4 месяца. В советский тыл агенты перебрасывались непосредственно абверкомандой 103 и частично подчиненными ей абвергруппами.

⁴⁴ В г. Валга разведывательная школа была организована в сентябре 1941 г. абверкомандой 104. Она условно именовалась «Русская колонна» и была зашифрована под видом школы по подготовке полицейских для оккупированной территории (полевая почта № 18232).

Школа комплектовалась агентами в основном из советских военнопленных. Вербовки проводились в лагерях военнопленных в городах Валга, Тапе, Пярну и Рига. Одновременно в школе обучалось до 150 агентов. Срок обучения колебался от 2 до 3 месяцев.

Выброска подготовленных в школе агентов в советский тыл осуществлялась сотрудниками абверкоманды 104 и подчиненными ей абвергруппами 111 и 112.

⁴⁵ Речь идет о Смысловском Борисе Алексеевиче, клички «фон Регенау» и «Хольмстон», который до войны являлся резидентом «АНСТ Варшава». С 1941 г. по март 1942 г. руководил всей агентурной работой абверкоманды 104, затем стал начальником контрразведывательного органа «Зондерштаб-Р» — «Особый штаб России», созданного абвером и находящегося в подчинении руководителя «Валли I».

⁴⁶ Имеется в виду остров Хортица в районе Запорожья.

⁴⁷ При 16-й немецкой армии действовали разведывательная абвергруппа 111 абверкоманды 104 и диверсионно-разведывательная абвергруппа 211 абверкоманды 204. 16-й немецкой армии были приданы и ряд контрразведывательных групп — 311 и 317, подчинявшихся абверкоманде 304.

⁴⁸ Правильно: Иваницкий, он же Яницкий В.Я., осужден 8 августа 1942 г. по ст. ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР к высшей мере наказания.

⁴⁹ 218-я немецкая пехотная дивизия действовала в полосе действий 3-й Ударной Красной Армии в районе Холма.

⁵⁰ Комаристов В.Г. арестован 28 ноября 1941 г. заградотрядом 113-го полка войск НКВД. Военным трибуналом войск НКВД в/ч 1080 осужден по ст. ст. 58-1а, 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания.

⁵¹ Урумбаев Хат 20 марта 1942 г. военным трибуналом 5-й армии осужден по ст. 58-1«б» УК РСФСР к высшей мере наказания.

⁵² «Петергоф» — кличка подполковника Гемприха, начальника абверкоманды-104, затем абверкоманды-101, которая дислоцировалась в г. Пскове и забрасывала агентуру в ближайший и глубокий тыл СССР. Для обратного перехода линии фронта агентурой использовались также пароли «Петергоф», «Флорида» и другие.

⁵³ Имеется в виду армейская группировка «Süd» («Юг»).

⁵⁴ «Орион» — позывной радиостанции абверкоманды-102.

⁵⁵ Имеется в виду армейская группировка «Mittel» («Центр»).

⁵⁶ «Сатурн» — позывной радиостанции абверкоманды-103.

⁵⁷ «Марс» — позывной радиостанции абверкоманды-104.

⁵⁸ «Бык» («Bulle») — позывной радиостанции абвергруппы-103.

⁵⁹ «Вол» («Ochs») — позывной радиостанции абвергруппы-103.

⁶⁰ «Пантера» («Panther») — позывной радиостанции абвергруппы-102.

⁶¹ «Куница» («Marder») — позывной радиостанции абвергруппы-101.

⁶² «Леопард» («Leopard») — позывной радиостанции мельдекопфа абвергруппы-105.

⁶³ «Пума» («Puma») — позывной радиостанции абвергруппы-101.

⁶⁴ «Буйвол» («Büffel») — позывной радиостанции абвергруппы-110.

⁶⁵ *Леонтьев Александр Михайлович* (1902—1960) — генерал-лейтенант (1945). В 1941—1942 гг. заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР. В 1942—1943 гг. начальник Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии. В 1944—1947 гг. начальник Главного управления НКВД—МВД по борьбе с бандитизмом. В последующем на ответственных должностях в системе МВД.

⁶⁶ *Рыжков Евгений Васильевич* (1907—?) — генерал-майор. С апреля 1940 г. заместитель начальника 1-го отделения 2-го отдела оперразведки ГУПВ НКВД СССР. С марта 1942 г. начальник отделения 2-го отдела 1-го Управления ГУПВ. С 11 августа 1942 г. заместитель начальника войск по разведке Туркменского пограничного округа. С июля 1944 г. в Академии им. М.В.Фрунзе. С декабря 1947 г. на руководящих должностях в ГУПВ НКВД СССР, с августа 1962 г. начальник факультета Высшей школы КГБ СМ СССР.

МАДИ В ДОВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Из воспоминаний директора института С.П.Артемьева

Проведение индустриализации в Советском Союзе требовало большого числа специалистов высокой квалификации. В связи с этим в 1930-е гг. растет сеть вузов по их подготовке для различных областей промышленности, в том числе и для автомобильно-дорожной отрасли. 13 декабря 1930 г. Совет Народных Комиссаров СССР постановил: «Организовать Московский автомобильно-дорожный институт на базе автодорожного факультета МИИТ и Высшей автодорожной школы». Первым директором института стал доцент В.А.Лопатко.

Вскоре Московский автомобильно-дорожный институт (МАДИ) становится одним из крупнейших вузов страны, ведущим научным и методическим центром по подготовке инженерных и научных кадров для автомобильного транспорта и дорожно-мостового строительства. Развертывалось промышленное строительство, ширилась сеть автомобильных дорог, развивался и МАДИ. С каждым годом он давал все больше специалистов народному хозяйству. Так, в 1931 г. институт выпустил 36 инженеров-дорожников, а в 1940 г. — 350 специалистов по трем факультетам: дорожно-строительному, автомеханическому, вечернему автоэксплуатационному.

С 1938 по 1943 гг. директором института был Сергей Павлович Артемьев. Две главы из его воспоминаний публикуются в «Историческом архиве». С.П.Артемьев родился в 1903 г. в деревне Ягодново Собинского района Владимирской области, в многодетной крестьянской семье. До 1927 г. жил в деревне. На один год выезжал в г. Владимир на педагогические курсы (на них готовили учителей), недолго учился в Успенском сельскохозяйственном техникуме в Ярославской области. Но учебу в техникуме пришлось оставить из-за тяжелого материального положения семьи. Работал во Владимирском губкоме партии, заместителем начальника Владимирской, затем Ивановской окружной дорожно-строительной конторы (управления). За время работы в г. Владимире окончил заочное отделение Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова.

В возрасте 28 лет, в 1932 г. С.П.Артемьев поступил на дорожно-строительный факультет Ленинградского автомобильно-дорожного института (ЛАДИ), который окончил с отличием в 1936 г., получив квалификацию инженера-строителя автомобильных дорог. После окончания института, с 1938 г. работал начальником Люберецкого дорожно-эксплуатационного участка (протяженностью 65 км автомобильной дороги Москва—Рязань и около 200 км автомобильной дороги Москва—Егорьевск—Спас-Клепики). Через год был назначен на должность директора МАДИ.

1938—1943 гг. для страны в целом и для вузов, в частности, были непростыми. С.П.Артемьев в своих воспоминаниях подчеркивает: «...Массовые репрессии, охватившие страну в 1937—1938 гг., не обошли и Московский автомобильно-дорожный институт». Частая смена руководства лихорадила работу института, что отрицательно сказывалось на состоянии учебного процесса: «падение дисциплины среди некоторой части студенческого коллектива и преподавателей, с вытекающими отсюда негативными последствиями». Автор задавался вопросом: в чем проявилось «вредительство врагов народа» в МАДИ? Но ответа на него не находил.

В публикуемом материале освещается и такой вопрос, как реализация закона 1939 г. о привлечении к судебной ответственности лиц, допустивших прогул или опоздание на работу свыше 20 минут. В МАДИ работала комиссия по выявлению фактов нарушения закона о трудовой дисциплине. За допущенный пропуск учебных занятий рекомендовали привлечь к судебной ответственности профессора Н.И.Безухова. Лишь поддержка директора помогла отвести от профессора убийственный ярлык — «враг народа».

Грянула Великая Отечественная война. Ушли на фронт добровольцами многие студенты и преподаватели. В воспоминаниях, посвященных этому периоду, описываются трагические осенние дни 1941 г., когда институт готовился к эвакуации. Работой по эвакуации оборудования, книг, машин и другого имущества руководила «тройка» в составе С.П.Артемьева, Д.А.Михайлова и О.В.Андреева. МАДИ был эвакуирован под Ташкент, в город Янги-Юль. В публикуемом материале описываются трудности, с которыми пришлось встретиться руководству и коллективу института во время эвакуации и в период пребывания в Янги-Юле. Именно здесь был создан первый студенческий строительный отряд МАДИ, работавший на строительстве Северо-Ташкентского ирригационного канала. Институт продолжал выполнять свою главную задачу — подготовку и выпуск инженеров, большинство из которых сразу после защиты дипломов шли на фронт в дорожные войска.

Мадийцы внесли достойный вклад в достижение победы над врагом. Выпускник МАДИ И.Я.Рувинский¹ был начальником 3-го Военно-дорожного управления, работавшего на Брянском и Воронежском фронтах; М.Г.Басе² — начальником 2-го Военно-дорожного управления на Западном, затем на 1-м Украинском фронтах; В.Т.Федоров — заместителем командующего дорожными войсками. Профессор Н.Н.Иванов³ в блокадном Ленинграде выполнял задания Ленфронта, связанные с созданием «дороги жизни». Л.Л.Афанасьев⁴, впоследствии ректор МАДИ, работал по организации перевозок по «дороге жизни» через Ладожское озеро. Профессор Е.Е.Гибшман⁵ участвовал в проектировании переправ в Сталинграде, в создании проектов восстановления крупных мостов.

В послевоенные годы преподаватели МАДИ продолжили научную и педагогическую деятельность, поддерживали и преумножали лучшие традиции вуза, созданных в нем научных школ.

Публикуемый материал хранится в семейном архиве Артемьевых.

Публикацию подготовили член-корреспондент РАН, доктор технических наук В.Н.ЛУКАНИН и кандидат исторических наук Л.Е.ГРАЧЕВА.

---

¹ Рувинский И.Я. — ответственный секретарь приемной комиссии МАДИ в 1935 г.

² Басе М.Г. (р. 1910) — заместитель директора МАДИ, окончил Семипалатинский технический институт в 1932 г.

³ Иванов Н.Н. (1888—1977) — с 1937 г. заведующий кафедрой строительства и эксплуатации дорог МАДИ, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники.

⁴ Афанасьев Л.Л. (1912—1982) — МАДИ окончил в 1937 г., доктор технических наук, профессор, ректор института в 1961—1982 гг. Один из крупнейших отечественных специалистов в области автомобильного транспорта, безопасности дорожного движения и организации автомобильных перевозок.

⁵ Гибшман Е.Е. (1905—1973) — окончил Московский институт инженеров ГВФ (1932 г.); с 1956 г. декан дорожно-строительного факультета, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники.

«Никакого “вредительства” в МАДИ нет»

Волна массовых репрессий, охватившая страну в 1937—1938 гг., не обошла и Московский автомобильно-дорожный институт. Был арестован заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Воробьев¹ и секретарь парторганизации МАДИ Вонсович. Сняты с работы и исключены из партии директор МАДИ В.П.Князев² и его заместитель по административно-хозяйственной работе С.Я.Якимов. Назначенный на пост директора института вместо Князева А.Остапенко вскоре также был снят с работы и исключен из партии. В течение нескольких месяцев руководство института возглавлял беспартийный профессор П.Н.Шестаков, научный работник высокой квалификации в области проектирования автомобильных дорог, но мягкий по характеру и недостаточно требовательный человек. Это сказалось на состоянии учебного процесса в институте: падение дисциплины среди некоторой части студенческого коллектива и преподавателей с вытекающими отсюда негативными последствиями. «Склочная обстановка в институте», — так мне сказали руководители Гушосдора во время переговоров о назначении меня директором.

За несколько дней до моего прихода в институт произошли следующие события. Князева, Остапенко и Якимова восстановили в рядах партии. Последнего отправили отдохнуть в один из подмосковных санаториев. Руководство Гушосдора решило направить в санаторий Князева и Остапенко. В связи с этим мне было предложено изыскать средства на оплату путевок. Не успел я решить этот вопрос, как получил сообщение, что Князев и Остапенко арестованы как «враги народа». По имеющимся у меня сведениям, В.П.Князев одно время был личным секретарем репрессированного Л.П.Серебрякова³.

Я был очень заинтересован в скорейшем возвращении на работу заместителя директора по АХЧ С.Я.Якимова. В институте не было топлива, возникли значительные трудности в хозяйственном обслуживании. За несколько дней до окончания срока путевки я навесил Якимова в санатории, и мне он заявил, что с такого-то числа приступит к работе в институте. Наступил названный день, но Якимов в институт не явился. Позвонили к нему домой, и жена Якимова сообщила, что его ночью арестовали.

В связи с арестом Князева, Остапенко, Якимова обстановка в институте обострилась. Борцы (тайные и явные) за выявление «врагов народа» активизировали свою деятельность. Дальнейшие события способствовали созданию у них уверенности в успехе. Был снят с работы начальник Отдела учебных заведений, заместитель начальника Гушосдора НКВД И.Г.Лаптев. Репрессирован сотрудник Гушосдора, с которым я впервые явился в МАДИ. На отчетно-выборном собрании института произошел такой инцидент. Наиболее активный борец «с врагами народа» студент Рogaва был против моего избрания в состав парткома, мотивируя это тем, что я связан с выявленными и арестованными «врагами народа». С резкой критикой Рogaвы выступил присутствующий на собрании первый секретарь Коминтерновского райкома ВКП(б) Рутес. Его выступление было встречено с одобрением большинством коммунистов,

участников собрания. Я был избран в состав парткома. Через несколько дней Рутес был арестован. Это еще больше подлило масла в огонь. Положение осложнялось тем, что секретарем парткома в эти дни был преподаватель кафедры марксизма-ленинизма А.М.Хомяков⁴, который занимал в происходящих событиях неопределенную позицию. Создавалось впечатление, что он склонен поддерживать «борцов с врагами народа».

Накал страстей в институте возрастал. Но никто не мог ответить на вопрос: в чем проявилось «вредительство врагов народа» в МАДИ? В четком ответе на этот вопрос я был особенно заинтересован, так как без ответа на него мне было трудно определить свои действия и главные направления в работе. Внести ясность в этот вопрос я попытался с помощью работника НКВД, который вел дело Князева и др. Договорился о встрече. В назначенный срок (12 часов ночи) приехал в НКВД. После получасового ожидания пригласили в кабинет. Увидел человека без кителя (в нижней рубашке), который предложил мне стул, добавив при этом: «Еще тепленький, Князев на нем сейчас только что сидел». Это заявление, внешний вид следователя и другие его действия так подействовали на меня, что пропала охота и желание вести с ним беседу. На мой вопрос о характере вредительской работы Князева и других получил следующий ответ: «Ничего вам сообщить не могу, одно могу сказать, что в МАДИ мы еще многих арестуем». На этом беседа и закончилась: «вредители» есть, но в чем проявилось их «вредительство» никто сказать не мог. Некоторые работники МАДИ связывали арест В.П.Князева с его прошлой работой у репрессированного Л.П.Серебрякова; С.Я.Якимова — с его работой в Цудортрансе; Вонсовича — с его связями с троцкизмом. Но почему арестованы Воробьев и А.Остапенко? На этот вопрос вразумительного ответа не находили.

После «беседы» с работником НКВД (фамилии его не помню) у меня появилось основание допускать возможность того, что сделали с В.П.Князевым и А.Остапенко. Поэтому я предупредил жену о такой возможности и просил ее, если это случится, сообщить родителям, что я выехал в длительную командировку. Я был твердо уверен (по наивности), что докажу свою невиновность и буду освобожден. Я не был арестован. Больше того, за время моей работы в МАДИ вообще никто из сотрудников института и его студентов не был арестован. Этому способствовали следующие события.

Секретарь парткома института А.М.Хомяков был переведен на работу в ЦК ВКП(б), а затем вскоре избран секретарем горкома г. Ростова-на-Дону. Через некоторое время он умер. Вместо Хомякова секретарем парткома был избран П.Д.Бородин⁵, с которым после некоторой взаимной «пристрелки» договорились направить свои усилия и усилия всего коллектива на повышение качества учебного процесса, качества подготовки специалистов и на развитие учебно-производственной базы МАДИ.

Были сформулированы два главных направления деятельности руководства института: ликвидация последствий «вредительства» в учеб-

ном процессе; ликвидация последствий «вредительства» в развитии учебно-производственной базы МАДИ.

Несколько слов справочного характера. По имеющимся у меня сведениям, В.П.Князев, А.Остапенко и С.Я.Якимов были посмертно реабилитированы. «Борец с врагами народа» студент Рогова мной был исключен из института за неуспеваемость (времени на учебу ему не хватало). Во время войны был призван в армию. За неявку в установленный срок попал в штрафной батальон. После войны приходил ко мне в Минавтотранс РСФСР с просьбой оказать ему помощь в получении в Москве жилья и работы. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Следователь НКВД, с которым я имел «беседу», репрессирован за преступные действия в период его последующей работы в Латвии.

Секретарь Коминтерновского РК ВКП(б) Рутес был освобожден из-под ареста и многие годы работал директором Музея революции в Москве (улица Горького).

П.Д.Бородин многие годы работал в аппарате ЦК ВКП(б) (инструктором, заведующим сектором, заведующим отделом машиностроения), а затем заместителем министра автомобильной промышленности. В послевоенные годы, в период новой волны репрессий, был снят с должности заместителя министра и сослан в Одессу, где несколько лет работал директором завода. После смерти Сталина возвратился в Москву, где занимал различные должности: директора завода АТЭ-1, первого заместителя председателя совнархоза и др. Последняя должность — директор ЗИЛа. После многих лет работы в этой должности ушел на пенсию. Будучи пенсионером, был избран первым председателем организованного Общества ветеранов партии и труда. В настоящее время не работает, тяжело болен (перенес инфаркт и инсульт) и большую часть времени находится в больнице.

Никакого вредительства в организации учебного процесса в институте не было. Просто в период «борьбы с врагами народа» снизилась за счет некоторой части студентов посещаемость учебных занятий, стали нарушаться сроки выполнения и защиты курсовых проектов и работ. Появились попытки со стороны студентов — «активистов» вмешательства в учебный процесс. Они стремились создать такое положение, чтобы перечень дисциплин, по которым должны сдаваться экзамены и зачеты, сроки их проведения определялись студентами. Далеко не всегда эти действия были достаточно взвешенными.

Со стороны некоторых преподавателей стало проявляться пассивное отношение к указанным негативным явлениям. Особенно неблагоприятное положение с выполнением курсовых работ создалось на кафедре строительного производства. Пришлось пригласить к себе заведующего этой кафедрой профессора Н.С.Дорофеева⁶, высказать свое беспокойство и просьбу навести порядок. Последовала резко отрицательная реакция: «Я не нянька, и не дело коллектива кафедры прививать студентам чувство добросовестного отношения к труду, для этого имеется в институте кафедра общественных наук». На мои попытки убедить профессора Дорофеева, что он занимает неправильную пози-

цию, последовал ответ: «Прошу освободить меня от должности заведующего кафедрой и вообще от работы в МАДИ». Не выходя из кабинета, он написал и передал мне соответствующее заявление. Мое предложение подумать два—три дня и после этого вернуться к этому вопросу было отвергнуто. Тогда в этот же день мною был подписан приказ об освобождении профессора Дорофеева от должности заведующего кафедрой строительного производства.

На этом инцидент не закончился. В тот же день ко мне буквально ворвался в кабинет заведующий кафедрой сопротивления материалов и строительной механики профессор Безухов⁷ и возбужденно заявил: «От имени профессорско-преподавательского персонала протестую против расправы учебной частью института над профессором Дорофеевым и требую восстановления его в должности заведующего кафедрой». В ответ на это я потребовал в довольно резкой форме назвать персональный состав группы, от имени которой он выступает. Выяснилось, что никакой группы нет и высказанное им мнение является его личной точкой зрения. Попросив в будущем точнее выражать свои мысли, я объяснил, что учебная часть никакого отношения к увольнению профессора Дорофеева не имеет, что последний, по примеру унтер-офицерской вдовы, «сам себя высек». После беседы с профессором Н.И.Безуховым было сделано все, чтобы довести до сведения профессорско-преподавательского состава об истинных причинах увольнения профессора Дорофеева, и у меня создалось мнение, что коллектив согласился с решением руководства института.

Н.И.Безухов большой популярностью и, я бы даже сказал, любовью пользовался у студентов института. Его блестящие лекции по такой, казалось бы, сухой дисциплине, как строительная механика, заканчивались бурей аплодисментов и вручением букетов цветов. Эта популярность Безухова далеко не всем его коллегам нравилась. Я, наоборот, бывав на нескольких лекциях, проникая к нему большим уважением. К сожалению, работа Безухова в МАДИ закончилась трагически. Заявляя о своей любви к МАДИ, что он не расстанется с ним до конца своей жизни, Безухов решил уйти в Артиллерийскую академию и подал в нее заявление о назначении его на должность начальника кафедры. Сделал он это тайно от руководства МАДИ. Узнав об этом, я вызвал к себе Николая Ивановича, который подтвердил свои намерения. На мой вопрос: «А как же с заявлениями о Вашей любви к МАДИ?» — он ответил, что МАДИ покидать не собирается и будет продолжать работать в той же должности, но на 0,5 ставки. На мое замечание, что на это требуется согласие руководства МАДИ, он заявил, что, по его мнению, этого не требуется. После категорического (письменного) отказа взять обратно заявление из академии Безухову было заявлено, что институт объявляет конкурс на замещение должности заведующего кафедрой. По конкурсу в академию он не прошел, не прошел по конкурсу и в МАДИ. Вместо него на должность заведующего кафедрой был назначен член-корреспондент Академии наук СССР, доктор технических наук, профессор А.А.Ильющин. Как оказалось, замена не была равнозначной.

Я все больше убеждался в необходимости замены профессора П.Н.Шестакова⁸ на посту заместителя директора по научной и учебной работе новым человеком, более волевым, требовательным и с лучшими качествами организатора. Состоялась беседа с Шестаковым, которому я объяснил свое желание и мотивы. К моему удивлению, он принял это спокойно и, не выходя из кабинета, написал и передал мне соответствующее заявление. Но при его выходе из кабинета я обратил внимание, что он расстроен. Причины этого выяснились на следующий день, когда он зашел ко мне и задал такой вопрос: «Сергей Павлович, я буду арестован?» В ответ последовало мое твердое — «Нет». Я глубоко удовлетворен тем, что моя убежденность в этом оправдалась: П.Н.Шестаков до конца своей жизни работал в должности заведующего кафедрой «Проектирование автомобильных дорог».

На пост заместителя директора был назначен кандидат технических наук, доцент кафедры «Теория механизмов и детали машин» А.П.Владзиевский⁹, коммунист, прекрасный лектор, квалифицированный специалист, пользующийся уважением, особенно в студенческом коллективе. Он активно включился в работу по устранению недостатков в организации учебного процесса в институте. Студенческий коллектив был предупрежден, что экзамены и зачеты будут проводиться по дисциплинам согласно учебному плану и в строго установленные сроки, а не по принципу «когда хочу, тогда и сдаю». Не все студенты приняли это как должное. Пошли жалобы в высшие инстанции. К сожалению, они нашли в этом вопросе поддержку работников ЦК ВЛКСМ и газеты «Комсомольская правда». Наоборот, руководство Комитета по делам высшей школы, особенно председатель Комитета С.Ф.Кафтанов¹⁰, решительно поддержали позицию института. Экзамены были проведены в соответствии с учебным планом в установленные сроки. Не обошлось и без «жертв». Пришлось исключить по причине неуспеваемости около 50 студентов. Снова пошли жалобы, и снова нас поддержало руководство Комитета по делам высшей школы. Председатель комитета С.Ф.Кафтанов сделал лишь одно замечание: «Надо было издать не один, а несколько приказов с разными датами, чтобы число студентов в каждом приказе было не более 10». Исключенные из института поняли, наконец, что у них один выход: учиться, учиться и учиться. Вскоре большинство из них ликвидировали академическую задолженность и были восстановлены в институте.

В 1939 г. в стране стали осуществляться мероприятия по решительному укреплению трудовой дисциплины. Был принят закон, согласно которому лица, допустившие прогул или опоздание на работу свыше 20 минут, привлекались к судебной ответственности. Привлекались к строгой административной и судебной ответственности и руководители, покрывающие нарушителей трудовой дисциплины. И.о. начальника Гушосдора Н.Ф.Малинин решил использовать эту ситуацию. По его указанию была создана комиссия в составе трех человек, которая приступила к выявлению в МАДИ фактов нарушения закона о трудовой дисциплине. В этом комиссия получила помощь со стороны С.П.Бан-

никова¹¹. По его инициативе местком принял решение: «Потребовать от директора привлечения к судебной ответственности профессора Н.И.Безухова за допущенный им пропуск учебных занятий». Со стороны Банникова не было даже попытки переговорить предварительно с Безуховым и директором. При этом он мог бы установить, что учебные занятия вместо профессора Безухова, провел доцент Снитко, с устного разрешения директора. Решение месткома было передано комиссии Гушосдора, которая потребовала от меня его выполнения. Я отказался, при этом объяснил причины своего поведения. Вместе с тем я заявил, что если кто-то направит это дело в суд, буду вынужден выступить на судебном заседании в качестве свидетеля защиты, а не обвинения. Со стороны участвовавшего в беседе С.П.Банникова последовало заявление: «Безухова надо привлечь к ответственности как врага народа». Я ответил, что у меня нет никаких фактов подтверждающих заявление Банникова. Последний также заявил, что у него фактов нет, но он «интуитивно чувствует в Безухове врага народа».

В конечном итоге комиссия подготовила проект приказа заместителя наркома внутренних дел о вынесении мне выговора (наказывать и снимать с работы директоров вузов в то время могло лишь руководство наркоматов и Комитета по делам высшей школы). Дальше события развивались следующим образом. Малинин был освобожден от должности и.о. начальника Гушосдора. Вместо него был назначен В.Т.Федоров, окончивший МАДИ и работавший начальником Главного дорожного управления при Совнарком РСФСР. Он поручил комиссии доложить результаты проверки и предложения на заседании парткома института. В результате обсуждения два члена комиссии отказались от сделанных выводов и предложений. Их примеру последовал затем и председатель комиссии Балтрушевич, заявив, что он подготовил приказ по личному указанию Малинина. Партком принял их заявление к сведению, поставил в известность начальника Гушосдора В.Т.Федорова и на этом «операция» закончилась. (В.Т.Федоров умер в 1989 г. в возрасте 90 лет).

Были ли приглашения меня на другую работу? Да, были два случая. Первый. Совет Народных Комиссаров РСФСР (тогда будущий Совмин так назывался) предложил мне занять должность начальника Главного дорожного управления. Я отказался. На эту должность был назначен В.Т.Федоров, будущий начальник Гушосдора НКВД СССР.

Второй. Госплан СССР предложил мне занять должность заместителя заведующего Отделом транспорта (должен заниматься вопросами развития автомобильного транспорта и дорожного хозяйства). Я также отказался и рекомендовал им назначить на эту должность А.П.Владзиевского, но он также отказался от этого предложения. В конечном итоге на эту должность был назначен выпускник вечернего отделения МАДИ А.Т.Таранов, который работал на этом поприще в течение многих лет.

Мое нежелание перейти на другую работу объяснялось стремлением завершить строительство нового здания МАДИ.

В период массовых репрессий в 1938 г., как раз в год моего прихода на работу в МАДИ, ко мне стали заходить студенты разных курсов с со-

общениями об аресте их родителей или их ближайших родственников. Сообщая мне об этом, они вместе с тем задавали вопрос: «Мы будем исключены из института?» Тяжело было смотреть на их встревоженные лица. С какой радостью они встречали ответ директора: «Никого из МАДИ исключать не будем, продолжайте учебу в институте». Узнав отношение руководства института к этим вопросам, дети «врагов народа» через некоторое время вообще перестали заходить ко мне и информировать меня об аресте родителей или ближайших родственников. Мою позицию в этом вопросе полностью разделял секретарь парткома института П.Д.Бородин. В последующие годы, встречаясь с этими студентами, уже инженерами, приходилось слышать горячие слова благодарности за оказанную им поддержку в очень тяжелое время.

Никакого вредительства не было и в области развития учебно-производственной базы института. К моменту моего назначения и прихода на работу в институт имелось уже решение соответствующих органов о строительстве нового здания для института. Бывшему директору В.П.Князеву можно сделать упрек в том, что он недостаточно энергично осуществлял мероприятия по реализации указанного решения.

В связи с арестом С.Я.Якимова надо было срочно решить вопрос о назначении нового заместителя директора по АХЧ. На эту должность был назначен И.Я.Белянкин, работавший директором Новгородского дорожного техникума. На него были возложены обязанности по хозяйственному обслуживанию института и решению вопросов по строительству нового учебного корпуса.

Белянкин оказался очень энергичным, опытным хозяйственником, но возникшие большие трудности в деле строительства нового здания вызвали необходимость сосредоточить его внимание и усилия только на вопросах строительства. Он был назначен на должность заместителя директора по капитальному строительству, а на должность заместителя директора по АХЧ был назначен К.Ф.Самофалов, личность довольно заурядная. Вскоре вместо него на эту должность был назначен В.Т.Хенвин.

Надо было срочно решить два вопроса: разработать проект нового здания института и получить земельный участок для его строительства.

При решении первого вопроса трудности возникли из-за отсутствия специальных проектных организаций. Строительную часть проекта стала разрабатывать проектная мастерская НКВД (авторы А.Е.Зильберт и А.М.Алхазов), а разработкой технологической части проекта пришлось заняться непосредственно профессорско-преподавательскому персоналу кафедр МАДИ. Трудности при разработке проекта возникали, но успешно преодолевались. Каждая кафедра проявила большую активность и желание закрепить за собой максимальную площадь для лабораторий и кабинетов.

Здание института проектировалось из расчета общего контингента студентов дневного отделения при работе в одну смену 2000 человек. Предусматривалась подготовка аспирантов и необходимые для этого аспирантские помещения, лаборатории и кабинеты. Предусматривалась также подготовка специалистов по вечерней форме обучения, т.е. без

отрыва от производства. Таким образом, общий контингент учащихся по всем формам обучения должен был составлять 3500 человек. Для этого проект предусматривал строительство здания института, которое называется в настоящее время «старый корпус». К этому зданию должно было примыкать (со стороны метро «Аэропорт») здание Союзного научно-исследовательского института автомобильных дорог. Однако руководство СоюздорНИИ (директор Н.В.Бердичевский) проявило в этом деле полное безразличие. Впоследствии часть их участка была использована под строительство здания для какой-то киноорганизации, а другая — для пристройки к основному корпусу МАДИ.

В связи с тем, что недалеко от участка МАДИ находился действующий Центральный аэродром, было предложено высоту здания ограничить 4-мя этажами. Много и долго спорили с Архитектурным управлением Мосгорисполкома по поводу фасада здания. Следует заметить, что его чуть не постигла трагическая участь. Ведя борьбу с излишествами в строительстве, Н.С.Хрущев¹² лично приказал снести все колонны, и лишь чудо помогло спасти их. В этом, очевидно, есть и заслуга бывшего директора МАДИ Г.И.Зеленкова¹³.

Разработанный архитектором А.Е.Зильбертом и А.М.Алхазовым технический проект здания МАДИ был утвержден в 1940 г. Генеральный план и фасад здания показаны в сборнике «Московский автомобильно-дорожный институт за 10 лет», который был выпущен по случаю десятилетия МАДИ. В этом сборнике дана краткая характеристика проекта. В частности, указывалось: «Общая кубатура здания составит 148735 м³, а общая рабочая площадь — 18386 м². Общая стоимость строительства определена в 3375,5 тыс. рублей, из них на технологическое оборудование предусматривается 1000000 рублей. Новое здание МАДИ должно быть сдано в эксплуатацию в 1942 году». В реальность последнего можно было поверить, так как 1-й стройтрест НКВД обладал мощными производственными возможностями.

Исключительные трудности возникли с решением другого вопроса — с отводом земельного участка под строительство учебного корпуса. Наши попытки получить в этом вопросе помощь со стороны и.о. начальника Гушосдора Н.Ф.Малинина не увенчались успехом, мы получили ответ: «На помощь не рассчитывайте, решайте сами». Пришлось обратиться в Коминтерновский РК ВКП(б), так как мои попытки встретиться с заместителем наркома НКВД Г.В.Филаретовым¹⁴, который курировал Гушосдор, не увенчались успехом. Мне не позволяли переговорить с ним даже по телефону. Обо всем этом было сказано в решении РК ВКП(б), направленном руководству НКВД.

Мне и И.Я.Белянкину приходилось высидывать дни и ночи в приемных руководителей Мосгорисполкома с тем, чтобы с их помощью положительно решить вопрос об отводе земельного участка.

Первый участок был отведен на развилке Ленинградского и Волоколамского шоссе, где в настоящее время находится здание института Гидропроект. На участке проживало около 300 жителей, для которых институт был обязан предоставить жилье. Решено было для них постро-

ить жилой дом, но для этого надо было найти участок. После длительных поисков остановились на участке на Чистопрудном бульваре, который был занят пожарным депо. Пришлось для него построить здание в Даевом переулке. Быстро изготовили проект 8-этажного жилого дома и 2-этажных надстроек над примыкающими к нему 3-этажными домами. В короткий срок было подготовлено (реконструировано) здание в Даевом переулке для переселяемого пожарного депо. При его переселении неожиданно возникли серьезные осложнения. Переместив часть машин в новое помещение, начальник пожарного депо отказался освободить здание на Чистопрудном бульваре, заявив, что в одном помещении (в Даевом переулке) им трудно разместить все машины. Началось «сражение» между рабочими-строителями и пожарниками: первые пытались овладеть и разрушить здание депо, а вторые отчаянно защищались, используя в качестве оружия противопожарную технику. На место сражения пришлось выехать И.Я.Белянкину, а затем и мне. Несколько раз приезжал дежурный по городу. Однако «сражение» продолжалось с переменным успехом. В конце концов пришлось обратиться за помощью к начальнику Главного управления пожарной охраны (ГУПО) НКВД СССР С.Я.Вершинину¹⁵, с которым ранее были оговорены условия переселения пожарного депо. Он (по телефону) дал категорическое указание начальнику депо немедленно освободить здание пожарного депо на Чистопрудном бульваре. «Сражение» было выиграно, и можно было приступить к строительству жилого дома. Строительство возложили на 1-й Государственный трест НКВД (нач. В.И.Анисков). Ему пообещали передать несколько квартир, и поэтому строители стали действовать довольно энергично.

Первый земельный участок соприкасался с корпусами Московского авиационного института. С помощью наркома авиационной промышленности М.М.Кагановича¹⁶ руководство МАИ добилось изъятия у МАДИ этого участка. Остались десятки тысяч рублей бросовых затрат, связанных с предпроектными работами по данному участку.

Второй участок отвели в районе Речного вокзала по Ленинградскому шоссе. Приступили к выполнению проектных работ, израсходовали десятки тысяч рублей, но вскоре участок также был изъят. Мотивы: «Личное указание председателя Совнаркома СССР В.М.Молотова¹⁷ о перенесении строительства крупных объектов из периферийных районов в центр г. Москвы». Снова появились бросовые затраты.

Третий участок был отведен на правой стороне Ленинградского шоссе, почти рядом с окружной железной дорогой. Этот участок, также как и второй, не был заселен, проблема переселения жильцов отпадала. Появилась возможность для 1-го Государственного треста НКВД приступить к подготовительным и строительным работам. Мы форсировали привязку проекта к новому участку, израсходовали на это также десятки тысяч рублей.

Успешно велось строительство жилого дома, который решили использовать для заселения его профессорско-преподавательским персоналом. У всех появилось радужное настроение. Вдруг в моем кабинете

появляется майор госбезопасности и, ссылаясь на личные указания наркома внутренних дел (Берия¹⁸), потребовал передать ему все материалы по третьему участку. Майор добавил, что участок необходим для срочного возведения жилого дома для НКВД. Создавалось положение, при котором меня с бóльшим основанием, чем моих предшественников, можно было включить в число «врагов народа». Объяснив майору ситуацию, я заявил, что передам материалы при наличии письменного указания одного из заместителей наркома, или после встречи с заместителем наркома Филаретовым, с которым меня не соединяют даже по телефону. Майор удалился.

Через некоторое время последовал звонок и.о. начальника Гушосдора Н.Ф.Малинина с категорическим требованием передать требуемые НКВД материалы. Разговор продолжался в очень возбужденном состоянии. Свидетелем этого разговора был профессор П.И.Шилов, который пытался успокоить меня. В конечном итоге я заявил Малинину тоже, что и майору НКВД. Последовал ответ Малинина, что никто со мной больше разговаривать не будет и что я получу приказ о моем освобождении от занимаемой должности. Появившемуся второй раз майору я повторил свои условия. Он снова ушел.

Вскоре последовал звонок помощника заместителя наркома Филаретова, который заявил, что комиссар госбезопасности хочет встретиться со мной и просил назвать удобное для меня время. Я согласился на любое время, но просил разрешить приехать вместе с секретарем парткома МАДИ П.Д.Бородиным. Встреча состоялась в тот же день. Она началась в тяжелых условиях. Приехавший на беседу Малинин начал свое выступление резкими выпадами в мой адрес и закончил заявлением, что он подготовил приказ о моем освобождении от должности директора и просит заместителя наркома подписать его. В таком же духе продолжил разговор и Филаретов и в заключение поддержал предложение о снятии меня с поста директора. Выступление П.Д.Бородина с сообщением, что партком института будет возражать против намечаемого решения и сообщит свое мнение в ЦК ВКП(б), вызвало прилив ярости у Филаретова, за которым последовали грубые выпады в адрес Бородина. Последний потребовал прекратить эти выпады, добавив, что он не является работником, подчиненным заместителю наркома, который, очевидно, привык так с ними разговаривать. Во время этой перепалки появился помощник Филаретова и передал ему бумагу. Впоследствии выяснилось, что это было решение Коминтерновского РК ВКП(б). Ознакомившись с этим документом, Филаретов изменил свой тон и перешел к рассмотрению существа дела, т.е. к вопросу изъятия земельного участка МАДИ. Было оформлено письменное указание на мое имя по этому вопросу. Затем вызван помощник Филаретова, которому было указано не препятствовать моим телефонным разговорам и встречам с Филаретовым, а наоборот, оказывать всяческое содействие. Принято было также решение оказать институту помощь в подборе нового земельного участка.

Наступило «золотое» время в моей деятельности на посту директора, я мог в любое время (не только днем, но и ночью) встретиться или

позвонить по телефону Филаретову. Однако это продолжалось недолго, так как Филаретов был снят с поста заместителя наркома и назначен директором Московского станкоинструментального института. На этом и разошлись наши пути. Освобожден был и Калинин.

Эффективной помощи в отводе нового участка мы получить не успели, пришлось решать этот вопрос вместе с неутомимым И.Я.Белянкиным. Четвертым участком оказался тот, на котором сейчас находится здание института. На нем проживало около 1300 жителей. Нам было разрешено примерно 1000 человек выдать денежную компенсацию в размере 2500 рублей на каждого члена семьи. Всего было израсходовано около 2,5 млн рублей. Остальных 300 человек мы были обязаны обеспечить жильем в Москве.

В 1940 г. 1-й Госстройтрест НКВД приступил к работам на новом участке: возвел жилые помещения для рабочих (заключенных), пищеблок и приступил к выполнению основных строительных работ. Однако до начала войны успел возвести лишь часть фундаментов под основное здание (ближе к станции метро «Аэропорт»). С наступлением войны все работы были прекращены и возобновлены после ее окончания, когда директором МАДИ был Г.И.Зеленков.

Личный архив С.П.Артемова.

(Окончание следует)

Примечания

¹ *Воробьев А.Г.* (р. 1894) — в предвоенные годы заведующий кафедрой, в 1913 г. окончил педагогический институт, профессор.

² *Князев В.П.* (р. 1905) — директор МАДИ с января 1934 г. до июля 1937 г.

³ *Серебряков Л.П.* (1890—1937) — советский партийный и государственный деятель; в 1926—1927 гг. один из руководителей «объединенной оппозиции»; с августа 1929 г. начальник Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта. Репрессирован. В 1986 г. реабилитирован.

⁴ *Хомяков А.М.* (р. 1902) — заведующий кафедрой марксизма-ленинизма с апреля 1936 г. по сентябрь 1938 г., доцент, окончил в 1930 г. педагогический институт им. К.Либкнехта.

⁵ *Бородин П.Д.* (р. 1911) — лаборант, помощник механика физической лаборатории МАДИ; секретарь парткома МАДИ; впоследствии на руководящей работе в машиностроении; с 1966 г. директор ЗИЛ.

⁶ *Дорофеев Н.С.* (р. 1884) — заведующий кафедрой графики и строительного производства МАДИ (до 1938), окончил МИИТ в 1909 г., кандидат технических наук, профессор.

⁷ *Безухов Н.И.* (1903—1968) — первый заведующий кафедрой строительной механики МАДИ, доктор технических наук, профессор, специалист в области строительной механики; окончил МИИТ в 1923 г.

⁸ *Шестаков П.Н.* (1880—1942) — первый заведующий кафедрой изыскания и проектирования автомобильных дорог МАДИ, профессор.

⁹ *Владзиевский А.П.* (р. 1905) — первый заведующий кафедрой деталей машин и теории механизмов, заместитель декана механического факультета МАДИ; освобожден от работы в 1942 г.; окончил Киевский политехнический институт в 1929 г., кандидат технических наук, доцент.

¹⁰ *Кафтанов С.Ф.* (1905—1978) — с декабря 1937 г. председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР; в апреле 1946 — феврале 1951 гг. министр высшего образования СССР.

¹¹ *Банников С.П.* (1899—1985) — заведующий кафедрой электротехники и электрооборудования МАДИ, кандидат технических наук, профессор; окончил Московский технологический институт в 1929 г.

¹² *Хрущев Н.С.* (1894—1971) — советский партийный и государственный деятель; в 1935—1938 гг. первый секретарь МК и МГК ВКП(б); с 1949 г. секретарь ЦК и первый секретарь МК ВКП(б); с 1953 г. первый секретарь ЦК КПСС.

¹³ *Зеленков Г.И.* (1903—1970) — заведующий кафедрой эксплуатации и ремонта дорожных машин МАДИ, профессор, кандидат технических наук; окончил ЛАДИ в 1931 г. Директор МАДИ с 1943 г. по 1961 г.

¹⁴ *Филаретов Г.В.* (1901—1979) — заместитель наркома внутренних дел СССР в октябре 1938 — феврале 1939 г.; в июле 1939—1942 гг. директор Московского станкоинструментального института.

¹⁵ *Вершинин С.Я.* (1896—1970) — начальник Главного управления пожарной охраны НКВД СССР в сентябре 1938 — сентябре 1939 г.

¹⁶ *Каганович М.М.* (1888—1941) — советский партийный и государственный деятель; нарком авиационной промышленности СССР в январе 1939 — январе 1940 г.

¹⁷ *Молотов (Скрябин) В.М.* (1890—1986) — советский партийный и государственный деятель, председатель СНК СССР в декабре 1930 — мае 1941 г.

¹⁸ *Берия Л.П.* (1899—1953) — нарком внутренних дел СССР в 1938—1945 гг.; член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1946—1953 гг.

«ПОД ЛАЗУРНЫМ НЕБОМ ИТАЛИИ...»

Документы о судьбе бывших российских военнопленных
в лагерях на острове Азинара. 1919—1920 гг.

Первая мировая война принесла России огромные людские потери. За 40 месяцев войны (напомним, что после заключения 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора Россия перестала участвовать в боевых действиях) страна потеряла убитыми и умершими от ран более 3 млн чел., без вести пропавшими и пленными — свыше 3,6 млн чел.¹ После заключения 11 ноября 1918 г. Версальского мира, положившего конец Первой мировой войне, приобрел актуальность вопрос о повсеместном возвращении военнопленных на родину.

Для России этот вопрос имел значимость особую, поскольку предстояло решать как проблемы дипломатического взаимодействия со странами, на тот момент еще не признавшими вновь созданную Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (РСФСР), так и проблемы взаимодействия с контингентом военнопленных, которым приходилось определять свое отношение к новым странам, возникшим после распада Российской империи: ведь солдаты уходили на войну из одной страны, а возвращаться приходилось в страны другие, с совершенно иным социальным укладом.

Российские военнопленные находились на территориях всех стран, сражавшихся против Антанты², и возвращение бывших солдат российской армии напрямую зависело от успехов дипломатического сотрудничества Советской России и других вновь образовавшихся государств со всеми этими странами. Публикуемые документы раскрывают некоторые подробности из жизни бывших российских военнопленных, попавших по воле переменчивой военной судьбы из Австрии в Италию и уже оттуда возвратившихся на Родину.

К началу Первой мировой войны Италия сохраняла нейтралитет и не хотела принимать участия в боевых действиях на чьей-либо стороне. Об этом свидетельствуют, в частности, итоги всенационального референдума, когда итальянский народ выступил за нейтралитет и стабильность. Однако страны Антанты повели активную борьбу за вовлечение Италии в войну на своей стороне. В этом же были заинтересованы и некоторые круги итальянского общества, желавшие получить от такого поворота событий политические и экономические дивиденды.

Италия вступила в войну на стороне Антанты согласно Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г. Основные боевые действия она вела против Австро-Венгрии, которая была вынуждена 3 ноября 1918 г. подписать в Вилла-Джусты полную капитуляцию. Одним из ее пунктов было немедленное возвращение на родину всех военнопленных, содержащихся в австрийском плену³.

---

¹ См.: Население России в XX веке. В 3-х т. М., 2000. Т. 1. С. 78—79.

² Антанта — тройственный союз Англии, Франции и России, заключенный в 1907 г. и объединивший в Первой мировой войне против германской коалиции более 20 государств.

³ См.: Авербух П.А. Италия в Первой и Второй мировых войнах. М., 1946. С. 40.

После этого из лагерей, находившихся на территории Австрии и Албании, в Италию было перевезено около 10 тысяч бывших российских военнопленных. Их разместили в уже имевшихся зданиях лагерей на одном из Сардинских островов — острове Азинара. По настоянию российского военного агента⁴ Военное министерство Италии сформировало командование азинарских лагерей из офицеров царской армии. С первых дней существования лагерей их командование развернуло кампанию за возвращение солдат в Россию для участия в боях на стороне белых. Для этого была создана «Комиссия по решению вопроса о судьбе лагерей на острове Азинара». В ходе совместной работы Комиссии и командования лагерей, действовавших отнюдь не демократическими методами, был сформирован отряд численностью в 1524 чел., который в октябре 1919 г. отправили для пополнения денкинских Вооруженных сил Юга России.

Однако эта отправка стала первым и последним успехом белогвардейского командования лагерей. Уже в ходе формирования добровольческого отряда подавляющее большинство бывших военнопленных под руководством созданного ими объединенного комитета лагерей Азинары выступили против участия в гражданской войне в России. Лагеря стали ареной ожесточенной политической борьбы за российских солдат, которую вели агитаторы и пропагандисты, как большевистски настроенные, так и ратовавшие за сепаратистские идеи и «антибольшевизм». Активно участвовали в этой борьбе и революционно настроенные итальянские социалисты, представители которых, побывав на острове, развернули деятельную кампанию по расформированию белогвардейского командования лагерей и по возвращению солдат в Советскую Россию.

В это же время советское правительство вело целенаправленную работу по установлению отношений с Италией. Заместитель наркома иностранных дел РСФСР М.М.Литвинов⁵ в одном из своих выступлений отмечал: «Мы ожидаем от Италии дружелюбия и политической помощи. Она должна использовать свое влияние, где только может, для признания нас другими странами»⁶. В апреле 1920 г. советская делегация, которую возглавлял Л.Б.Красин⁷, заключила с Италией соглашение по возвращению военнопленных и экономическому обмену между итальянскими и советскими кооперативами⁸. По этому соглашению находившиеся на острове Азинара российские военнопленные в соответствии со своими пожеланиями, за небольшим исключением, возвратились в Советскую Россию и другие советские республики. Те же, кто от этого отказался, смогли выехать в Польшу, Румынию и иные страны⁹.

В публикацию включены материалы двух фондов, находящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Они содержат оценки происшедших событий с различных, прямо противоположных точек зрения. В документах фонда № 4644 «Российское генеральное консульство в Риме», насчитывающего 90 ед. хр., имеются сведения о дипломатической и экономической деятельности консульства, представлявшего интересы Российской империи, а затем Временного пра-

⁴ Российский военный агент в Италии — член российской дипломатической миссии, представлявший интересы военного ведомства.

⁵ Литвинов М.М. (1876—1951) — советский государственный деятель, с 1918 по 1943 г. на дипломатической работе, заместитель наркома, нарком иностранных дел.

⁶ Цит. по: Хармач И.А. СССР—Италия. 1924—1939. М., 1995. С. 20.

⁷ Красин Л.Б. (1870—1926) — советский государственный деятель, с 1920 г. нарком внешней торговли.

⁸ ГА РФ. Ф. Р.-1937. Оп. 1. Д. 5. Л. 17—19.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 105.

вительства и сменивших его эмигрантских образований. В составе фонда и комплекс материалов российского военного агента, среди которых отчеты, донесения и переписка по кредитам на нужды российской, а затем белых армий, заказы для них военного имущества и т.п. Среди этих материалов — документы о деятельности лагерей для русских военнопленных на острове Азинара. События в них освещаются с точки зрения белогвардейцев. Исключением является перевод статьи из газеты «Аванти» (док. № 12), где дается иная оценка происходившего в лагерях.

Документы фонда № Р-1937 «Центральный комитет объединенных русских лагерей военнопленных на острове Азинара (Италия)», насчитывающего 6 ед. хр., содержат сведения о жизни лагерей за 1919—1920 гг. Здесь хранится переписка Комитета с торгово-промышленной делегацией РСФСР, общественными организациями и отдельными лицами по различным вопросам, связанным с жизнью лагерей, в первую очередь, с отправкой военнопленных на родину в соответствии с их пожеланиями. Все события из жизни лагерей трактуются с советской точки зрения. Сопоставление информации из столь различных по политической направленности источников позволяет получить сравнительно полное представление о событиях, происходивших на острове Азинара 80 лет назад.

Документы публикуются по правилам современной орфографии.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.Л.РАЙХЦАУМ.

№ 1

Рапорт российского военного агента в Италии штабу Добровольческой армии¹ о возможности ее пополнения за счет бывших российских военнопленных, находящихся в лагерях на острове Азинара

12 февраля 1919 г.

Общее впечатление, вынесенное по опросу русских солдат, улучшилось. Некоторое улучшение в содержании и приезд наших офицеров и православного священника благотворно повлияли на настроение людей.

Солдаты по собственному почину направили депутацию к председателю Комиссии² о своей готовности вступить в армию для борьбы против большевиков. Таких оказалось огромное большинство (численность еще не установлена). На это решение оказывает влияние желание освободиться из лагеря и стремления попасть на Родину.

Полагаю, однако, что за отделением элементов, нравственно и физически мало подходящих, около половины людей пригодны для воинских формирований.

Доношу, что мной предполагается убедить итальянское военное министерство считать этих людей не как подлежащих интернированию, а как союзников. Они входили в состав частей, действовавших в 1914—1917 гг. в Галиции, Польше и на Карпатах против тех же австрийцев. Признание их солдатами Союзной армии имело бы следствием сравнение их содержания с содержанием солдат итальянской армии.

Предполагается испросить у итальянского правительства согласия на формирование из этих людей воинской части, ее вооружения и отправку в Новороссийск. В случае, если согласие будет получено, обра-

титься в Париж к генералу Щербачеву³ о присылке находящихся в резерве русских строевых офицеров.

Князь, полковник Генштаба
*А.М.Волконский*⁴

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 8. Л. 11—12. Рукопись. Копия.

№ 2

**Рапорт заместителя начальника лагерей на острове Азинара
российскому военному агенту в Италии об итогах осмотра лагерей
инспектором военно-санитарной части в Сардинии и прилегающих
к ней островах подполковником Сандринетти**

24 марта 1919 г.

Доношу, что во время осмотра подполковник Сандринетти:

1) Нашел, что в лагерях в общем (особенно во 2-м лагере) вид людей здоровый и бодрый, истощенных встретилось не более 60-ти, а также 250 больных малярией, полученной в Албании.

2) Обратил внимание на наличие маляриков и на мой доклад о недостатке хины обещал позаботиться о присылке ее.

3) Воспретил употребление в пищу дикого лука, который собирают солдаты.

4) Нашел недостаточным количество соломы в палатках и озаботился о присылке ее.

5) Отметил, что вода на остров привозится из Сардинии, воду выдают по литру для варки пищи и пол-литра в день для питья, вода низкого качества.

6) Нашел, что процент больных в госпиталях весьма невысок (40 чел. на 6200 обитателей). Отметил боязнь солдат идти в госпиталь по недостаточности пищи в них.

Штабс-капитан
*Янсон*⁵

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 6. Л. 22—22об. Копия.

№ 3

**Рапорт начальника лагерей русских военнопленных на острове
Азинара русскому военному агенту в Италии о затруднениях в ходе
формирования пополнений для войск генерала А.И.Деникина⁶**

28 мая 1919 г.

Материальные условия стоят очень низко: пища средняя — обед достаточен, чтоб насытиться, на ужин выдают очень мало.

Все русские солдаты разбиты на 4 лагеря, из которых III-й (1794 чел.) и IV-й (евреи, 194 чел.) не желают признавать русское ко-

мандование, в связи с чем итальянские власти разрешили формировать части из I и II лагерей, где находятся 4429 чел.

В физическом и моральном отношении состояние этих людей хорошее, видна выправка старого русского солдата. Вредными политическими вопросами совершенно не интересуются и согласны с мыслью о том, чтобы попасть в Россию им надо быть действительно солдатами и представлять из себя сплоченную воинскую часть. Приступив к организации, я всех имеющихся у меня солдат разбил на 6 батальонов 4-ротного состава. Возможных добровольцев из III-го лагеря намечено разделять по уже сплоченным надежным ротам.

Для успешного достижения дела, т.е. сформирования настоящих воинских частей из солдат первых двух лагерей, полагаю безусловно необходимым:

1. Возможно скорейшее прибытие назначенных к поездке в Италию офицеров.

2. Перевод организованных 6-ти батальонов в самом ближайшем времени с острова Азинара в лучшее место на итальянском побережье, из которого по окончании подготовки солдат сразу можно было бы посадить на пароход для отправки в Россию на какой-либо фронт.

Это необходимо по следующим причинам:

1. Ввиду невозможных физических условий на острове Азинара.

2. Ввиду того, что местное итальянское командование мешает вести в формируемых батальонах какие-либо занятия и даже затрудняет самое формирование путем равного распределения работ как для личных нужд каждого лагеря, так и общих для острова между всеми русскими лагерями, не считаясь с тем, что добровольческие лагеря должны, кроме того, вести занятия.

3. Ввиду вредного влияния агитаторов из III и IV лагерей, которое мешает на первых же шагах, а в дальнейшем помешает еще больше, тем более, что нельзя добиться воздействия на них со стороны итальянских властей, которые не нашли даже возможным лишить эти лагеря положения солдат и вернуть их в положение военнопленных. Из-за этого у добровольцев возникают сомнения, хорошо ли они сделали, записавшись добровольцами.

4. Те хорошие солдаты, которые попали в III-й лагерь только по глупости, а теперь находятся в руках Комитета⁷, боятся вернуться в добровольческие лагеря. А в случае переезда они перешли бы и были хорошими солдатами.

5. В случае переезда дисциплина поднялась бы вообще и, кроме того, не имелось бы воздействия, подрывающего солдат.

Прошу Вашего ходатайства перед соответствующими властями о возможно скорейшем исполнении этих двух подпунктов, чтобы солдаты, представляющие в настоящее время хороший материал для воинской части, не испортились и окончательно не распропагандировались, а наоборот, поднялись бы в моральном отношении

Гвардии полковник
Кусовац^{*}

№ 4

Рапорт российского военного агента в Италии штабу Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России о ходе формирования для них пополнений из военнопленных, находящихся на о. Азинара*20 июня 1919 г.*

Люди одеты, получают полное денежное и пищевое довольствие солдат итальянской армии. Однако настроение оставляет желать многого. По-видимому, в апреле на остров были подосланы под видом бывших военнопленных агитаторы большевистские.

9 апреля я предложил всем, не желающим драться против большевиков, выйти из рядов рот, вышло 750 чел. Они были выделены в особый лагерь. Поскольку волнения после этого не улеглись, то население особого лагеря удвоилось. Если бы прибыли из Франции обещанные 48 офицеров, то мы могли получить до 16-ти вполне приличных рот, но офицеров прибыло только 5. Требование отвести особый лагерь в другое место не выполнили, т.к. это место потребовалось для карантина тифозных.

Таким образом, в настоящее время имеются:

1. Особый лагерь (№ 3) на 18 мая 1919 г. имеет 1673 чел. Соблюдает холодную вежливость по отношению к русским офицерам, но подчиняться им не желает. К итальянцам относятся почтительно. Под прикрытием этой корректной вежливости, которую итальянцы принимают за чистую монету, идет подпольная работа Комитета, избранного под невинным предлогом заботы о мелких хозяйственных интересах (табак и т.п.). Комитет издает тайные приказы и проявляет гнет по отношению к большинству, возвращение из особого лагеря в добровольческие лагеря не допускается. Религия у них вообще подвергается насмешке.

Этих людей надо считать для дела потерянными, хотя некоторая часть в случае отбытия добровольческих формирований в Россию, быть может, и пожелает последовать их примеру.

2. Лагерь № 4 состоит из 194 евреев. Сионистский комитет в Риме желает отправить их в Палестину. Ведут себя безукоризненно, но, несомненно, участвуют в пропаганде. Просят передать заведывание лагерем итальянскому начальству.

3. Добровольческие лагеря № 1 и № 2 включают 4321 чел. Настроение их, естественно, не может быть удовлетворительным: вот уже 6 месяцев им обещают прибытие русских офицеров и отправку в армию, но ни офицеров, ни пароходов нет. Единственное их занятие — добывать хворост для топки, команда из 250 чел. находится на другом конце острова на платных работах.

Приняты были все меры, доступные нашим слабым силам и средствам, чтобы развлекать людей: введена игра в футбол, устроена труппа актеров, куплен кинематограф, куплен материал для кустарных изделий, раздаются газеты и брошюры, из пожертвованных книг устроена биб-

лиотека, ведутся занятия [по] гимнастике и сигнализации, организована образцовая рота, но все пребывают в безделии.

За время пребывания на острове русских офицеров произведена большая работа: организационная (разбивка по ротам и проч.) и канцелярская (подготовлены списки по губерниям в предвидении, что может потребоваться отправка людей на разные фронты). В последнее время благоприятное впечатление на солдат произвел опрос, кто на какие фронты желал бы отправиться:

к Деникину	— 2350
к Колчаку ⁹	— 1340
к Миллеру ¹⁰	— 300
к Юденичу ¹¹	— 320
Итого	— 4310

Стараюсь добиться от итальянского правительства трех мер:

1. Разрешение на въезд в Италию из Франции остальных 36 офицеров.
2. Признать сформированные части независимо от итальянских властей.
3. Перевод их с Азинара в другую местность.

Однако итальянское правительство с этим тянет из-за слепой боязни своих большевиков.

Генерального штаба полковник, князь
А. М. Волконский

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 8. Л. 48—54. Машинописная копия.

№ 5

Приказ по русским лагерям острова Азинара

Стретти

6 июля 1919 г.

№ 93

Приказом № 1205 от 27 мая 1919 г. начальника Управления по делам о военных и бывших военнопленных контр-адмирала Погуляева¹² я назначен начальником русских лагерей на острове Азинара.

Прибыв сего числа на остров, я вступил в командование всеми русскими лагерями на этом острове. На основании соглашения русских властей с Итальянским военным министерством, мне передана полная дисциплинарная власть над всеми русскими лагерями острова.

Имея в своем распоряжении только 5 офицеров, я приступаю к формированию частей из солдат первых двух лагерей.

Ввиду того, что от успеха формирования и обучения частей зависит скорость отправления нас на Родину, я убежден, что офицерами и солдатами будут приложены все усилия и старания для быстрого достижения этой цели. Все должны забыть свои мелкие интересы и в общей дружной работе иметь в виду только общую великую идею — дорогую всем нам Родину.

Находясь на гостеприимной итальянской территории, я, конечно, во всем буду считаться с итальянскими властями, поэтому все местные

вопросы будут урегулироваться согласно указаниям начальника гарнизона генерала Баронис. Солдаты обязаны оказывать чинопочитание и уважение итальянским офицерам и питать уважение, братские чувства к итальянским солдатам.

Начальник лагерей, гвардии полковник

Кусовац

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 10. Л. 116, 117. Рукописная копия.

№ 6

Рапорт российского военного агента в Италии в штаб Главного командующего Вооруженными силами Юга России о борьбе против украинской пропаганды

17 июля 1919 г.

По словам всех приезжающих из России, украинский сепаратизм рассматривается там как обреченный на вымирание. Иначе дело представляется здесь, за границей. Европейское общественное мнение вполне мирится с разделом России, а многие круги сочувствуют ему. Украинская пропаганда ведется интенсивно. Желая сделать что-либо сильное для этой борьбы, я написал несколько статей и издал брошюру. Все на итальянском языке.

Планомерность украинской пропаганды и широкие средства, на нее отпускаемые, заставляют опасаться, что в случае плебисцита агитация сумеет сбить с толку темные массы, и что поэтому требуется самое широкое распространение правдивых сведений по украинскому вопросу.

Предлагаю свои материалы к использованию для контрпропаганды.

Гвардии полковник, князь

А. М. Волконский

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 8. Л. 65. Машинописная копия.

№ 7

Приказ начальника лагерей на острове Азинара

№ 134

16 августа 1919 г.

Генерал Канцеров¹³ приезжал для того, чтобы установить число действительных верных сынов России, желающих своим трудом помочь Родине. Это было необходимо, чтобы исхлопотать места на пароходах и число самих пароходов. Теперь являются новые отказавшиеся. Впредь, чтобы не расстраивать общее дело перевозки и не нарушать права большинства, отказы приниматься не будут. Время отказаться было. Напрасно отказавшиеся думают, что приедут тогда, когда все успокоится, и тогда они заявят свои права. Каждого спросит Родина — где ты был и что ты делал, когда я, больная и слабая, нуждалась в помощи, и права у всех будут не очень одинаковые. Тратить средства на таких Родина не будет.

Представить мне список отказавшихся. Понятно, что большевистская пропаганда старается навредить общему делу. Это уже измена своему слову. Они не поедут, но на их места найдутся русские люди.

Гвардии полковник
Кусовац

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Л. 8. Л. 160. Гектограф. Копия.

№ 8

Мемориал Комитета русских военнопленных на острове Азинара в Военное министерство Италии

Не ранее 15 октября 1919 г.

Социалистические депутаты Баччи¹⁴ и Маффи¹⁵ привели в исполнение данное им на острове Азинара поручение. Однако они констатировали, что обещание, данное Президентом Министров Нитти¹⁶, есть очевидное противоречие. По его инструкциям 1524 русских были отправлены экс-русской военной миссией с согласия Итальянского военного министра 13 октября к Деникину в Новороссийск.

Уведомляя об условиях, в которых подобный факт имел место, необходимо, чтобы предусматривалось немедленно всеми способами поправить последствия этого факта, т.е. спасти жизнь этих людей и обеспечить им возможность в действительности вернуться по своим домам.

Военному министру, а также местным властям острова необходимо зарегистрировать имена этих 1524 чел. Итальянское правительство обязано дать необходимые инструкции своей военной миссии у Деникина, которая должна достичь неуклонного освобождения этих людей, за которых итальянское правительство имеет моральную ответственность. Они должны быть немедленно отпущены по домам и обеспечены, что они не будут больше взяты в ряды Деникина.

ГА РФ. Ф. Р.-1937. Оп. 1. Д. 4. Л. 23. Машинописная копия.

№ 9

Рапорт начальника лагеря русских военнопленных на острове Азинара русскому военному агенту в Италии об отправке в распоряжение генерала А.И.Деникина отряда, сформированного из бывших военнопленных

24 октября 1919 г.

Для устранения угроз целостности сформированных добровольческих отрядов лишены унтер-офицерских и фельдфебельских званий и отправлены под арест воинские чины, занимавшиеся подстрекательством к неповиновению, распространением ложных слухов и проведением тайных незаконных собраний. Такой же деятельностью пытались заниматься отдельные лица из пробравшихся на остров польских, украинских, галицийских и иных партий и организаций, тем более, что итальян-

яньские власти под влиянием польской и украинской пропаганды плохо отдают себе отчет в национальных вопросах.

Принятыми мерами удалось обеспечить отправку 15 октября 1919 г. для пополнения армии генерала Деникина свыше 3-х тысяч человек¹⁷.

Штабс-ротмистр
Лопухин¹⁸

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 6. Л. 43—44. Рукописная копия.

№ 10

Рапорт начальника отряда из бывших военнопленных острова Азинара русскому военному агенту в Италии о прибытии отряда в подчинение Вооруженных сил Юга России

2 ноября 1919 г.

Доношу, что я с вверенным мне отрядом прибыл в г. Новороссийск 23 октября 1919 г. Солдаты уже распределены и отправлены на пополнение частей.

Считаю своим неперенным долгом просить Вас выразить мою глубокую благодарность Итальянскому Королевскому Правительству за то сочувствие и дружественное отношение к отряду, которое в течение всего путешествия и стоянки в Новороссийске оказывала нам команда парохода «Фердинанд Палаечано» (капитан Джованни Бертолини).

Гвардии полковник
Кусовац

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 6. Л. 136. Рукопись. Подлинник.

№ 11

Доклад подпоручика Зозули¹⁹ российскому военному агенту в Италии о поездке на остров Азинара

Положение русских солдат и их настроения

27 ноября 1919 г.

При первой встрече с русскими солдатами я узнал, что пришла телеграмма, чтобы украинцы держались готовыми к отъезду. Но потому, что таких телеграмм уже было много, никто в нее не поверил.

Все в лагере живут в каком-то нервном ожидании.

Все солдаты распределены на 3 лагеря.

I. Так называемые украинцы. Среди них надо различать агитаторов самостийной Украины, из которых много сидит в канцеляриях, читают украинские газеты и переписываются с разными украинскими комитетами и частными лицами. Пропаганду ведут с помощью прокламаций и газет. Другая категория людей между ними это те, кто идут слепо за их пропагандой, думая, что, уезжая к Петлюре²⁰, они едут домой. Третья

здесь категория людей это люди, которые считают себя отдельными как от России, так и от Украины. Например, латыши, которые изъявляют желание ехать в свою самостоятельную Латвию, но ввиду того, что их желание не осуществилось, тоже записались к Петлюре. Кубанцы ведут свою пропаганду, что они имеют свою отдельную Раду, которая не признает Россию.

II. Лагерь великороссов, которых тоже надо разделить на, во-первых, большевиков, которые открыто высказывают свою симпатию большевистскому движению в России, но никак не желают бороться с оружием в руках где бы то ни было; во-вторых, которые из страха перед войной не желают вернуться в Россию, только желают спасти свою кожу и только тогда вернуться в Россию, когда там водворится порядок. В этом лагере никакой пропаганды не замечается. Большинство занимается работой и казалось бы, что это не лагерь, а какой-то завод. Здесь почти каждый имеет в своей палатке печку, которую сам сделал. Под палаткой кузнец имеет свою кузницу и раздувательный мех, который тоже собственного производства, и собственный уголь. Вырабатывают, например, такие ножи, что нельзя сказать, что] эти изделия с Азины. Другие делают коробки, ящики, трубки и другую утварь, которую продают итальянцам.

III. Лагерь евреев. Они, как и везде, занимаются спекуляцией, за черной работой их не увидишь, они в канцелярии, пекарне, магазине или держат лавки, на чем много зарабатывают. Сделали свой театр, на спектакли которого собираются все три лагеря, открыли собственную синагогу. Солдаты-евреи источник «правды живой» для всей Азины. Никто из солдат ни шагу не сделает без еврейского совета. Они не советуют ехать в Россию, хотя хвалят Ленина, сами подали прошение уехать в Палестину.

Среди этой грязи людей и хорошие элементы падают невинной жертвой и предпочитают сидеть на пустой Азине, чем возвращаться в Россию и сражаться за честь и славу русского народа.

Подпоручик
Зозуля

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 6. Л. 122—124. Рукописный подлинник.

№ 12

Из статьи в газете «Аванти»²¹

21 декабря 1919 г.

На острове Азинара, части Италии, как известно, никому не уступленной, перенесена во всей своей цельности частица царской России. Итальянскому правительству придется выяснить, кто в этом повинен, и в сообществе с кем шайка бывших царских офицеров, предводительствуемая князем Волконским, бывшим начальником Русской военной миссии, завладела островом Азинара и властвовала там с января до конца октября этого года.

Названный господин Волконский с помощью некоего итальянского офицера, ныне подозреваемого как шпиона и агента союзных держав, по па и шайки бывших царских офицеров обрушился как чума на остров, установив там настоящую вакханалию милитаризма и реакции.

Несчастные солдаты, заключенные на этом острове, были своевольно сведены в полки и на итальянской территории было сформировано настоящее войско. Самая бесстыдная реакционная антисемитская пропаганда, вплоть до создания погромной атмосферы, деятельно распространялась усилиями всей этой шайки.

Для полной картины все чарующие обычаи царизма были перенесены на остров. Всякий намек на сопротивление, свободомыслие или на попытку рассуждения, вызывал самое дикое подавление. Господин Волконский со своими разбойниками арестовывал, связывал, мучил, разжаловал, сокращал или вовсе лишал содержания, подаваемого итальянскими властями.

Что же делали итальянские власти? Отошли на задний план. На острове (мыс Маркуццо) был устроен лагерь так называемых большевиков, которые на самом деле не что иное как люди, имевшие храбрость произнести слова, не удовлетворявшие этих разбойников. По указанию Волконского людей хватали в Риме и силой отправляли на Азинару, где их сажали под арест или заключали в тюрьму для большевиков под открытым небом.

Князь Волконский и другие работали для русской контрреволюции, для Колчаков и Деникиных. Их цель была привести всех этих уставших, голодных, отчаявшихся людей в такое настроение, чтобы они были готовы добровольно броситься в пасть хищнику, лишь бы только не оставаться в аду, находящемся под лазурным небом Италии и называемым Азинарой.

И это удалось. 15 октября 1919 г. удалось отправить людей к Деникину в качестве пушечного мяса.

Мы еще потребуем, и с нами будет вся парламентская социалистическая группа, чтобы все виновные и их сообщники из Военного министерства были призваны дать отчет о своих действиях. Потребуем отменить все меры и приказы русских злодеев и их итальянских сообщников. Нужно дать полное удовлетворение русским, всем должна быть предоставлена полная свобода уехать с Азинара или оставаться со своими людьми. Всем без различия должно быть предоставлено право писать письма без цензуры, возможность читать газеты и книги по своему усмотрению, сообщаться между собой, собираться и обсуждать интересные их вопросы.

Товарищи Баччи и Маффи представили запросы: Министрам внутренних дел и военному — о юридическом и настоящем положении русских пленных на Азинаре и их освобождении.

Министру внутренних дел — о мерах, которые он намерен предпринять для возвращения на родину русских пленных.

№ 13

**Обращение торговой делегации РСФСР
к начальнику отделения военнопленных Главного штаба
Министерства военных дел Италии об изменении порядка
отправки бывших русских военнопленных с острова Азинара**

Рим, виа Ломбардо, 40

17 июня 1920 г.

Позволяем себе обратить Ваше внимание на неприятности и трудности, могущие произойти от одновременного отъезда русских и украинцев, выразивших желание ехать в советские республики вместе с другими, также и от отправки украинцев перед громадным большинством остальных интернированных.

Ввиду простительности состояния бедности, овладевшей теперь массой бывших военнопленных, можно опасаться, что она будет истолковывать этот факт как предпочтительное благоприятствование украинцам со стороны итальянского правительства.

Желательно, чтобы отправка украинцев прошла после отправки граждан советских республик.

Никакое иностранное лицо, не снабженное полномочиями советских республик, не может приехать на Азинару и войти в соприкосновение с интернированными русскими до отъезда их в Советскую Россию.

С другой стороны, будет необходимым наше общее желание выполнить заключенное между Советской Россией и Италией соглашение.

Считаем неуместным отвлечение одного парохода для отправки горстки петлюровцев раньше, чем будет вполне окончено отправление громадного большинства бывших военнопленных.

Российская делегация

ГА РФ. Ф. Р.-1937. Оп. 1. Д. 6. Л. 66. Машинописная копия.

№ 14

**Рапорт русского военного агента в Италии
в Военное представительство русских армий при союзных
правительствах и союзном Верховном командовании²² об отправке
с острова Азинара бывших русских военнопленных**

19 июля 1920 г.

Я уже сообщал Вам о вмешательстве итальянских социалистов и русских большевиков в судьбу наших солдат на острове Азинара. Попытки мои повлиять в Итальянском военном министерстве в смысле ослабления этого влияния оказались бесплодны. Социалисты повели такую сильную агитацию против Правительства, что оно принуждено было уступить и Военное министерство пошло на негласные переговоры с негласным представителем Советского правительства инженером Водо-

возовым²³. На последнее время Водовозов действовал уже в качестве уполномоченного по возвращению русских в Советскую Россию и достиг соглашения: на днях все русские отправлены с острова Азинара на трех пароходах («Пьетро Кальви», «Мельпомена» и «Талия») в Черное море, вероятно, в Одессу.

12 июля при проходе через Мессину эти пароходы были предметом оваций со стороны представителей социалистической партии и сами устроили демонстрацию в честь Советской России. Водовозов обнаружил в газетах свои благодарственные телеграммы Военному министру и Председателю Совета Министров, написанные тоном чуть ли не посла (тон этот напускной и акции г-на Водовозова у Итальянского правительства невысоки; вероятно, сношения с ним, ограничившись делом отправки азинарцев, будут прекращены).

Со времени отбытия (14 октября 1919 г.) в эшелон «деникинцев» всех русских офицеров люди на Азинаре стали жертвой беззастенчивой украинской и большевистской пропаганды, последняя пересилила: из 1800 первоначально заявивших себя украинцами в конце концов осталось лишь 160 человек, они отправлены в распоряжение украинского генерала Окопенко.

Отпустив в октябре часть азинарцев в армию «Белой России», Итальянское правительство не имело иного способа «оправдаться» перед социалистами, как проявить свое беспристрастие отправкой других желающих в распоряжение красных властей. Военное министерство вело это дело совершенно помимо меня.

Об отправке пароходов с обольщенными азинарцами Военный представитель в Константинополе мною своевременно предупрежден.

Генштаба полковник князь
Волконский

ГА РФ. Ф. Р.-4644. Оп. 1. Д. 14. Л. 60—60а. Машинописная копия.

Примечания

¹ Белогвардейская Добровольческая армия была сформирована 25 декабря 1917 г., действовала до начала 1919 г.

² Речь идет о Комиссии по решению вопроса о судьбе лагерей на острове Азинара, действовавшей в феврале—июне 1919 г. под руководством генерал-майора П.Г.Канцера.

³ *Щербачев Д.Г.* (1857—1934) — генерал-майор российской армии, помощник Главнокомандующего армиями Румынского фронта, в 1919—1920 гг. военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании (Париж).

⁴ *Волконский А.М.* — князь, полковник Генерального штаба, российский военный агент в Италии в 1915—1920 гг.

⁵ *Янсон К.А.* — штабс-капитан, заместитель начальника лагерей российских военнопленных на острове Азинара в 1919—1920 гг.

⁶ *Деникин А.И.* (1872—1947) — генерал-лейтенант Генерального штаба российской армии; с 26 марта 1918 г. по 23 марта 1920 г. Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, с 1920 г. в эмиграции во Франции, с 1945 г. — в США.

⁷ Имеется в виду Комитет, избранный бывшими российскими военнопленными, отказавшимися воевать против Советской России.

⁸ *Кусовац Р.Н.* — гвардии полковник Его Императорского Величества лейб-гвардии полка, в мае—октябре 1919 г. начальник лагерей бывших российских военнопленных на о. Азинара, в 1919—1920 гг. — в распоряжении генерала Деникина.

⁹ *Колчак А.В.* (1874—1920) — вице-адмирал российского флота, с 18 ноября 1918 г. по 15 января 1920 г. Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий всеми русскими армиями.

¹⁰ *Миллер Е.К.* (1867—1937) — генерал-лейтенант российской армии, Главнокомандующий войсками Северной области (1919—1920), с 1920 г. — в эмиграции.

¹¹ *Юденич Н.Н.* (1862—1933) — генерал-лейтенант российской армии. В 1919 г. Главнокомандующий Северо-Западной армией, с 1920 г. — в эмиграции.

¹² *Погуляев С.С.* — контр-адмирал российского флота, в 1919—1920 гг. начальник Управления по делам о военных и бывших военнопленных, затем начальник Управления торгового флота (эмигрантские организации).

¹³ *Канцеров П.Г.* — генерал-майор российской армии, в 1919—1920 гг. в Военном представительстве русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании.

¹⁴ *Баччи Н.* — в 1919—1920 гг. член Итальянской социалистической партии.

¹⁵ *Маффи А.* — в 1919—1920 гг. член Итальянской социалистической партии.

¹⁶ *Нитто* — в 1919 г. президент Совета министров Италии.

¹⁷ На самом деле численность отряда, отправленного на пополнение войск Деникина, составляла 1524 чел. (см. док. № 8).

¹⁸ *Лопухин В.И.* — гвардии штабс-ротмистр, начальник лагерей российских военнопленных на острове Азинара с октября 1919 по июль 1920 г.

¹⁹ *Зозуля А.* — подпоручик, сотрудник российской военной миссии в Италии в 1915—1920 гг.

²⁰ *Петлюра С.В.* (1879—1926) — член Украинской Директории и Головной атаман, с февраля 1919 г. Председатель Директории, в 1920 г. эмигрировал во Францию.

²¹ «Аванти» — газета Итальянской социалистической партии, издается с 1896 г.

²² Военное представительство русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании осуществляло координацию действий союзников по боевому и материальному обеспечению российских вооруженных сил. Находилось в Париже.

²³ *Водовозов М.Х.* — инженер, участник советско-итальянских переговоров в 1920—1921 гг., затем на хозяйственной работе, в 1924—1925 гг. член Элеваторного комитета при СТО СССР.

«ЗЛАЯ ФЕЯ НАС РАЗДЕЛЯЕТ»

Письма русских писателей Е.А.Ляцкому. 1924—1930 гг.

Русское литературное зарубежье стало в последнее время одним из магистральных направлений в исследовании отечественной культуры. Публикуются новые работы по этой тематике, выходят в свет многочисленные сочинения эмигрантов. Настоящая публикация представляет собой письма знаменитых русских писателей их коллеге — писателю, критику и издателю Е.А.Ляцкому.

Евгений Александрович Ляцкий (1868—1942) был выдающимся литературным критиком и литературоведом — исследователем творчества И.А.Гончарова, Н.Г.Чернышевского и других русских писателей. В конце XIX в. он явился одним из основоположников научного изучения белорусской народной культуры¹.

Происходил Ляцкий из семьи дворян Минской губернии. Уже в раннем возрасте после знакомства с фольклористом П.В.Шейном проявился его интерес к народной культуре белорусов. В конце 1880-х — 1900-х гг. он предпринял ряд экспедиций по губерниям Северо-Западного края (Белоруссии) и собрал значительный по объему этнографический материал, тогда же в основном опубликованный². После окончания Московского университета по филологическому отделению историко-филологического факультета Ляцкий непродолжительное время занимался педагогической деятельностью. Его работа как этнографа получила особое развитие во время службы в Русском этнографическом музее императора Александра III в 1901—1907 гг. Активная общественная и издательская деятельность Ляцкого (в начале XX в. он был редактором или сотрудником ряда известных изданий, в том числе «Вестника Европы», «Современника» и др., являлся одним из руководителей издательства «Огни») обусловила его широкую переписку. Среди корреспондентов Ляцкого были К.Д.Бальмонт, А.Белый, В.Я.Брюсов, И.А.Бунин, М.Горький и многие другие известные писатели, поэты, ученые³.

¹ О Е.А.Ляцком см. подробнее: Грачева А.М., Матренина М.М. Ляцкий Е.А. // Русские писатели XIX — начала XX в. Энциклопедия. М., 1994. Т. 3. С. 445—447; Поспишил И., Зеленка М. Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого // Славяноведение. 1998. № 4. С. 52—59; Цишчанка І. З думкай пра Беларусь: Да 130-годдзя з дня нараджэння Я.А.Ляцкага // Польша. Мінск, 1999. № 1. С. 156—185.

² См., например: Календарь Северо-Западного края на 1889 г. М., 1889; Ляцкий Е.А. Представления белоруса о нечистой силе // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 7. № 4; он же. Материалы для изучения творчества и быта белорусов. М., 1898. Ч. 1; он же. Материалы по белорусской словесности и языку // Известия Отдела русского языка и словесности АН. СПб., 1904. Т. 9. Кн. 4 и др.

³ См.: Брюсов В.Я. Письма к Е.А.Ляцкому // Новый мир. 1932. № 2. С. 190—196; Бальмонт К.Д. Письма к Е.А.Ляцкому // Русская литература. 1975. № 2. С. 199—201; Белый А. Письма к Е.А.Ляцкому // Ежегодник РО ИРЛИ за 1978 г. Л., 1980. С. 218—230; Горький и русская журналистика начала XX века. Незданная переписка. [Литературное наследство. Т. 95]. М., 1988. С. 486—573 (переписка Горького и Ляцкого); «О творчестве» или о «товаре»? Письма

В декабре 1917 г. Ляцкий эмигрировал — вначале в Финляндию, затем в Швецию. С 1922 г. он проживал в Праге, где до 1939 г. служил профессором кафедры русской филологии Карлова университета и в середине 20-х гг. руководил деятельностью издательства «Пламя». Под его руководством «Пламя» стало одним из наиболее известных русскоязычных издательств в Европе. В нем публиковались как уже проверенные временем произведения отечественной классики, так и новые, тогда еще неизвестные сочинения А.И.Куприна, И.А.Бунина, Н.А.Тэффи, Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус и многих других авторов. Издавались в «Пламени» и разнообразные научные и учебные сочинения по русской истории, праву, географии, экономике. Столь активная деятельность увеличила и без того значительную известность Ляцкого.

Вниманию читателей предлагаются письма Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869—1945), Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865—1941), Марка Александровича Алданова (1886—1957), Владислава Фелициановича Ходасевича (1886—1939), Александра Ивановича Куприна (1870—1938), Ивана Сергеевича Шмелева (1873—1950), Бориса Константиновича Зайцева (1881—1972), Ильи Григорьевича Эренбурга (1891—1967). Они вносят немало новых штрихов как в собственно литературную биографию писателей, так и в освещение их общественно-политических воззрений.

Все письма находятся на хранении в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии в Праге (Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze (LA PNP)⁴. Фонд Е.А.Ляцкого (Pozůstalost «Jevgenij Alexandrovič Ljackij»⁵) — один из наиболее богатых эмигрантских фондов. Нумерация фондов в архиве не предусмотрена, для нумерации единиц хранения вместо «№» используется «Č.» — сокращение от číslo. Слова, подчеркнутые авторами, выделены курсивом. В квадратных скобках дано полное написание сокращенных слов и пропущенные буквы. Неразборчивые слова отмечены отточиями в угловых скобках. При подготовке к публикации текст писем приведен в соответствие с современными требованиями орфографии.

Публикацию подготовил доктор исторических наук С.И.МИХАЛЬЧЕНКО.

И.А.Бунина к Е.А.Ляцкому // Октябрь. 1993. № 6. С. 187—191; [Е.А.Ляцкой — М.И.Цветаевой] // Цветаева М.И. Собр. соч. В 7 т. М., 1995. Т. 6. Письма. С. 782—784; М.В.Довнар-Запольский — Е.А.Ляцкому / Публ. С.И.Михальченко // Архіви і справоводства. Мінск, 1999. № 4. С. 37—46.

⁴ Другие встречающиеся варианты названия: «Литературный архив памятников национальной письменности» или просто «Литературный архив в Праге» (см.: Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995. С. 7, 101). См. также: Дандова М., Заградникова М. Обзор фондов русской эмиграции между двумя мировыми войнами в Литературном архиве Музея чешской литературы // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Международная конференция 14—15 августа 1995. Сборник докладов. Прага, 1995. С. 112—120.

⁵ См. опись фонда: Vinařová M. Jevgenij Alexandrovič Ljackij. Literární pozůstalost. Praha, 1976. Подготовлен обзор фонда: Михальченко С.И. Фонд Е.А.Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии (Обзор) // АЕ за 1999. М., 2000 (в печати). Существует еще один личный фонд Ляцкого, аккумулирующий, в основном, дореволюционные материалы — РО ИРЛИ. Ф. 163.

I. Письма З.Н.Гиппиус¹

№ 1

Villa Evelina, Grasse (A.M.)

2 сентября 1924 г.

Дорогой Евгений Александрович.

Да, вы милы, но я всегда это и думала. Именно потому, что вы милы, я и надеюсь, что вы к нам приедете. Вы увидите, как у нас хорошо. Везде шел дождь, а у нас целое лето стояла райская погода, которая продолжается и не прекращается. Приезжайте в сентябре, а если не сможете — то в октябре, ибо мы здесь будем до 1 ноября. Вы увидите, какие вам будут сделаны онёры^а; одно лишь: у нас новая, глупая кухарка, а я, в смысле разносолов, еще глупее ее, кроме того, — пишу сразу 2 романа (*cahier vert* и *cahier rouge*)^б и не могу за ней следить. Но и тут постараюсь сделать все невозможное, не пугайтесь.

При свидании поговорим обо всем, лучше, чем в письмах. Д[митрий] С[ергеевич] очень нежно благодарит вас и тоже ждет. Он давно ждет своих корректур. Ему хотелось бы, чтобы «Тайны Востока»² вышли раньше романа³. Вы так и думали, не правда ли?

Свои корректуры я тоже надеюсь иметь⁴. Может быть, вы их привезете? Если книжка не велика — вы успеете прибавить и «Благоухание седин»; эти мои «старички» (я их люблю) появятся, кажется, в ближайшей книжке *Совр[еменных] Зап[исок]*^{5а}.

В последние дни мы поражены новостями о БВ^б. Мы давно разошлись с ним, не видались года три уже; но все-таки я этого не ожидала и ... как-то «художественно» во все это не верю. Если б я писала роман с таким героем, то не могла бы этим кончить, считая «не психологичным». А вы?

Опять и еще раз подчеркивая, что очень надеюсь скоро увидаться с вами и обо всем «с прохладцей» поговорить, шлю вам сердечный привет и жду скорых слов.

Ваша З.Гиппиус

Ѓ. 6410. L. 1—1об.

№ 2

11bis av. du Colonel Bonnet, Paris 16^e

27 марта 1925 г.

Дорогой и милый Евгений Александрович.

Наконец-то я имею от вас весточку. Тут все были слухи, что вы в Париже, и мы удивлялись, вас не видя. Боюсь теперь, что вы приедете,

^а Устар. шутол.: со всеми полагающимися принадлежностями.

^б Зеленая тетрадь и красная тетрадь (*фр.*).

^в Особенностью орфографии писем З.Н.Гиппиус является употребление названий периодических изданий, книг и др. без кавычек. Для удобства чтения они при публикации выделяются курсивом.

когда нас не будет, а к нам гостить опять не соберетесь. Злая фея нас разделяет... не знаете ли вы магических слов, ее побеждающих?

Я бы вам написала давно и молчащему, но целую зиму работаю, словно каторжная, что называется — в хвост и в гриву. Надо считать строчки, а я, вообразите, с годами все пишу медленнее, ибо становлюсь к себе требовательнее, и вместо того, чтобы царапать грустную статью левой рукой — пишу ее, как стихотворение (отлично зная, что никому это не нужно).

Кстати о стихах. Я имею мечту, чтобы вы издали мои стихи: чтобы они — были в природе вещей. Теперь их в этой природе фактически не имеется. Я же скромно думаю (вы должны знать, что я самый не «самомнительный» писатель на свете), что все-таки они кому-нибудь, когда-нибудь пригодятся. Если издать их *все*, то выйдет один том, или два очень небольших. Положение такое: из России я вывезла одну рукописную книгу последних стихов (положим, с 1909 года). Эти стихи, маленьким томиком в отвратительном издании и омерзительной обложке, выпустил в [19]21 г. Гессен⁷ в Берлине⁸ (причем, пока книга печаталась, 8 тыс[яч] (!) марок за нее превратились в пыль — и даже в мой долг!) Я сейчас опять сама не имею ни одного экземпляра, пыталась хоть выписать, — себе, — и то не могу добиться толку. Но эти стихи достать не трудно, а самые позднейшие, при усилении, тоже можно собрать из *Совр[еменных] Записок*. А вот до 1909 года... они мне, ведь, тоже ценны. Я нашла две первые книжки⁹, в один том переплетенные, только у Цетлин¹⁰, взяла и храню, хотя она мне их не дарит, и хочу дохранить до желанного часа, когда этот уникам — дождется переиздания. Кому же, как не вам, придти ему на помощь? Ведь перед самыми большевиками вы уже были родителем, хотя и несостоявшимся, моих стихов¹¹. А при всей моей скромности, я полагаю иногда, что они достойны нового рождения не меньше, чем иные стихи, выходящие во множестве.

Знаете, моя скромность досадно мне же вредит, чего я не скрываю от себя. Ни один писатель не выехал из России так «без себя», как я. Критические статьи, все последние рассказы, все еще не изданное отдельно (и не попавшее значит случайно за границу) — все погибло. Отдельные книги, — и то без двух, — собрала по одной у знакомых. Испортила их, чтобы издать томик избранных здесь, в [19]20 году, — и полная неудача! Книга издана — и лежит, с другими, в подвале Полнера¹², принадлежит, как говорят, мышам, ибо издательство лопнуло, но не ликвидировано. Там же и «14 декабря» Д[митрия] Сергеевича¹³, и тоже ни его продать, ни его купить.

Вот вам и пиши 35 лет подряд, для мышей и для собственного неудовлетворения!

Впрочем, это меня не декуражирует, а кое в чем, я твердо надеюсь, вы придете мне на помощь. Не правда ли?

Вашу книгу¹⁴ вы мне *не* прислали, но я получила экземпляр очень драгоценный, с вашей надписью самому «папаше»¹⁵, и намереваюсь, до его «строгого и милостивого суда», сама написать о ней, хотя бы и кратко: книга меня очень интересуется. Но это лишь первый том? Сколько их будет?

Досадно, что на мне висит сейчас очень трудная и сложная статья «О любви» для *Совр[еменных] Зап[исок]*¹⁶, особ[енно] трудная потому, что нигде, ведь, в полный голос говорить нельзя, лишь приходится проскальзывать в очень узкие щели как в *Совр[еменных] Зап[исках]*, так и в *Посл[едних] Новостях*¹⁷. При моей сноровке — и то не всегда удается. Но это ужасно утрудняет всю мою теперешнюю работу.

Болтаю о себе, — и вот еще приходится о себе: почему вам кажется, что выпустить мою книгу в двух томах — удобно? Разве она вышла такая толстая? Да уж тогда бы, пожалуй, лучше выкинуть, — ну хоть «Седины», что ли! Мне представляется, что в двух томах она будет гораздо менее привлекательна; один-то купить — туда-сюда, но целых два! Конечно, я могу ошибаться, вам виднее. Я высказываю лишь изумление мое, но во всяком случае предоставляю вам действовать, как вы сами решите и найдете лучшим.

Пора кончать, нахожу письмо мое каким-то жалующимся на судьбу, что не в моих правилах: какие жалобы, и на том спасибо, что есть. Есть Париж (хотя с большевиками, но мы их не замечаем), есть перо, есть относительная свобода (что не относительно?), есть друзья, — которые, правда, как вы, например, редко пишут и мало приезжают, но все-таки иногда пишут, и даже письма очень приятные (опять как вы). Чего уж еще... пока сидят большевики?

Итак, я надеюсь на ваш скорый дружеский ответ. Поправились ли глаза? Собираетесь ли все-таки, и когда, — в Париж?

Всяческие приветы от меня и от Дм[итрия] С[ергееви]ча.

Душевно ваша.

З. Гунпиус

P.S. Порядок статей в книжке у меня очень точно указан на отдельном листке (голубом). Он в типографии.

Č. 608. L. 1—3ob.

№ 3

*Villa Alba, rue Jonquièrre (le Cannet),
Cannes (A.M.)*

17 июля 1925 г.

Дорогой Евгений Александрович.

Признаться ли? Несмотря на все ваши благородные деянья, несмотря на прелестно изданную, изящную книжку, которую я с восторгом получила (пока — очень мало экземпляров) — я все-таки хранила мелкую к вам гапсипе^a: вы исчезли из Парижа, не заехав больше к нам и не показав мне, вопреки обещанию, ни кончика вашего романа. Во мне — огорчилась я, и обиделся Антон Крайний¹⁸... Мало-помалу, я его утешила: вот, выйдет ваш роман...

^a Злобу, недовольство (*фр.*).

Книжка моя, действительно, изящно издана (что меня заставляет еще больше мечтать о стихах) и лишь одно с ней всегда недоразумение: никто не видит, что это два тома, покупают *один*, воображая, что другой — то же самое. Критик *Звена*¹⁹ — похвалил первый (не подозревая о втором, как сам говорил), критик *Возрождения*²⁰ несмело выругал тоже I [том], тоже не подозревая о втором, ибо там даже нигде не написано! Я жалею об этом ввиду статьи о Розанове²¹, которая, по-моему, интереснее всех других. (Там же и о Сусловой²² упоминается, о которой теперь чепуху, по моему, стали писать). Не находите ли вы, что в объявлении следовало бы подчеркнуть двухтомность книжки?

Но, конечно, это не важно. Я считаю, что, как издание, моя книжка удачнее, чем Д[митрия] С[ергееви]ча.

Со статейкой о Гончарове у меня замедлилось ввиду всяких помех. Кроме того, положение мое в *Посл[едних] Нов[остях]* не очень крепко, Пав[ел] Н[иколаевич]²³ стал на меня подозрительно смотреть, — без всяких оснований! В антиреволюционности меня упрекнуть нельзя, но ... уже очень я «непримирима», и этого не скроешь. Приходится вертеться, долго стряпать каждую статейку... А для вашей книги нужно много свободного времени.

Когда будете отдыхать (верно, поедете куда-нибудь, если не уехали), напишите мне, и напишите о вашем романе. Когда он выйдет, на каком языке сначала?

Что вы перестанете поддерживать *Пламя* — не очень верю: ведь оно погаснет! Бунин²⁴ говорил мне, что вы ему прислали Гончарова (которого он с большой приятностью читает), снабдив книгу «нежной» надписью. Ну, то Бунин! А З.Гиппиус пользуется экземпляром Милюкова...

Приветствуем вас сердечно оба, с всякими благодарностями. Да, очень бы хотела получить здесь все мне должное количество экземпляров моих. Написать в издательство, — или вы сделаете распоряжение?

Не забывайте нас (меня в особенности).

Сердечно ваша.

З.Гиппиус

Č. 6412. L. 1—1ob.

№ 4

*Villa Alba, rue Jonquièrre (le Cannet),
Cannes (A.M.)*

27 августа 1925 г.

Дорогой Евгений Александрович.

Я вам не отвечала, дожидаясь, когда напечатает А.Крайний свой фельетон о вас. Быть может, с вашими разбедами, вы его пропустите: поэтому и прилагаю вырезку, — на всякий [случай]: А.Крайний надеется, что вы не будете очень гневаться на некоторые упреки, хотя бы ввиду «шикарного» заглавия, много выкупающего²⁵. Не правда ли?

Я пишу на издательство, — вряд ли вы с тех пор сидите на водах, — однако, должна сказать, что ваше «отсутствие секретов», благодаря которому не вы первый читаете к вам адресованные письма, — несколько меня смущает. Не в «секретах» дело, а привычности моей к такого рода постановке корреспонденции. «Il n'y a rien de plus sacré qu'une lettre privée»^а, — кричала моя старая гувернантка, не соглашаясь передать почтарю незапечатанное денежное письмо. А в конце концов и той выгоды, о которой вы говорите, я не получила, то есть ни малейших экземпляров моей книги! М[ожет] быть, воздействует это письмо? «Двухтомность» ее продолжает раздражать и вводит в заблуждение недругов и друзей. Друзей, как я вам писала, можно было образумить, вышло две рецензии вместо одной; но недруги, вплоть до подкаретной газеты *Веч[ернего] Времени*, с особой силой рушатся на меня за «обман»: обещаю такие-то статьи, а даю половину, ибо один покупает зеленые «Лица» «за все», другой синие — тоже за все, ну и говорят, что я этих Фердыщенко^б надуваю. Я, впрочем, не в претензии и, каюсь, не огорчена, если вот эти «подкаретные» надуты. Пусть их. Не знаю только, довольно ли издательство.

Кстати: не упрекает ли вас совесть за такое подшучивание над бедными обездоленными людьми, — зачем вы говорите о каком-то «нашем» издательстве? Не только «нашего» у нас нет и не предвидится, но даже четверти, восьмушки нашего, вообще совершенно никакого. Полнейший нуль, можете быть уверены. Если к этому положению прибавить, что — у меня, по крайней мере — все меньше возможности печататься даже в периодических изданиях, то можно только пожалеть меня. И удивиться, с какой стойкостью я переносу мою судьбу — не иметь права сказать все, что думаю! Бунин говорит: «Да, теперь я могу все сказать, что хочу...» (в Возрождении). А я ему даже не завидую. И только жалко, что нахожусь в таком непрерывном «подозрении» у Милюкова и *Совр[еменных] Зап[исок]*. Хоть бы объяснили, где они видят мой коренной криминал?!

А.Крайний надеется получить от вас строчку ответа, и в скором времени. Мы все там же, погода — прямо райская, свежая на теплой подкладке. Когда было жарче (немного) — у моря вечная прохлада. Здесь, по моему, лучше, чем в Грассе^б, хоть у нас вилла дов[ольно] убогая. Как ваше здоровье? А что же роман, — не «живой», а обыкновенный? Я с горя тоже примусь за обыкновенные романы, — только с приключениями.

Сердечно вас приветствуют ваши друзья, коих прошу не забывать.

З.Гуннуус

Ѓ. 609. Л. 1—2об.

^а «Нет ничего более святого, чем личные письма» (фр.).

^б Грасс — город во французских Приморских Альпах, недалеко от Лазурного берега.

№ 5

*Villa Alba, rue Jonquièrre (le Cannet)
Cannes (A.M.)*

1 октября 1925 г.

Ах, дорогой Евгений Александрович! В первый раз в жизни, кажется, получила я такое приятное письмо, почувствовала, что доставила кому-то удовольствие своим отзывом. Правда, А.Крайнему редко приходилось так писать, что люди радовались, и даже составила легенда, что он все бранится, но это не от него зависит, а от тех, о ком он пишет. Сам же Антон — только верен себе. Чуть перо в руках — он уже недоступен ни влияниям, ни уговорам, ни соображениям: напишет обязательно то, что думает и как думает. Его писания можно исказить силой, то есть механически из них то или другое исключать, — (как это делают за неимением государственных цензоров, — редакторы изданий, в которые я пишу). И А.Крайний может, — ввиду своей бедности и важности каждой сотни франков для него, — махнуть рукой на свой искаженный и бледный образ в печати... Но, повторю, *написать* хоть малейшую неправду он не может. Поэтому — все-таки трепещите, посылая мне ваш роман, да я сама трепещу, разлакомившись вашим удовольствием: вдруг напишу так, что уже вам не понравится? Впрочем, будем надеяться на лучшее, то есть что оба мы друг другу понравимся, сначала вы — Антону, а затем и он вам.

Что я слышу? Пути жизни неисповедимы. Вы хотите иметь келью в Château de Clausonne^а? Это, я вам скажу, действительно место уединения! Я была там два раза, подолгу, и нахожу, что место имеет свою положительную прелесть. На автомобиле — 15 минут от Антиб^б, но точно в тридесятном царстве. Среди лесов, таких, что замка не видно, пока к нему не подъедешь. Лишь слева — бесконечные холмы, за ними горы, а если выйти на полянку, к охотничьему домику (он словно хорошая старая царскосельская дача), оттуда уже видны и Антиб, и море. Замок вправду замок, с chapelle^в в нескольких шагах, но старый, когда жили люди без нашего комфорта и баловства, довольствовались громадными каминами в громадных комнатах и свечами да лампами. Фауст был бы там довольнехонек, особенно до своего преобразования. Насколько наша Альба — мещанский домик на фу-фу, в дачном поселке, — перед этим старинным, прочным, но защищенным великолепием теряет! Если бы приложить умелую руку и хороший капитал к этому Клозону... Впрочем, я не знаю всех ваших пристрастий и ваших устремлений в полной точности, а потому и не могу сказать, подойдет ли вам сей Клозон. Почему вы из Рима не приехали к нам? Клозон даже посмотреть интересно. Скажу еще, что прелестнее его хозяек (наших) ничего сообразить

^а Замок Клозон (*фр.*).

^б Антиб(ы) — город на Лазурном берегу, недалеко от Ниццы.

^в Часовня (*фр.*).

нельзя. Они живут на Альбе^а, но их видно и слышно лишь тогда, когда этого очень желаешь; все делается как по-шучьему велению, и какие «сестры», и какие монсеньоры бывают у них в «подземелье» (они живут совсем внизу) — мы даже и не знаем. Клозонская же тишина — даже чересчурная: когда я там была второй раз — там были земгорские дети²⁷ (они уже уехали), так и детей там было не найти и не слышать.

Впрочем, я, может быть, напрасно так длинно вам об этом пишу; предполагаю, что это у вас было просто un saut d'imagination^б: работа да, но дела? но издательство? но друзья; или даже просто люди? Не рано ли вам — *vois faire moine?*^в (не примите за намек на пословицу *oh! je ne l'oserais jamais...*^г)

Я продолжаю огорчаться, что вы покидаете *Пламя*: одинаково — и корыстно, и бескорыстно... Если не будет Праги, то нам, «маститым» эмигрантам, совсем придется беда... Вы бы подумали о человеколюбии. Впрочем, в смысле человеколюбия (помимо *Пламени*) вы уже проявили себя к нам с такой элегантной стороны, что упрекать вас не вертится язык. Он вертится только для очень важного вопроса: будет ли, после октября, нам продолжено то, что явилось результатом этого элегантного вашего поведения? Вопрос крайне важный: ибо *impasse*^д наша такова, что есть много шансов, что А.Крайний, ко времени, когда ему надо будет писать рецензии о вашем романе, очутится не за столом, а на столе. А между тем, он жить хочет (все еще!), «чтоб мыслить и страдать».

В *Пламени* вас уже не слушают, ни живых, ни мертвых лиц²⁸ мне не присылают. Уже теперь даже не всем поднесешь книгу: не «их печки». За что это они мной так пренебрегли?

Жду вестей от вас уже из Праги (или откуда?), вестей о вас и о романе. Он еще не вышел? Слухов, пока, не видно. В Париже холод, будем там через месяц, предвкушаю цепь инфлуэнции. А если б вы знали, какая здесь райская погода! Не то лето, не то весна, а зимы, кажется, на свете не существует.

Итак — еще раз спасибо за все, остаюсь, в ожидании, с низким поклоном, — а также и соратник мой Мережковский.

З.Гиппиус

Ѓ. 610. L. 1—3.

№ 6

*Villa Alba, rue Jonquière le Cannet.
Cannes (A.M.)*

6 ноября 1925 г.

Дорогой друг.

Всего два слова, ибо я в grippe и в книге Ильина²⁹, — для *Совр[еменных] Зап[исок]*, — причем из-за первого, кажется, уже опо-

^а То есть на вилле Альба в Ле Канне.

^б Порыв фантазии (*фр.*).

^в Становиться монахом (*фр.*).

^г О! Я никогда не решусь (*фр.*).

^д Безвыходная ситуация (*фр.*).

здала со вторым. В общем, все довольно скверно, в том смысле, что я на пути к ... траппизму³⁰. *Посл[едние] Нов[ости]*, хотя и печатают меня, но подчас садят на мою спину таких Осоргиных³¹, что у меня на некоторое время рука немеет, и я умолкаю. Должен пройти какой-то период безмолвия...

Тундру еще не кончила, занятая этой срочной работой. Когда я примирюсь опять с П[авлом] Н[иколаевичем] — напишу о ней. «Вешаться» вам не нужно, но ... не скрою, что там уже и теперь вижу кое-что, о чем придется поточить перо. Но как же быть? Критика не «по совести и разумению» — разве что стоит? Ведь вы сами предпочтете, чтобы я «по совести» все сказала, — благожелательному умолчанию?

Чур, не обижаться, и считаться с моей общей сухостью и строгостью, а, главное, стремлением к точности: ни больше, ни меньше.

Впрочем, эти предисловия напрасны, и дадут вам, пожалуй, преувеличенное представление о моей offensive^a; все это я говорю лишь на всякий случай, еще не зная хорошенько, что будет. И 3 данные неприятности — грипп, Ильин и Милюков — приводят меня в скверное настроение. Две первые кончатся скоро, на днях, а вот третья — не знаю...

В вашем письме нет ни звука о ваших намерениях ближайших и трудах. Второй роман?

Шлем оба всякие приветы. Пока сидим здесь. Что делать, чтобы получить экземпляры «*Живых лиц*», о которых давно слезно и напрасно умоляю? Научите!!

Ждем также напрасно (и беспокойно) благодетельного «продолжения» *Чехии*... Или не надо беспокоиться?

Всегда ваша

З.Гунпиус

С. 6413. L. 1—1об.

№ 7

Paris

29 января 1926 г.

Милый друг Евгений Александрович.

Пишу вам два слова, — на темной бумаге и в темноте, — так как у меня что-то сделалось с одним глазом, неважное, по словам доктора, но неприятное, не позволяющее мне сейчас ни писать, ни читать долго. Мои близорукие глаза вообще неприятны, ибо вдаль видят не только плохо, но еще вдвойне *font un mauvais ménage*^b, по выражению доктора, и он, чтобы я не попала под автомобиль (ведь я еще глуха!) прописал мне — монобль!³²

Мы так и чувствовали, что вы исчезнете... что нас заранее огорчало. Приезжайте скорее, мы наши разговоры не только не кончили, но поч-

^a Наступлении (*фр.*).

^b Плохо ладят между собой (*фр.*).

ти не начали. Для меня многое, однако, стало яснее. Как глаз поправится — напишу о *Тундре* с особой точки зрения. Я с Милюковым немножко помирилась, не знаю, как будет дальше, какой следующий конфликт. А пока имею некоторые возможности.

Ваша поэсса³³ не без дарования, на мой взгляд (самый строгий, вы знаете). Из присланных стихотворений я могу рекомендовать 2—3 для *Звена* или *Совр[еменных] Зап[исок]* (но Вишняк сам читает стихи и очень капризен!), только напишите мне ее имя, а то как же я их отдам?

Всячески вас приветствуем, я и Д[митрий] С[ергеевич], и ждем в феврале.

Ваша З.Гунпиус

С. 6411. L. 1.

№ 8

Paris

8 мая 1926 г.

Милый друг!

Вы, конечно, говорите о *Благонамеренном*³⁴. На это вонючее гнездо соглашателей, как ни противно его в руки взять, я уже нацелилась давно, но в *П[оследних] Нов[остях]* меня перебил Осоргин, в *Звеньях* поклялись ни звуком их не «рекламировать», и я, по размышлению, этому даже рада: в этих двух газетах, не говоря о *Совр[еменных] Зап[исках]* мне бы не дали раскатать их всех вволю, до Ремизова³⁵ включительно, а я сделаю это у Мельгунова³⁶, о чем с ним уже условилась. Читать вам подобную дрянь совершенно не стоит, прочтете мою статью, огорчатся — даже стыдно думать, а полемизировать, «отвечать» — об этом и речи нет. Я пишу по долгу, указывая на элемент разложения, похуже «пешехоновщины»³⁷, в области «эстетики», где эти элементы кончаются явным разложением самой «эстетики», даже у талантливых людей. Святополк³⁸ же (о вас писавший) даже и не нюхал эстетики, он — арривист^a, для чего избрал подпорками «имена», вроде безответственного Ремизова (ох, спросится с него, все-таки!) и полную бабьей истерики Цветаеву. Он к России сам никакого отношения не имеет и не только писать, но даже говорить по-русски не очень может, — не знает разговорного языка. Подумывает [?] средства, чтобы *arriver*^b, иногда удачно, иногда глупо. Слабоумного Шаховского³⁹ ничего не стоило оседлать, но он даже в *Совр[еменные] Зап[иски]* пролез, махая «патриотизмом». Издает английские книжки, где Дм[итрий] Серг[еевич] объявлен «омерзительным» писателем (а видите, Д[митрий] С[ергеевич] нисколько не взволнован, да и в этой же книжке «*Благонамеренного*» он вроде о нем написал гораздо еще хуже, чем о вас). Ни его, ни меня никакими рецензиями не проймешь. В утешение еще скажу вам, что этот Святополк недавно читал

^a Карьерист (*фр. arriviste*).

^b Делает карьеру (*фр.*).

лекцию (на ломаном русском языке) и объявил Достоевского «позорным» писателем. Тут уж, кажется, ему не повезло, не «эпатировал» буржуев. Не знаю, успею ли я, до отъезда, еще втиснуть статейку в *П[оследние] Нов[ости]* «О критике», где хотела особо говорить о *Тундре*. Мой патрон на отдыхе, и я без него — как без рук. Он сам мой цензор, как Николай I — Пушкина (*toutes proportions gardées*^a), и без него меня боятся, руками махают. Да, вот видите — как нужен чистый, наш журнальчик, и боевой! Ну посмотрим.

Пожалуйста не хворайте, храните душевное и духовное равновесие, спокойствие, верьте в верность *верных* друзей (из которых «первый есмь азъ»).

Приветствуем вас оба, ждем в июне на юге, где сами будем лишь к июню. А пока жду словечка сюда.

Ваша З. Гунпиус

Č. 607. L. 1—1ob.

№ 9

*Villa Alba, rue Jonquièrre, le Cannet.
Cannes (A.M.)*

30 августа 1926 г.

Милый друг Евгений Александрович.

Мы уже терялись в догадках, что с вами, и куда вы девались. Слава Богу, вы нашлись. Ваше письмо я получила с большим запозданием, так как вы его адресовали в Grasse^b, где мы уже два года не живем, да и не стоит жить в этом пыльном городишке. Мы живем около Канн, и хотя наше место, само по себе, красотою не блистает, и вилла маленькая и «безвидная», но мы всякий день бываем в Каннах, у моря, и в общем довольны. Если вы вправду хотите приехать к нам, «где бы мы ни были» — напишите, чтобы я о вас позаботилась. Я знаю, что вы не любите шумных отелей, да теперь еще купальный сезон, и о всяком пристанище надо подумать заранее. Замок Клозон все свои прелести, кроме географической, потерял, ибо там детская санатория^в, — можете себе представить? Да и географическая такого рода, что оттуда не выскочишь, никакого сообщения, и если бы там жили — так мы бы почти и не видались.

Что касается моих литературных дел — то я так изнемогла от несвободы и «приспособления», что вынуждена на некоторое время удалиться в пустыню; иначе я потеряю самую способность писать и забуду человеческий язык. Мельгунов оказался хуже Милюкова: статью о *Благонамеренном* квасил 3 месяца, потом прислал корректуру — с выпусками, да какими! И явно хотел бы, чтоб я ее назад взяла, ибо Мякотин⁴⁰

^a Все пропорции соблюдены (*фр.*).

^b Грас(с).

^в Так в тексте.

восстал против меня и грозит уйти (или ушел) из редакционной коллегии *Голоса Минувшего*⁴¹. А это был мой пробный шар! Нет, надо себе дать передышку!⁴²

Впрочем, обо всем поговорим, если вы приедете, как обещаете. Хочу в это верить, и жду ваших строчек. От всего сердца вас приветствую, Д[митрий] С[ергеевич] тоже. Будьте здоровы, это главное!

Всегда ваша

З.Гиппиус

Ѓ. 606. L. 1—1 об.

II. Письма Д.С.Мережковского⁴³

№ 10

11bis Avenue Colonel Bonnet,
Paris (XVIe)

29 мая 1921 г.

Глубокоуважаемый Евгений Александрович,

Вы может быть знаете по газетам, что с нами произошло, через какие ужасы мы прошли. Подайте же нам о себе весточку.

Очень Вы нас обрадовали бы, если бы согласились взять у меня и у З[инаиды] Н[иколаевны] книги для издания. Я бы мог Вам предложить «*Льва Толстого и Достоевского*»⁴⁴ (Жизнь, религия, творчество) [...]

А если бы Вы могли взять у меня «*Полное собрание сочинений*»⁴⁵, то этим Вы оказали бы мне великую услугу. Впрочем, боюсь, что у Вас издательство для таких предприятий еще не достаточно окрепло. Сообщаю Вам это только как возможный в будущем проект [...]

Не забывайте Ваших друзей в черные дни. От души желаю Вам всего хорошего и главное, радостного возвращения в Россию.

Сердечно Ваш

Д.Мережковский

Ваше издание «*Гамаюна*» Бальмонта⁴⁶ очаровательно.

Ѓ. 1378. L. 1.

№ 11

11bis Avenue Colonel Bonnet,
Paris (XVIe)

26 января 1932 г.

Дорогой Евгений Александрович,

ради Бога, простите за ужасное промедление [с] ответом: я все это время был погружен в заботу над «*Иисусом Неизвестным*»⁴⁷ (новая моя книга), и также бился как рыба об лед, из-за тяжелых материальных обстоятельств.

Сердечно Вас благодарю за Ваши хлопоты по делу с Масариком⁴⁸. Я получил от него 3000 фр[анков] и это была для меня очень важная помощь.

Теперь у меня вот такая к Вам просьба. Я член Чешской Академии (Česki Akademie Věd a Umění). Мне пишут из Стокгольма друзья мои, шведы, что было бы очень важно для получения *Нобелевской премии*,⁴⁹ чтобы меня рекомендовала Чешская Академия, как своего члена, как желательного кандидата на эту прэмию^a. Итак, просьба моя к Вам заключается в том, чтобы Вы попросили какое-либо влиятельное лицо в Академии это сделать. Чем скорее это сделать, тем, конечно, лучше, так как времени до назначения прэмии осталось немного. Меня также рекомендует здешняя «Латинская Академия», где я тоже член, но этого недостаточно.

З[инаида] Н[иколаевна] Вам сердечно кланяется, надеясь Вас здесь увидеть, а затем просит ей прислать *пять экземпляров книги* ее, изданной в бывшем Вашем издательстве «Пламя»: «*Живые лица*» (I и II тт.). Если бы Вы и мне могли прислать 5 экз. «*Тайн трех*», я бы бесконечно был Вам благодарен.

Мы очень Вас ждем сюда, тогда обо всем поговорим. Еще просьба (простите за столько просьб): сообщите мне, пожалуйста, адрес, или [...] ⁶ чешского правника Крамаржа⁵⁰, а также Ваше мнение, стоит ли к нему обращаться за помощью.

Сердечно Ваш

Д. Мережковский:

Č. 1399. L. 1—1ob.

№ 12

*11bis Avenue Colonel Bonnet,
Paris (XVe)*

22 февраля 1932 г.

Дорогой Евгений Александрович, спасибо за память. То, что Вы пишете об Академии, очень грустно, и еще грустнее о Крамарже. Это меня очень обескуражило, что я не решаюсь к нему обращаться. З[инаида] Н[иколаевна] Вам сердечно кланяется и очень просит не забыть исполнить ее просьбу о высылке книг.

Не теряем надежды, что увидим Вас здесь в Париже.

Сердечно Ваш

Д. Мережковский

Č. 1400. L. 1.

III. Письмо М.А.Алданова⁵¹

156, av. de Versailles, XVI

29 октября 1926 г.

Глубокоуважаемый Евгений Александрович.

Надеюсь, Вы мне разрешите обратиться к Вам со следующей просьбой, касающейся поэта В.Ф.Ходасевича. Я слышал (от него же), что Вы

^a Так в тексте.

⁶ Слово неразборчиво.

к нему хорошо относитесь. Не сомневаюсь, что Вы, как и я, высоко ставите его поэтический талант, — по-моему, он один из самых замечательных наших поэтов. Ходасевич сейчас находится в бедственном положении. Он оставил редактирование литературного отдела «Дней» (да это ничего почти и не давало в материальном отношении), зарабатывает гроши статьями, вдобавок болен: по-видимому, у него туберкулез. Пришла мысль — нельзя ли выхлопотать ему субсидию? Вы видно знаете, что почти все русские писатели, живущие в Париже (около 10 человек), получают ежемесячно по 5 франков от чешского правительства и по 1000 франков от сербского. В свое время мне давали понять, что и я мог бы получить такую субсидию. Но я от этого уклонился, так как, благодаря иностранным переводам моих книг, свожу концы с концами. Ходасевич же романов не пишет и жить ему в буквальном смысле слова нечем. Не могли бы Вы, при ваших связях в чешском мире, выхлопотать ему субсидию? Я постараюсь найти ходы и в Сербию, но главная надежда все-таки на Чехословакию. Буду Вам чрезвычайно признателен за ответ и за хлопоты о Ходасевиче. Если б Вы пожелали непосредственно с ним снестись, его адрес: 14, rue Lamblardie, Paris XII. Но имейте в виду тогда, что он очень тяжело настроен и что субсидия в сущности едва ли не единственный для него выход. Поэтому, если шансов никаких нет, то не лишайте его сразу надежды. Насколько я могу отсюда судить, хлопоты и в самом деле могут привести к благополучному результату, если не сразу, то хоть по прошествии некоторого времени.

Буду весьма рад вестям о Вас. Шлю Вам сердечный привет и остаюсь преданный Вам

М.Алданов

Ї. 48. L. 1—10b.

IV. Письма В.Ф.Ходасевича⁵²

№ 14

14, rue Lamblardie, Paris, (12^e)⁵³

18 марта 1927 г.

Многоуважаемый Евгений Александрович,

Д.Н.Крачковский⁵⁴ мне пишет, что Вы согласились посдействовать в Праге моим делам. Позвольте, во-первых, поблагодарить Вас за участие, а во-вторых — попросить о помощи. Я знаю, что сейчас все это труднее, чем когда-либо. Но, к несчастью, и дела мои сейчас хуже, чем когда-либо (смешно сказать — в связи с *английским* кризисом⁵⁵ — я лишился некоторой родственной подмоги). Прошлой зимой, когда мы с Вами видались в Париже, мне и в голову не приходило заговорить с Вами на эту тему: я не хотел пользоваться чешской помощью, которая может быть предоставлена другим, более нуждающимся. Ныне же из писателей старших я нахожусь едва ли не в самом тяжком положении, ибо, кроме заработка, не имею равно ничего, ниоткуда. Вы знаете, каково сейчас жить одними писаниями. А меж тем я очень устал, очень нездоров, надо отдыхать и лечиться, чтобы не потерять трудоспособности.

Вот все это и заставляет меня беспокоить Вас просьбой — поговорить обо мне, с кем надо, и употребить Ваше влияние на пражские «сферы». Простите, что беспокою и затрудняю Вас: нужда крайняя⁵⁶.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Вл[адислав] Ходасевич

Не будете ли в Париже?

Ѓ. 765. Л. 1—1об.

№ 15

Париж

15 апреля 1927 г.

Откуда Вы взяли, дорогой Евгений Александрович, что я «дурно о Вас думаю»? Даже если предположить, что самые элементарные законы благодарности мне чужды, — все же для того, чтобы «дурно думать», надобно иметь хоть какие-нибудь основания. У меня же нет их, и следовательно, ничего, кроме признательности и уверенности в Вашем хорошем отношении — не испытываю. Дурно думаю я только о Вашем почерке, из-за которого я никогда не уверен, дойдет ли до Вас мое письмо: ведь адрес-то я не списываю, а *срисовываю*, ибо *прочитать* его не умею. Ну, да уж Бог Вас простит. А пока еще и еще раз спасибо за Ваши старания.

Я тут отрекся от принципов и написал одну работу по заказу, а не по вдохновению. За то смогу уехать на некоторое время из Парижа, что и необходимо, ибо *четвертого* подряд лета здесь я бы просто не вынес.

Ваше письмо застало меня почти при самом отъезде. Поэтому до осени не пришлю Вам своих фельетонов, ибо уже не смогу достать их. Но до тех пор и слушатели Ваши, вероятно, в разъезде. Осенью же повергну свои писания к стопам Вашим. А за доброе слово о них — большое спасибо. Газетные мои детища — не из любимых, ибо газетные, — а все же детища, и ничто отцовское мне не чуждо.

Справку в здешнем консульстве, как Вы указываете, в середине августа наведу. Не сам, ибо меня здесь еще не будет, — но наведу. Это будет сделано.

Позвольте сообщить Вам на всякий случай мой адрес: Villa Eden-Parc, avenue Gambetta, Le Cannet (А.М.).

Жена⁵⁷ Вам усердно кланяется, я жму руку, с тем же усердием.

Ваш Вл[адислав] Ходасевич

Ѓ. 766. Л. 1—1об.

V. Письма А.И.Куприна⁵⁸

№ 16

1bis Br^d Montmorency, Paris (XVI)

19 марта 1925 г.

Дорогой Евгений Александрович.

Не упрекать Вас мне приходится за Ваше ходатайство перед великодушным Чешским правительством, а сердечно, долго и тепло благо-

дарить. Ваше милое письмо явилось для меня — просто чудом, ибо за полмесяца до него иссяк единственный источник, который, в некоторой степени, регулярно поддерживал мой скромный бюджет. А о *досуге* Вы упомянули совершенно правильно. Со ссудой из Праги я смогу освободиться от надоедливой, истощающей соображение и портящей художественный язык, ежедневной газетной работы (фу, какая неуклюжая фраза!).

Так страстно хочется написать две вещи — пьесу и роман, которых строение и мельчайшие детали так ясно стоят в голове, точно я их ощущаю.

И преданный и благодарный

А. Куприн

Ѓ. 6529. Л. 1.

№ 17

[Без даты]

[...]5) С Горьким я не расплевывался, так же как никогда и не кадил ему. В один день, когда он хотел заставить меня подписать, не ознакомившись с делом, бумагу, выносящую жестокое, однобокое и несправедливое обвинение одному из писателей, и когда в ответ на выраженное мною желание узнать всю мотивировку приговора, он мне ответил, что все равно, вопрос уже предрешен, я отказался дать свою подпись и с той поры перестал видаться с А.М. и его всей литературной коллегией⁵⁹. Молча. Это ли значит расплеваться⁶⁰[...]

Я не смею Вас упрекать за откровенный разговор с питерцем о Ваших издательских делах. Это, конечно, Ваше дело. Но, во-первых, я знаю Горького лучше, чем многие, я твердо знаю, что *на зло мне* он не станет [...]а перевода: настолько у нас обоих осталось уважения друг к другу. Если же даже у него и есть перевод, и даже если предположить в нем такие детски-литературные чувства, то уверяю — у них нет бумаги даже для издания самых настоятельно-необходимых книг... Эти соображения, однако, не примите за предлог к моей подлости. День окончания перевода — будет для меня днем достижения земли обетованной. Но даже в том непредвиденном случае, если я внезапно, скажем, нынче, умер скоропостижно, — Вы аванс, данный мне для моих сотрудников, получите от моей вдовы.

Поэтому бросим сердиться и колоть друг друга, как истые интеллигенты. Утвердимся во взаимной вере и пожмем друг другу руки. И скажите, кстати: куда мне слать оконченные части перевода — раз навсегда.

Искренне преданный Вам

А. Куприн

Ѓ. 6550. Л. 1—1об.

^a Неразборчиво.

№ 18

31 августа (или 20, или 21)^а

Дорогой Евгений Александрович.

Спасибо за письмо. Сначала отвечаю по пунктам.

1) Я попал в Париж с жадными глазами и обширной душой. Мне доставляет неисчерпаемое наслаждение ходить по улицам, глядеть на вывески, лица, походки, жесты, улыбки, костюмы, прислушиваться, стараясь понять, к быстрым отдельным фразам. Езжу на задках омнибусов и иногда раскрываю рот перед каким-нибудь мраморным или бронзовым чудом, приютившимся где-то в уголке, между двумя каштанами. Случайно я проехал через двор Лувра, а в другой раз вдоль Елисейских полей — и я узнал их, не глядя на вывески. Двор Лувра так хорош, что я подумал: вот здесь Бог натворил вокруг себя чудес и прилег на минутку отдохнуть среди цветников.

Иногда, идя неспешно, я захожу в любую церковь и сижу там один в тишине и полутьме, обоняю запах ладана и холодного старого камня, и скольжу глазами по витринам — голубым с фиолетовым, красным с сиреневым... Я толкусь по зоологическому саду, стою перед балаганами и пирами Монмартра, где часами внимательно слушаю зазывание атлетов и клоунов, мне доставляет наслаждение сесть около Сены на скамье, вечером, и долго глядеть, какие чудеса творят солнце и облака на воде, на небе и на древних крышах...

Я впитываю в себя жизнь города и народа. Но, конечно, не как наблюдатель, с записной книжкой, а — извините — как молчаливый обжора. Музеи потом. И как теперь я шляюсь один, так поверьте, один пойду глядеть и на Прекраснозадую (Каллипига)^{б1}, с тем же чувством, как я когда-то взбирался на пароход Св. Николая, чтобы впервые увидеть Толстого^{б2}.

Но не осуждайте. Среди блужданий я захожу в маленькое кафе и, стоя, спрашиваю у прилавка «Un bock blonde»^б (светлое пиво). С буфетчиком я любезен, как маркиз [нишего] XVIII столетия, и мы, наговорив друг другу кучу любезностей, разойдемся очарованные взаимно.

2) Вот и все мои дебоши. Вам я советовал небольшое количество алкоголя, потому что знаю по наблюдению пользу моего рецепта. Сам же я пионственному виновнушению охладел. Вернее — мой крепкий, звериный, татарский инстинкт сказал мне — «будя». Вот этот вопрос — *basta cosi*^в. Да? NB. Кроме сала и спирта, я рекомендовал еще и чеснок.

3) За присылку глав книги Вашей буду очень признателен. Обещаю бережность в обращении и отсылку в указанный Вами срок.

4) Сегодня я окончил в черновой обработке всю книгу Стр[индберга]^{б3} «Возлюбленная моя: Я отомстил тебе. Мы квиты. Сен-

^а Так в тексте.

^б Правильно: «Un bock blond» (фр.) — бокал светлого пива.

^в Достаточно, хватит (итал.).

тябрь 1887 — март 1888»⁶⁴. Господи, что это была за работа! Я нарочно пришлю Вам несколько страниц моей правки. Вы поглядите, и скажете: однако, у этого профессионального лентяя, чертова пропасть усидчивости и воли⁶⁵.

5) Я убежден, что А.В.Белобородова знает язык бесконечно хуже моего Реймана. Но переводит не Рейман. Рейман только мой деловой агент в Гельсингфорсе. Переводят муж и жена Семеновы. Переводят очень добросовестно, но так рабски следуют оборотам автора, что запутываются, а из разных значений непонятого им слова, они по диксионеру^а выбирают самое плохое и невыразительное — прости им Бог. Но зато переписчиком (машинки) я чрезвычайно доволен. Это молодой юнкер, сын известного московского банкира. Образованный и точный^б.

На условия и на работу с госпожой Белобородовой я очень согласен. Одно меня смущает — а вдруг она пишет прямо начисто на машинке, а вдруг мне придется делать много поправок, неудобных для наборщиков? Если же она переводит безукоризненно — то с какими глазами я буду получать деньги ни за что? Дело другое «Исповедь безумца»⁶⁶. Шлифуя черновик, я старался сохранить всю душу Стриндбергского стиля, со всей его истеричностью, с пафосом и [...], с упругостью злобы и нежностью единой любви...

Здесь я могу сказать, что весь перевод сделан мною с честного подстрочника.

6) Саги — тоже хорошо. Но и с тем же условием не быть [...] ^всвадьбы.

7) С Аничковым⁶⁷ рассудите, как лучше быть. Хотите ли, чтобы я увиделся с ним, навел бы разговор на его роман⁶⁸ — а он, конечно, любезно предложит его лишь на прочтение — и написал бы Вам мое частное, случайное мнение. Или Вы предпочитаете поручить мне в открытую это прочтение. Рассудите — что удобнее и выгоднее, в случае — ведь все бывает! — отказа. Он, говорят, стал очень обидчив. Но я по-прежнему люблю его.

8) Гржебину⁶⁹ никто не принадлежит. Он скупил авторов под покровительством Коммиссариата Народного Просвещения^г и на его деньги, но на свое имя.

Купил пока трилогию Мережковского⁷⁰ за 40000 р. советскими, т.е. за 200 р. если считать по-прежнему. Но если бы человек умирал с голода, то не отдал ли бы он всех своих прав и долгов и земель за один кусок хлеба?

---

^а По словарю.

^б Но — увы! — такой копун и медлитель, что я устаю его бомбардировать письмами и телеграммами: presser transcription! (фр. — ускорьте перевод). (Примеч. автора).

^в Неразборчиво.

^г Так в тексте.

9) Значит Рейман просил первые 500 кр[он], получит ли еще 500 кр[он]? [...]

Желаю всех благ. Извините за скверный почерк — это мне и моих друзей наказание — и крепко жму Вашу руку.

Ваш А.Куприн

Ѓ. 6542. Л. 1—3об.

№ 19

[Без даты]

Дорогой и уважаемый Евгений Александрович.

Поздравляю Вас сердечно с большою Вашей радостью. А что Вы счастливы — можно узнать и по стилю и по каждой букве Вашего письма, как бы оно ни казалось почти деловым. Дай Вам обоим Бог счастья. Все меньше и меньше его становится в жизни. Убывает оно.

Вы спрашиваете меня о моей литературе. Ну вот: выпустил я за эти годы всего 4 книжки на русском языке: 1. У Корбасникова «*Новые повести и рассказы*»⁷¹. 2. В издательстве Возрождение «*Храбрые беглецы*»⁷². 3. В рижском издании «*Литературы*» — «*Купол Святого Исаакия Далматского*»⁷³. 4. В Белградском издательстве — «*Елань*» (такое редкое словечко, что пришлось на почти целой странице объяснять его значение)⁷⁴. Вскоре выйдет в том же Белграде роман «*Колесо времени*»⁷⁵. Вот и все. В общем, и мало, и платят дешево. На французский у меня переведено 7 или 8 книг. Однако, все мы, здешние, последние могикане кое-как все-таки подкармливаемся. Правда, далеко от того, чтобы мы, по острому выражению славного старика Диккенса, ели черепаховый суп золотыми ложками и заедали его жареной дичью, но на кусок хлеба, а по воскресеньям и с маслом, милостью неба и добрых людей хватает.

Манит, манит меня проехаться в Злату Прагу, и предлагали мне не раз прочитать там что-нибудь. Но и условия были жалкие и инициаторы ненадежные.

Темнеет. Пишу с трудом и прошу простить мне скверный почерк.

Mettez moi, cher ami, aux pieds de Madame Liatzky^a. Обнимаю Вас.

А.Куприн

P.S. Адрес Ваш был написан тоже неразборчиво. Я сейчас вырежу его из письма и наклею. Авось дойдет. Это у нас у всех такое обыкновение: писать все письмо четко, а свой адрес, как самое неинтересное в послании делать небрежно.

Не сердитесь: я и то и другое пишу как муха, попавшая из чернильницы на бумагу.

Ѓ. 108. Л. 1—2.

^a Прошу передать мое уважение госпоже Ляцкой (фр.).

VI. Письма И.С.Шмелева⁷⁶

№ 20

*Обитель преп. Иова**31 мая 1937, 7 ч. утра^a*

Милые друзья Вида Павловна и Евгений Александрович.

Шкурку^б свою «выступающего» получил и благодарю крепко. Да приходится еще стираться и выжмут меня, кажется, досуха 5[-го] или 6[-го] июня — в Ужгороде — либо в День Р.К., либо, если с радиостанцией не договорятся (раньше еще была установленная программа радиостанции на день Кулич) — то 6[-го] в торжественном собрании в память А.Духновича⁷⁸. 8[-го] — мой вечер, 10[-го] — в Мукачеве — ли-тер[атурный] вечер мой. Да кроме сего обед у старосты г. Ужгорода г. Э.Дудаша. Да еще 8[-го] после прокатки — банкет (от слова «банка», но я предпочел бы «банк»). В дорогу, очевидно, раньше 12—13[-го] не по-паду. Остановиться решил в отеле, о чем и просил С.Н.К-го. На 1—2 дня, дабы в Париже быть не позднее 16[-го].

Здесь, в Обители, — слов нет! Буду писать о сем. Какие люди! какой уклад! какая красота рош. «Лю-бку» [...] ^в кадке! Она же — ладанница душистая, ночная фиалочка восковая. Вся она — в грезе, в [запад-не?] на березовой опушке. Вся она — юница чистая, но дыхание ее — дурманное. С ней с одной [наедине?] нельзя оставаться долго — угоришь. А спать — смерть, если ее много. Но у меня в покоях (2 кельи) окна открыты, и мне можно дышать легко и возникает прошлое во мне...

Здесь несказанно прекрасно, тепло. Встречные говорят — Слава Иисусу. Девки поют вечерами на [...] ^в всюду множество птиц. И — звон, и церковь всегда открыта. Я — ВО СВЕТЕ.

Вида Павловна, целую Ваши руки, благодарю Вас, добрый друг, за заботу и за ласковость. Милый Евгений Александрович, душевно жму руку.

Ваш Ив. Шмелев

С. 2373. Л. 1.

№ 21

*2, Boule^t de la République
Boulogne/Seine**17 июня 1937 г.*

Дорогие друзья Вида Павловна и Евгений Александрович.

Увы — не довелось заехать к Вам, стремительно промчал я Прагой, не мог остыть, слишком был истомлен — выпит, опустошен карпато-

---

^a Письмо на бланке «Восстановленной исторической типографии преп. Иова Почаевского во Владимировой на Пряшевской Руси⁷⁷. Адрес: Archimandrit Serafim, p. Lodomirova u V.Svidnika, Tchechoslovaquie».

^б То есть удостоверение (от польского skórka — корка).

^в Неразборчиво.

русским действием (8—9 «выступлений!»), переполнен видениями, лицами, звуками, — и вот, снова в келье своей — в пустой мучительно. Снова «жизни мнится беготня», — и не знаю, когда определится. Тоска, тоска... Ведь тут у нас — при всем грохоте и мельканьи шумном, — пустыня.

Крепко убедился, что не здесь мне жить. Влечет Божья природа, и светлая обитель, где умираем манит, закрыла все. Кто знает, может быть и осяду там. Еще не знаю... Больно с могилкой расставаться, — только это и держит здесь.

Был на Липше^a в женской обители, верст за 150 за Мукачево. Чудесно! Какой там тихий свет! Милые, не корите меня: боялся Праги. Боялся завязнуть, боялся и людям примелькаться. Но в душе держу добрых и ласковых, Вас, милые, Сергея Ивановича, Екатерину Дмитриевну, еп[ископа] Сергия... да сколько же людей чудесных!

Благодарю Вас, родная душа, Вида Павловна, за радушие, за ласковость, за хлопотливые заботы, милая хозяйшюка. И Вас, дорогой Евгений Александрович, братски обнимаю.

Везде был добрый прием мне и — как бы не [...] ^b И по радио вещали, и с балкона возглашали, — и силы не изменили мне. И увидел: и какая же сила читателей у Меня! Теперь вижу: *надо было мне писать, для чего-то — надо*. Видел и слезы, и радость, и признательность.

Куда теперь? не знаю. А куда-то *надо*. Здесь — тоска бьет, в пустой квартире... — нет мне жизни без моей вечной, единственной. 22[-го] — годовщина [...] ^b, но я чувствую, что во сне зримо — *она со мной, ведет меня*. Скорей бы конец. Перевезти дорогой прах — в Россию, взглянуть на все родное, сказать *все*, громко, — и кончить. А пока — куда деть себя?

Посылаю Вам памятку — книжки мои. Примите с чувствами добрыми.

Целую ручку Вида Павловне, с низким поклоном. Обнимаю Вас, милый Евгений Александрович.

Ваш, признательный

Ив. Шмелев

Ї. 2372. L. 1—2.

VII. Письма Б.К.Зайцева

№ 22

Domaine de la Pugette, Thormet (Var)

28 июля 1926 г.

Дорогой Евгений Александрович, сто лет не видно и не слышно Вас. Даже и это письмо направляю наудачу, не уверен, дойдет ли.

^a Правильно: Липча.

^b Неразборчиво.

Вчера в «Днях»⁷⁹ я вычитал, что в Чехословакии в 1925 году вышла на чешском языке моя книга⁸⁰ (среди книг других русских авторов). Это одна сторона. Другая — я, ведь, должен Вам 500 фр. (апрельских, а не нынешних, увы!). Мне и пришло в голову, не могли ли бы Вы навести точные справки об этом издательстве, и пользуясь своим влиянием, и крупным положением в Чехии, оказать давление на издательство, чтобы оно мне что-нибудь заплатило, ибо я, конечно, за свою книгу не получил ни гроша, разрешения у меня никто не спрашивал, и т.п. Пусть бы хоть скромно заплатили — я написал бы Вам тогда доверенность на получение денег, и Вы удержали бы 500 чешских крон — что приблизительно весной и было 500 франков.

Повторяю, пишу это наудачу, думаю, что вернее всего, Вас и нет сейчас в Праге — ну, когда вернетесь. Мы по-прежнему в Пюжете. Жили 2 недели под Канн[ами] на море — хорошо, но жарко и комары. Не знаю, сколько пробудем здесь. Именно отличное, но не наше, и мы даже не «сьемшики», а «гости» и верно до гробовой доски все и придется быть гостем и кого-то благодарить. Пока мы одни. Но скоро приезжают хозяева, с которыми мы в дружественных отношениях... но, по совести, если бы не необходимость Наташе отдохнуть после трудной зимы (она очень извелась, бедная! Сейчас начинает розоветь) — я охотно уехал бы вновь в Париж, в какую ни на есть, да свою квартиру.

Вчера открытка от Тэффи⁸¹ из Марселя — едет на Корсику. Ну, всего хорошего, рад буду, если напишите о себе несколько строк. Вера и Наташа кланяются, мы всегда с приятностью и удовольствием вспоминаем Ваши приходы в Париже.

Ваш сердечно

Борис Зайцев

Ѓ. 2726. Л. 1—2об.

№ 23

10 января 1929 г.

[...]Иной раз очень ощущаешь грусть и усталость — не думайте, что это связано только с материальной стороной. Жизнь вообще *очень* сложна и, конечно, по природе своей нелегка. Я весьма люблю жизнь, но мне кажется, что именно в этом году что-то во мне переломится. Ну увидим [...]

Ѓ. 2736. Л. 2об.

№ 24

1 декабря 1930 г.

Дорогой Евгений Александрович, приближается новый год — и обычный «сумрачный» вопрос: лишат нас с января чешской поддержки, или нет? Слухи из Праги идут печальные, а литературные дела сами по

себе тоже невеселы — Вы знаете, это, конечно. Вот и приходится тревожить друзей... — как это ни грустно, в надежде, что если возможно, подтолкнут, поднажмут в министерстве. Именно с такой просьбой я к Вам обращаюсь, Евгений Александрович.

Посылаю также оттиск «Жизни Тургенева», начавшейся печататься в «Современных записках»⁸². Посмотрите ее, может быть, эту книжку удалось бы напечатать по-чешски?⁸³ (В ней будет около 10[-и] печатных листов — 350—360 тысяч знаков).

Помнится, я посылал Вам и «Анну»⁸⁴. Она вышла по-итальянски (у Vietti в Милане)⁸⁵, к новому году выходит по-французски⁸⁶, на чешском языке ее нет⁸⁷. Все это приносит немного, но все же кое-что перепадает и дает возможность дышать.

Мы живем все на Claude Turgain, перед теми же каштанами, понемногу стареем, но пока держимся. Над Тургеневым я сижу второй год. Книжка еще не кончена, но осталось немного (уже идут семидесятые годы, роман с Вревской, и т.п.). Наташа стала совсем большая. Первые «башо»^a уже сдала, теперь готовится на вторые, для университета (так что летом совсем должна кончить лицей).

У Тэффи большая беда: Павел Андреич⁸⁸ тяжело болен, у него кровоизлияние в мозг, отнялась рука и нога. Полтора месяца он в постели. Теперь немножко лучше — шевелит рукой и на несколько минут может даже встать. Н.А. самоотверженно за ним ухаживает, целые ночи сидит. Душевное его состояние очень тяжело. Она держится крепко, совсем хорошо, хотя переутомлена крайне. Видите, какие все невеселые вести!

Вера шлет Вам сердечный привет. Она тоже сильно устает от бесконечных домашних дел. Летом мы с ней немного отдохнули под Парижем в деревне, а сейчас опять началась вся эта ляпка.

Привет Вам и от меня, — а также Вашей супруге. Буду очень рад, если черкнете несколько слов о себе.

Всего наилучшего.

Ваш Борис Зайцев

Ѓ. 2738. L. 1—2об.

VIII. Письмо И.Г.Эренбурга⁸⁹

№ 25

Рига, Гоголевская, Grand Hotel

1 апреля 1921 г.

Уважаемый г. Ляцкий,

две недели тому назад я приехал из России и привез ряд рукописей для напечатания. Еду я в Париж, пока сижу здесь и жду визы. Башкиров⁹⁰ сказал мне, что Вы ищете для Вашего и[здательст]ва новые вещи — посему и пишу Вам. Я привез:

^a Экзамены.

1. Стихотворения поэтов: Адалис⁹¹, Антокольского⁹², Брюсова, Буданцева⁹³, Герасимова⁹⁴, Дубковой, Есенина, Ивнева⁹⁵, Вяч. Иванова⁹⁶, Ковалевского⁹⁷, Лившица⁹⁸, Мандельштама⁹⁹, Маяковского¹⁰⁰, В.Каменского¹⁰¹, Пастернака¹⁰², В.Цибинной, А.Радловой¹⁰³, Соллогуба, Туманного¹⁰⁴, М.Цветаевой¹⁰⁵, Шкапской¹⁰⁶, Шершеневича¹⁰⁷, Мариенгофа¹⁰⁸, Петрикова, Эренбурга, Казина¹⁰⁹, всего около 85 стихотворений. Половина примерно — рукописи, остальное напечатано в книгах и изданиях, вышедших в России за последние полгода. Сборник м[ожет] б[ыть] озаглавлен «Из России» или «Из Москвы». В их стихотворениях, которые затрагивают современность, она передается с различных, порой противоположных точек зрения, что придает книге абсолютно аполитический характер¹¹⁰.

2. Книга лирики поэта Б.Пастернака «Сестра моя жизнь». От суждений [...]а, от всех поэтов, с которыми приходилось о ней беседовать — исключительное явление в русской лирике за последнее десятилетие. Рукопись. Листов 5—6¹¹¹.

3. Книга стихов Марины Цветаевой «Лебединый стан». Стихи 1917—1921, посвященные современности. При своем несогласии с подходом ее считаю стихи прекрасными. Рукопись. Листа 3—4¹¹².

4. Моя новая книга стихов «Раздумия». 2—3 листа. Рукопись¹¹³.

5. Моя книга «Портреты русских поэтов» (Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок, В.Иванов, Соллогуб, [...]а, Маяковский, Ахматова, Есенин, Цветаева, Пастернак, Балтрушайтис, Мандельштам) [...]а — очерки поэтов-людей. Листа 4. Рукопись¹¹⁴.

Если сие Вас интересует, будьте любезны телеграфировать. Я бы мог в этом случае приехать непосредственно переговорить с Вами, но вероятно трудно получить визу. Во всяком случае, пожалуйста, сейчас же известите о стороне [...]

С искренним уважением

И.Эренбург

Ѓ. 506. Л. 1.

Примечания

¹ Знакомство Е.А.Ляцкого с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус состоялось задолго до революции 1917 г., — Е.А.Ляцкий выступал рецензентом сочинений Мережковского Д.С.; как следует из писем, пытался издавать сочинения З.Н.Гиппиус.

Переписка З.Гиппиус, весьма обширная, уже публиковалась, однако издана далеко не вся (См. библиографию сочинений Гиппиус: *Bibliographie des ŷuvres de Zénaïde Hippus*. ŷtable par Any Barda. Paris, 1975; Русские писатели 1800—1917 гг. Энцикл. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 569).

Значительную ценность писем З.Н.Гиппиус отметил близко знавший ее редактор парижского журнала «Современные записки» М.В.Вишняк: «При всей бесспорности Гиппиус-поэта, которая останется в истории русской поэзии, имеется еще жанр литературы, который, по мнению многих, в том числе поэтов

^а Неразборчиво.

и литературных критиков, является высшим достижением в многообразном и разнохарактерном творчестве Гиппиус. Это — ее эпистолярное творчество. Г.А.Адамович утверждает: «Рано или поздно станет общепризнанной истиной, что отчетливее, сильнее всего талант Зинаиды Гиппиус, «единственность» ее личности, — как выразился в дневнике своем Блок, — запечатлены не в стихах, не в рассказах, не в статьях, а в частных письмах» (Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.-Дюссельдорф, 1993. С. 154—155. См. также: Вишняк М.В. З.Н.Гиппиус в письмах // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 37. С. 183—210.).

Публикуемые письма З.Н.Гиппиус относятся к 1924—1926 гг., времени, когда Е.А.Ляцкий был главой издательства «Пламя» и посвящены, в основном, издательским делам (Е.А.Ляцкий осуществил выпуск в свет мемуаров З.Н.Гиппиус «Живые лица», а также нескольких романов Мережковского Д.С.). При этом, однако, они содержат множество важных фактов литературной и общественной жизни русской эмиграции; в особенности подробно освещаются политические пристрастия З.Н.Гиппиус — постоянной противницы любых соглашений с большевиками: все эмигранты, бывшие сторонниками такого рода соглашений, подвергались Гиппиус жесткой критике (см. оценки, даваемые в письмах Д.П.Святополк-Мирскому, М.А.Осоргину и др.). По мнению того же М.В.Вишняка, хотя «Гиппиус утверждала, что не имеет вкуса к политике [...], это было не так — ни в России, ни в эмиграции. Гиппиус постоянно куда-то входила и откуда-то выходила, политически сходилась и расходилась [...], мирилась и мирила, ссорилась и ссорила, — не переставая оставаться почти в полном политическом одиночестве и изоляции. Многолетний опыт ничему ее не научил, и в годы сотрудничества с «Современными записками» она, как и встарь, с увлечением занималась политикой, делая ее на свой эстетически-капризный лад» (Вишняк М.В. «Современные записки». С. 155).

² Речь идет о первой части второй трилогии Д.С.Мережковского «Тайна трех: Египет и Вавилон» (Прага, Пламя, 1925). Вторая часть («Атлантида-Европа») и третья часть («Иисус Неизвестный») вышли в Белграде соответственно в 1930 и 1932—1934 гг.

³ Роман Д.С.Мережковского «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» вышел в Праге в 1925 г.

⁴ Е.А.Ляцкий готовил к изданию книгу воспоминаний З.Н.Гиппиус «Живые лица», одной из частей которой и стал очерк «Благоухание седин» (о А.Н.Плещееве, Я.П.Полонском, А.С.Суворине, А.П.Чехове, П.И.Вейнберге, Л.Н.Толстом), впервые опубликованный в «Современных записках» (1924. № 21).

⁵ «Современные записки» — литературно-художественный и публицистический журнал на русском языке, издававшийся в Париже в 1920—1940 гг. Главный литературный орган русской эмиграции.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Гессен И.В. (1865—1943) — политический деятель, кадет; в эмиграции издатель.

⁸ См.: Гиппиус З.Н. Стихи. Дневник. 1911—1921. Берлин, 1922. В письме ошибочно указана дата выхода сборника.

⁹ Вообще, первыми книгами З.Гиппиус были сборники «Новые люди» (СПб., 1896) и «Зеркала» (СПб., 1898), включавшие, наряду с поэзией, также и прозу, и критические статьи. Первыми собственно поэтическими сборниками являлись «Собрание стихов: 1889—1903» (М., 1904) и «Собрание стихов. Кн. 2. 1903—1909» (М., 1910).

¹⁰ *Цетлин М.О.* (1882—1945) — фактический редактор отдела поэзии «Современных записок».

¹¹ Е.А.Ляцкий был главным редактором издательства «Огни».

¹² *Полнер Т.И.* (1864—1935) — философ, публицист. Член редколлегии журнала «Голос минувшего на чужой стороне».

¹³ Вероятно, речь идет об издании: Мережковский Д.С. 14 декабря. Париж, Русский путь, 1921.

¹⁴ Речь идет, скорее всего, о четвертом издании исследования: Ляцкий Е.А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И.А.Гончарова (Прага, 1925).

¹⁵ Возможно, речь идет о *Полякове А.А.* (1879—1971), секретаре редакции газеты «Последние новости» (см. у Берберовой: «Отец (так называли Полякова трудники)...» (Берберова Н.Н. Курсив мой. М., 1996. С. 316).

¹⁶ Статья З.Н.Гиппиус под первоначальным названием «Искусство и любовь» была вызвана рассказом И.А.Бунина «Митина любовь»; показанная редакцией «Современных записок» И.А.Бунину, ему не понравилась, поэтому в «Современных записках» напечатана не была. Вышла в свет в виде трех фельетонов под общим названием «О любви» в газете «Последние новости» (1925. 18.06, 25.06 и 2.07). См. подробнее: Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С. 97—99.

¹⁷ Газета на русском языке, издававшаяся в Париже в 1920—1940 гг. (с 1921 г. главный редактор П.Н.Милюков).

¹⁸ Антон Крайний — один из нескольких псевдонимов З.Н.Гиппиус.

¹⁹ «Звено» — в 1923—1925 гг. еженедельная газета, а в 1926—1928 гг. ежемесячный журнал литературы и критики, издававшийся в Париже на русском языке (редакторы М.М.Винавер и П.Н.Милюков).

²⁰ «Возрождение» — газета русской эмиграции правого направления, издавалась в Париже с 1925 по 1936 г. ежедневно, затем до 1940 г. еженедельно. После 1949 г. — журнал.

²¹ *Розанов В.В.* (1856—1919) — писатель и философ, близкий знакомый З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского. Статья о Розанове «Задумчивый странник» впервые опубликована в журнале «Окно». 1923. № 3.

²² *Суслова А.П.* (1840—1918) — писательница, жена В.В.Розанова.

²³ *Милюков П.Н.* (1859—1943) — историк и политический деятель, в 1921—1940 гг. издавал в Париже газету «Последние новости».

²⁴ *Бунин И.А.* (1870—1953) — русский писатель, с 1920 г. в эмиграции во Франции.

²⁵ Крайний А. (Гиппиус З.Н.) Самое интересное // Последние новости. 1925. 27.08. № 1638.

²⁶ Фамилия *Фердыщенко* принадлежит, как минимум, двум героям русской литературы — герою романа Ф.М.Достоевского «Идиот» и герою произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина «История одного города». Оба — малопривлекательные люди.

²⁷ «Земгор» — неофициальное название Комитета по снабжению армии, возникшего в 1915 г. после объединения Земского и Городского союзов. Имел собственные магазины, больницы и проч.

²⁸ Намек на название книги З.Н.Гиппиус «Живые лица».

²⁹ *Ильин И.А.* (1883—1954) — русский философ, с 1922 г. в эмиграции. В 1925 г. в Берлине вышла его книга «О сопротивлении злу силою», направленная против непротивленческих идей Л.Н.Толстого. З.Н.Гиппиус в статье «Меч и

крест» (Современные записки. 1926. № 27) соглашалась с общей идеей Ильина, но, по ее мнению, у Ильина не было верного понимания зла (См. подробнее: Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940). М., 1999. Т. 3. Ч. II).

³⁰ Здесь: к абсолютному молчанию (от названия монашеского ордена траппистов (ветви цистерцианцев), дававших обет абсолютного молчания).

³¹ *Осоргин М.А.* (1878—1942) — писатель и публицист, в 1922 г. выслан из РСФСР, но до 1937 г. сохранял советский паспорт, заявляя, что сам никогда бы не эмигрировал.

³² По воспоминаниям Н. Берберовой, «Зинаида Николаевна плохо видела и плохо слышала, и ее смех был ее защитой — она играла лорнеткой и улыбалась, иногда притворяясь более близорукой, чем была на самом деле, более глухой, иногда переспрашивала что-нибудь, прекрасно ею понятное» (Берберова Н.Н. Курсив мой. М., 1996. С. 282).

³³ Неустановленное лицо.

³⁴ «Благонамеренный» — журнал русской литературы и культуры, выходил в 1926 г. в Брюсселе. Вышло 2 номера.

³⁵ *Ремизов А.М.* (1877 — 1957) — русский писатель, эмигрант.

³⁶ *Мельгунов С.П.* (1879(1880) — 1956) — историк и общественный деятель, в 1926—1928 гг. один из издателей журнала «Голос минувшего на чужой стороне»

³⁷ «Пешехоновщина» — от фамилии *Пешехонова А.В.* (1867—1933), публициста и политического деятеля, с 1922 г. эмигранта, призывавшего не бороться с Советской властью, а «претерпеть» ее.

³⁸ *Святополк-Мирский Д.П.* (1890—1939) — историк литературы и литературный критик, в это время профессор Лондонского университета.

³⁹ *Шаховской Д.А.* (1902—1989) — поэт, в 1926 г. издатель «Благонамеренно». В конце 1920-х гг. принял постриг под именем отца Иоанна.

⁴⁰ *Мякотин В.А.* (1867—1937) — русский историк, член редколлегии «Голоса минувшего на чужой стороне».

⁴¹ «Голос минувшего на чужой стороне» — русский журнал, правопреемник изданий «Голос минувшего» и «На чужой стороне»; издавался в Париже в 1926—1928 гг.

⁴² Статья все-таки была издана: Крайний А. Мертвый дух // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4. С. 257—266.

⁴³ Библиографию изданной переписки Д.С.Мережковского см.: Русские писатели 1800—1917 гг. Энциклопедический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 26.

⁴⁴ Книга Д.С.Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» впервые была издана в двух томах в 1901—1902 гг. (СПб.).

⁴⁵ До 1917 г. в России вышло два Полных собрания сочинений Д.С.Мережковского: в 17 т. (СПб.—М., 1911—1913) и в 24 т. (М., 1914).

⁴⁶ См.: Бальмонт К.Д. Гамаюн: Избранные стихи. Стокгольм, 1921.

⁴⁷ Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Белград, 1932. Т. 1; 1933. Т. 2. Ч. 1; 1934. Т. 2. Ч. 2.

⁴⁸ *Масарик Т.Г.* (1850—1937) — президент Чехословацкой республики в 1918—1935 гг.

⁴⁹ Нобелевская премия 1933 г. была присуждена И.А.Бунину.

⁵⁰ *Крамарж К.* (1860—1937) — чешский политический деятель, в 1920—1931 гг. депутат парламента.

⁵¹ *Алданов (наст. фам. Ландау) М.А.* (1886—1957) — русский писатель, философ, химик.

⁵² *Ходасевич В.Ф.* (1886—1939) — русский поэт, прозаик, критик.

⁵³ Адрес Ходасевича и Берберовой в 1926—1928 гг.

⁵⁴ *Крачковский Д.Н.* (1862 — после 1934) — писатель-эмигрант.

⁵⁵ По мнению исследователя творчества В.Ф.Ходасевича Д.М.Бетеа, кризис 1926 г. принес «исключительную бедность, возобновление фурункулеза, плохие отношения с эмигрантской прессой и возможное осознание того, что источник его поэтического творчества иссыхает» (Bethea D.M. Khodasevich: His life and art. Princeton, 1983. P. 317).

⁵⁶ Помощь из Чехии В.Ф.Ходасевичем получена так и не была. 8 декабря 1927 г. он писал М.В.Вишняку: «Чтобы писать, писателю нужно быть сытым (хотя бы). Журнальная работа и впроголодь не кормит. Писатели вынуждены идти в газеты. Из всех писателей я — самый голодный, ибо не получаю помощи ниоткуда: ни от сербов, ни от чехов, ни от Розенталя, ни от большевиков, ни от французов. И не устраиваю концертов, сборов и проч. (Не только не получаю, но имею официальное письменное сообщение о том, что чешской субсидии мне не дали ввиду доноса некоего «писателя» о том, что я слишком много зарабатываю в «Возрождении») (Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 505).

⁵⁷ *Берберова Н.Н.* (1902—1993) — четвертая жена В.Ф.Ходасевича, писательница, мемуаристка.

⁵⁸ *Куприн А.И.* (1870—1938) — писатель-прозаик, публицист, эмигрант.

⁵⁹ Речь, вероятно, о «Союзе деятелей художественной литературы» и издательстве «Всемирная литература», где А.И.Куприн сотрудничал с возглавлявшим эти организации А.М.Горьким.

⁶⁰ Отношения с А.М.Горьким испортились у А.И.Куприна в 1919 г. 10 февраля 1921 г. в парижской газете «Общее дело» была напечатана критическая статья А.И.Куприна «Максим Горький» (см.: Куприн А.И. Голос оттуда: 1919—1934. М., 1999. С. 305—308. См. также его статью «Рубец» (1927 г.) // Там же. С. 592—594).

⁶¹ Каллипида (греч. καλλιπιδά — прекрасная) — скульптура Венеры (Афродиты), хранящаяся в Неаполитанском музее. В данном случае, возможно, имеется в виду скульптура Венеры Милосской, хранящаяся в Лувре.

⁶² Первая встреча А.И.Куприна с Л.Н.Толстым состоялась 25 июля 1905 г. на пароходе «Св. Николай» в Ялте, когда Толстой уезжал после лечения из Гаспры в Севастополь. «Ясно помню ... пароход «Святой Николай», куда я забрался за час до приезда Льва Николаевича» (Куприн А.И. О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай» (Читано 12 октября 1908 г. на вечере имени Л.Н.Толстого в Тенишевской зале) // Собр. соч. В 9 т. М., 1973. Т. 9. С. 48). В другом варианте воспоминаний читаем: «Не без трепета я приблизился к гениальному человеку, не знал, что сказать ему, только глядел на него и ловил каждое слово. Помню, Толстой был в этот день в прекрасном веселом настроении». (Цит. по: Каштанова И.А. Л.Н.Толстой и А.И.Куприн: К вопросу о творческих связях. Тула, 1981. С. 11).

⁶³ *Стриндберг А.Ю.* (1849—1912) — шведский писатель и драматург.

⁶⁴ Видимо, речь идет о книге переписки А.Стриндберга с его женой Сири фон Эссен, которую писатель решил опубликовать для объяснения причин своего разрыва с ней. (См.: Неустроев В. Художественный мир Стриндберга // Стриндберг А. Избранные произведения. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 17). Книга на русском языке так и не была издана.

⁶⁵ Трудности перевода произведений А.Стриндберга на русский язык отмечались и другими переводчиками... Так, например, один из первых переводчиков А.Стриндберга В.Э.Фирсов писал: «Трудно сохранить художественную прелесть рассказа, когда то и дело приходится заменять одно меткое народное слово длинным оборотом, выпускать комические и весьма характерные прибаутки и заменять своеобразную речь шведских рыбаков книжным языком» (Цит. по: Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 256).

⁶⁶ Роман «Исповедь безумца» (в другом переводе «Слово безумца в свою защиту») посвящен истории взаимоотношений А.Стриндберга с его женой Сири фон Эссен. Написан по-французски, впервые опубликован в переводе на немецкий. Русское издание появилось в 1908 г. в рамках Собрания сочинений А.Стриндберга.

⁶⁷ *Аничков Е.В.* (1866—1937) — давний знакомый А.И.Куприна, русский литературовед и писатель, эмигрант. В Праге Е.А.Ляцким были изданы книги Е.В.Аничкова «Христианство и Древняя Русь» (1924) и «Западные литературы и славянство» (1926. Т. 1—2).

⁶⁸ Возможно, идет речь о романе Е.В.Аничкова «Язычница» (Париж, 1932).

⁶⁹ *Гржебин З.И.* (1869—1929) — издатель. В 1921—1923 гг. издавал в Берлине русские книги, надеясь, что они будут продаваться в России. В итоге книги практически не покупались и Гржебин разорился.

⁷⁰ Видимо, речь идет о переизданной в Берлине в 1922 г. трилогии «Христос и Антихрист».

⁷¹ Париж, Товарищество «Н.П.Корбасников», 1927. Сборник состоял из девяти произведений 20-х гг.

⁷² Париж, 1928.

⁷³ 1928 г.

⁷⁴ Елань — залив в лесу. Книга издана: Белград, Издательская комиссия, 1929. Состояла из 17 рассказов.

⁷⁵ Белград, Русская библиотека, 1930.

⁷⁶ *Шмелев И.С.* (1873—1950) — русский писатель, эмигрант.

⁷⁷ По названию г. Пряшев в Восточной Словакии.

⁷⁸ *Духнович А.В.* (1803—1865) — украинский писатель и просветитель, идеолог москвофильства.

⁷⁹ «Дни» — периодическое издание русской эмиграции: в 1922—1925 гг. издавалось в Берлине, с 1925 г. в Париже — до 1928 г. как ежедневная газета, до 1931 г. как еженедельник, до 1933 г. как двухнедельный журнал.

⁸⁰ Zajcev V. *Modrá Hvězda*. Roma. Přeložil Jaroslav Rysanok. Praha: Kvasnicka a Hampl, 1925.

⁸¹ *Тэффи (Лохвицкая) Н.А.* (1878—1952) — русская писательница

⁸² Современные записки. № 44—47. Отдельное издание: Париж: YMCA—Press, 1932

⁸³ Судя по библиографии Зайцева, книга по-чешски не вышла, см.: *Bibliographie des œuvres de Boris Zantsev*. Établie par René Guerra. Paris, 1982.

⁸⁴ Париж, Современные записки, 1929.

⁸⁵ *La Vendicatrice*. Romanzo. Trad. di Ossip Félyne. Milano. Casa Editrice Bietti, [S.A.]

⁸⁶ *Anna*. Trad. par Ludmila Savitzky. Paris: Ed. St. Michel, 1931.

⁸⁷ На чешском языке книга не вышла.

- ⁸⁸ *Тикстон П.А.* — муж Н.А.Тэффи.
- ⁸⁹ *Эренбург И.Г.* (1891—1967) — советский писатель, общественный деятель.
- ⁹⁰ *Башкиров К.А.* — рижский журналист и издатель.
- ⁹¹ *Адалис (Ефрон А.Е.)* (р.1900) — советская поэтесса и переводчица.
- ⁹² *Антокольский П.Г.* (1896—1978) — советский поэт.
- ⁹³ *Буданцев С.Ф.* (1896—1939) — советский поэт и прозаик.
- ⁹⁴ *Герасимов М.П.* (1889—1939) — поэт.
- ⁹⁵ *Ивнев Рюрик (Ковалев М.А.)* (1891—1981) — советский поэт.
- ⁹⁶ *Иванов В.И.* (1866—1949) — русский поэт, с 1924 г. в эмиграции.
- ⁹⁷ *Ковалевский В.А.* (р.1897) — советский поэт.
- ⁹⁸ *Лившиц Б.К.* (1886—1938) — русский поэт и прозаик.
- ⁹⁹ *Мандельштам О.Э.* (1891—1938) — советский поэт.
- ¹⁰⁰ *Маяковский В.В.* (1893—1930) — советский поэт.
- ¹⁰¹ *Каменский В.В.* (1884—1961) — советский поэт.
- ¹⁰² *Пастернак Б.Л.* (1890—1960) — советский поэт и писатель.
- ¹⁰³ *Радлова А.Д.* (1891—1949) — советская поэтесса.
- ¹⁰⁴ *Туманный Дир (Панов Н.Н.)* (р.1903) — советский поэт.
- ¹⁰⁵ *Цветаева М.И.* (1892—1941) — русская поэтесса.
- ¹⁰⁶ *Шкапская М.М.* (1891—1952) — советская писательница.
- ¹⁰⁷ *Шершеневич В.Г.* (1893—1942) — советский писатель.
- ¹⁰⁸ *Мариенгоф А.Б.* (1897—1962) — советский писатель.
- ¹⁰⁹ *Казин В.В.* (1898—1981) — советский поэт.
- ¹¹⁰ Книга была издана в Берлине в 1922 г. под названием «Поэзия революционной Москвы».
- ¹¹¹ Впервые была издана З.Гржебиным в Берлине в 1922 г.
- ¹¹² По воспоминаниям И.Г.Эренбурга, к 1921 г. М.Цветаева «закончила книгу стихов, прославлявших белых — «Лебединый стан». К тому времени, — писал И.Г.Эренбург, — я успел многое повидать, в том числе и «русскую Вандею», многое продумал. Я попытался рассказать ей о подлинном облике белогвардейцев — она не верила [...] Когда весной 1921 года я поехал одним из первых советских граждан за границу, М.И.Цветаева попросила меня попытаться разыскать ее мужа. Мне удалось узнать, что С.Я.Эфрон жив и находится в Праге; я написал об этом Марине. Она воспрянула духом и начала хлопотать о зарубежном паспорте[...] Цветаева взяла с собой рукопись книги «Лебединый стан» (Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 240). Книга была впервые издана в Мюнхене в 1958 г. При этом И.Г.Эренбург замечал, что о том, как попала рукопись публикатору (Г.П.Струве), он не знает, поскольку, по его сведениям, Цветаева в итоге отказалась от идеи опубликования книги. И.Г.Эренбург, по его воспоминаниям, в 1921 г. вывез с собой только книги Маяковского, Есенина, Пастернака (Эренбург И.Г. Указ. соч. С. 369). Таким образом, И.Г.Эренбург не указал книгу Цветаевой, что вполне понятно — мемуары писались в начале 1960-х годов и такие откровения могли дорого стоить. Между тем, недавно изданные письма Цветаевой показывают, что идея опубликовать «Лебединый стан» не оставляла ее. Так, 4 декабря 1924 г. она писала П.Б.Струве: «Обращаюсь к Вам за советом: у меня до сих пор не издана книга так называемых «контр-революционных» стихов (1917—1921 г.), — все нашли издателей, кроме этой. Книжка небольшая, — страниц на 60. Некоторые из стихов печатались в «Русской мысли» [1922. № VIII—XII; 1923. № I/II. — С.М.]. Хотелось бы,

чтобы она существовала целиком, потому что, с моего ведома, такой книги еще не было. Левые издательства от нее отказываются. Называется она «Лебединый стан», в России ее — изустно — хорошо знали. Если есть какая-либо надежда на ее устройство — отзовитесь, тогда перепишу и предоставлю Вам. Вопрос оплаты здесь второстепенен, — мне важно, чтобы тогдашний голос мой был услышан» (Цветаева М.И. Собр. соч. В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 312). Опубликование книги в 1958 г. сыном П.Струве — Г.Струве — доказывает, что текст М.Цветаевой был переписан и послан, но в 1920-е годы почему-то в свет не вышел.

¹¹³ Впервые издано под названием «Раздумья» в Риге в 1921 г. («Однажды пришел печальный человечек, сказал, что он открывает издательство, хочет печатать советских авторов, показал мне различные рукописи и купил мой сборник стихов «Раздумья» (Эренбург И.Г. Указ. соч. С. 369—370).

¹¹⁴ Впервые издана в Берлине в 1922 г., затем в 1923 г. переиздана в Москве.

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: МИХАИЛ ПОКРОВСКИЙ

(1868—1932)

Начиная с настоящего номера, редакция журнала «Исторический архив» приступает к публикации фотоматериалов о жизни и деятельности выдающихся историков России. Новая рубрика открывается фоторассказом о М.Н.Покровском, споры о творческом наследии которого не утихают в течение десятилетий. При этом одни авторы пишут главным образом о вкладе этого ученого в отечественную историографию, его оригинальной концепции исторического развития России, другие — о несостоятельности сугубо классового, партийного подхода историка к изучению прошлого, всячески подчеркивают негативные моменты его деятельности. Фотодокументы, выявленные в Российском государственном архиве социально-политической истории, в Архиве Российской Академии наук и других архивохранилищах, отражают основные вехи жизненного и творческого пути историка.

Родился М.Н.Покровский 17 (29 по новому стилю) августа 1868 г. в Москве. Здесь прошли его детство и юность, годы учебы в Московском университете, где он был учеником В.О.Ключевского и П.Г.Виноградова. На публикуемых фотографиях — отец и мать историка, Николай Михайлович и Лидия Петровна в 60-е гг. XIX в., Л.П.Покровская с сыном Михаилом-гимназистом, Покровский в 1905 г.

Следующие подборки фотодокументов связаны с пребыванием Михаила Николаевича в эмиграции, его научной, политической и государственной деятельностью после Октябрьской революции. Среди них — письмо Покровскому от издательства товарищества «Мир» с предложением написать курс русской истории; удостоверение о назначении Покровского комиссаром по иностранным делам Московского военно-революционного комитета; выписка из журнала заседаний Совнаркома Москвы и Московской области; письма историку К.А.Тимирязева и И.И.Скворцова-Степанова; другие уникальные фотоматериалы (партийный билет Покровского; Михаил Николаевич и его жена Любовь Николаевна на отдыхе в Боржоми; историк и участники его семинара в Институте красной профессуры; Покровский в Берлине — на Исторической неделе в 1928 г. и на экскурсионной прогулке в 1930 г.; он же на больничной койке в санатории «Архангельское» незадолго до кончины 10 апреля 1932 г.).

В одном из ближайших номеров «Исторического архива» мы планируем опубликовать «Фотолетопись» о жизни и деятельности академика Николая Михайловича Дружинина, крупнейшего историка-аграрника в отечественной историографии. Редакция приглашает историков и архивистов принять участие в подготовке фотоматериалов о выдающихся мастерах русской историографии.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.А.ЧЕРНОБАЕВ.

Отец и мать М.Н.Покровского —
Н.М. и Л.П.Покровские. 60-е гг. XIX в.

Л.П.Покровская с сыном Михаилом. 1880 г.

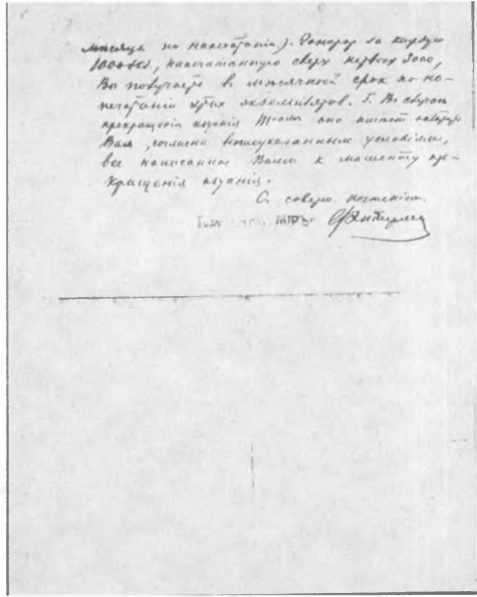
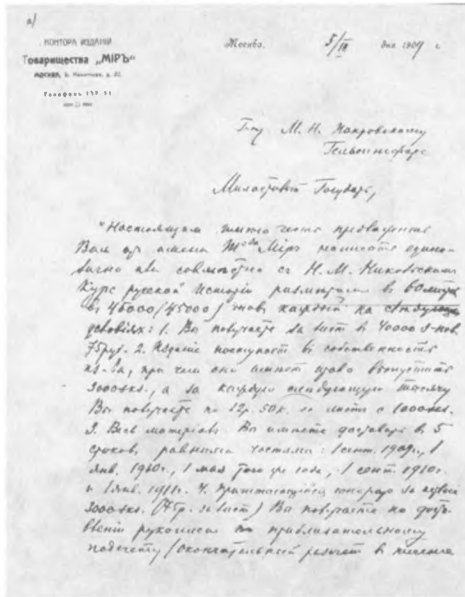

М.Н.Покровский. 1905 г.

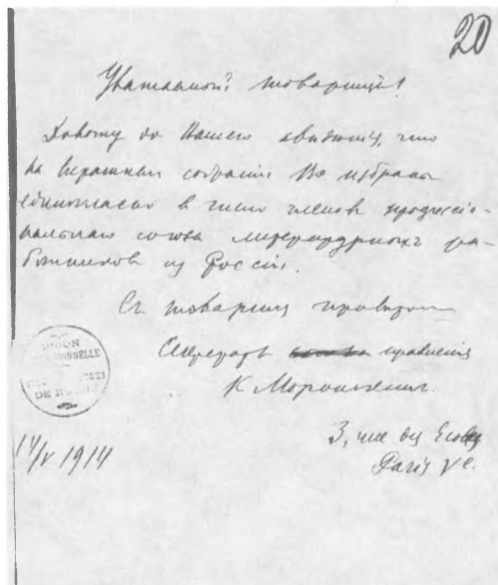

Газеты большевиков 1905–1907 гг. Выходили под редакцией М.Н.Покровского

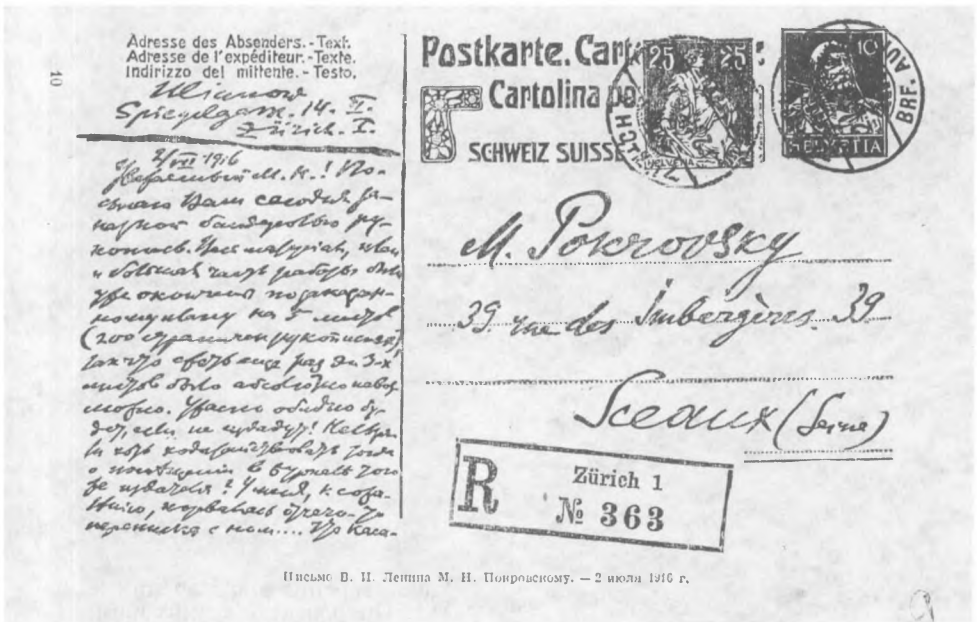
Письмо издательства «Мир» М.Н.Покровскому. 5 марта 1909 г.

Извещение об избрании М.Н.Покровского членом профсоюза литработников. Париж, 14 мая 1914 г.

Л.Н.Покровская с сыном Юрием.
Берн, 1916 г.

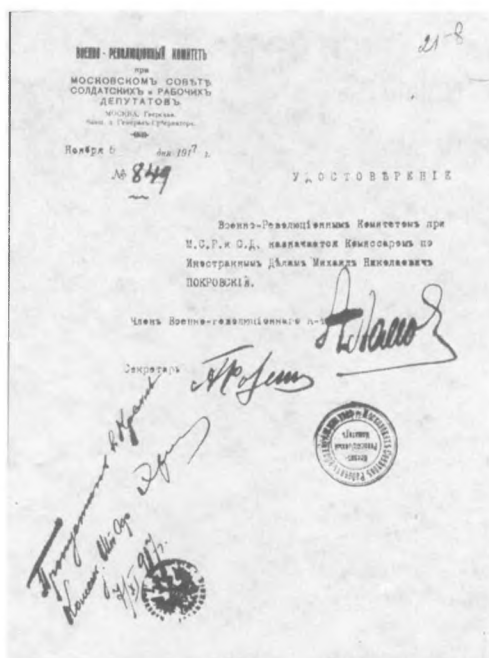

Письмо В. И. Ленина М. Н. Покровскому. — 2 июля 1916 г.

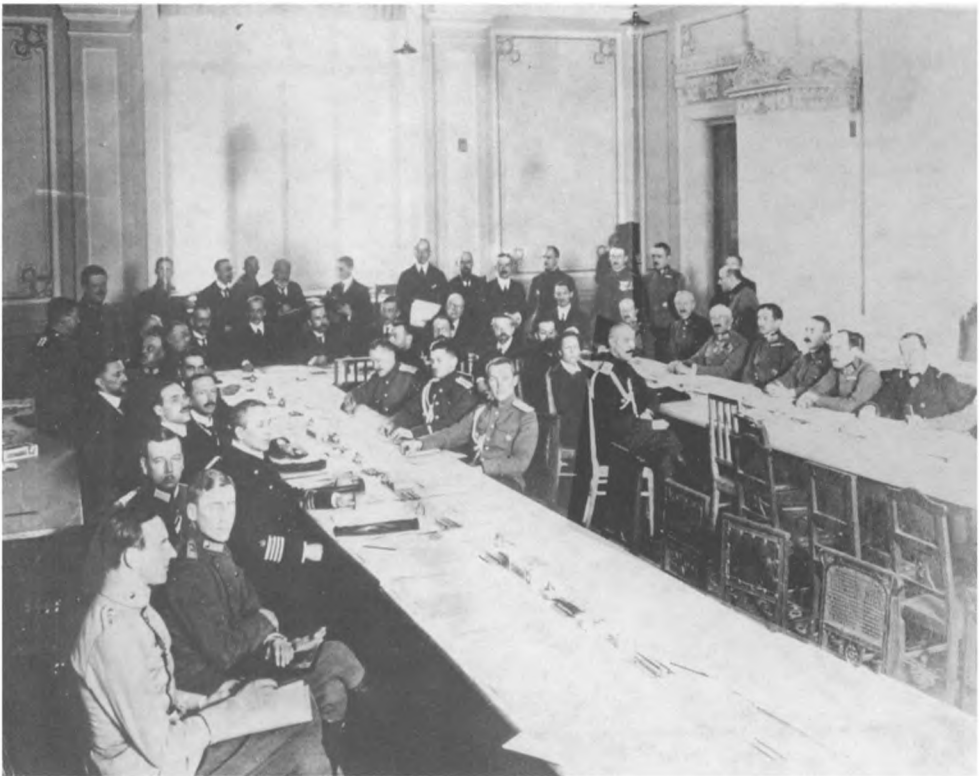
Письмо В.И.Ленина М.Н.Покровскому. 2 июля 1916 г.

М.Н.Покровский (сидит крайний справа) в группе московских большевиков.
Октябрь 1917 г.

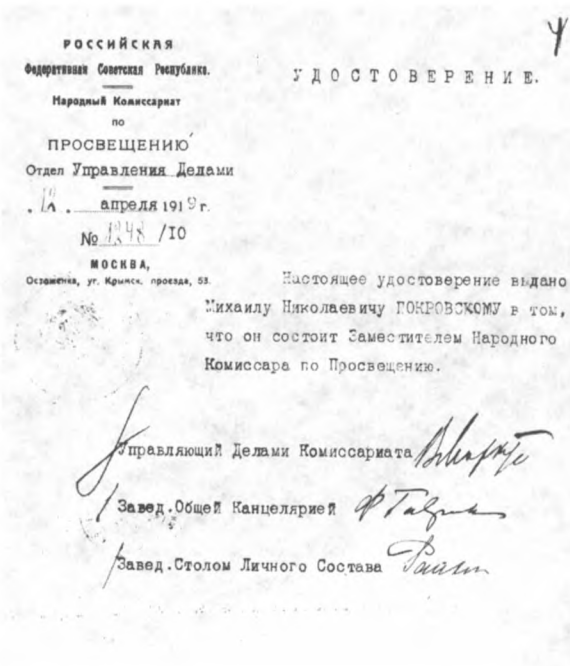
Удостоверение о назначении
М.Н.Покровского комиссаром
по иностранным делам МВРК.
6 ноября 1917 г.

М.Н.Покровский (сидит крайний слева во втором ряду) на переговорах в Брест-Литовске. Январь 1918 г.

Выписка из журнала заседаний СНК Москвы и Московской области о поручении М.Н.Покровскому и А.И.Рыкову. 15 апреля 1918 г.

Удостоверение М.Н.Покровского – заместителя наркома по просвещению. 12 апреля 1919 г.

М.Н.Покровский – заместитель наркома по просвещению РСФСР. 1919 г.

М.Н.Покровский в годы гражданской войны

Глубоко уважаемый
Михаил Николаевич

Еще раз сердечно благодарю Вас за письмо от 11-го апреля в Т.У.С. по вопросу об отпуске. Ясно, что и в дальнейшем продолжении на отдыхе крайне затруднено и поэтому лучше всего, если отпуск будет 1 1/2 года. Надеюсь,

что это предложение скоро преобразуется в некое решение. Буду готов к выполнению, сообразно с возможностями.

С уважением
К.А.Тимирязев

4-го апреля 1919 г.

Письмо К.А.Тимирязева М.Н.Покровскому. 4 апреля 1919 г.

Мил. М.Н. Покровскому
 Мил. М.Н! Всем поздравляю Вас с удаче-
 хами: дружелюбно поправилась моя История
 новая книга "Р.И. в сам. сф. и" Бресса
 каковы спросил и цифрами. Точней, ур-
 аадной интересам. Не до (где), но только
 не работа на сф. сф.р.к.
 Хотелось себе одно исполнение форме
 на История она была указатель (а это дело
на сф.р.к.) редактор Бресса и Кривоногов (на
сф.р.к.) Николай свое имеет, Франсуа Жак Фр.
сф.р.к.р.к.р.к.р.к.; История одежи сф.р.к.р.к.
(куда); История одежи на сф.р.к.р.к.
с указат. сф.р.к.р.к.р.к.
Франсуа дело знает и Франсуа к книгу
и указат., Франсуа на дело Бресса дело
Бресса дело одежи, Франсуа дело сф.р.к.р.к.
Франсуа дело и Франсуа, Франсуа дело и Франсуа
 2.11. (С.В. ураль В.И. Ленин)

Письмо В.И.Ленина
 М.Н.Покровскому с отзывом
 на книгу «Русская история
 в самом сжатом очерке».
 5 декабря 1920 г.

М.Н.Покровский
 и В.И.Ленин на заседании
 III конгресса Коминтерна.
 1 или 5 июля 1921 г.

М.Н.Покровский среди членов коллегии Центрархива РСФСР. 1925 г.

ВЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ) 39
 ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
 №0079711
 Фамилия Покровский
 Имя и отчество Михаил Николаевич
 Год рождения 1868г.
 Время вступления в партию 1905г.
 Наименование организации, выданной билет Москва Район. Райком
 Личная подпись М.Н. Покровский
 Место фотографии 39
 карточки

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1927 год

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь	100	100	<i>Голубин</i>
Февраль	100	100	
Март	100	100	
Апрель	100	100	
Май	100	100	
Июнь	100	100	
Июль	100	100	
Август	100	100	
Сентябрь	100	100	
Октябрь	100	100	
Ноябрь	100	100	
Декабрь	100	100	

Партийный билет М.Н.Покровского

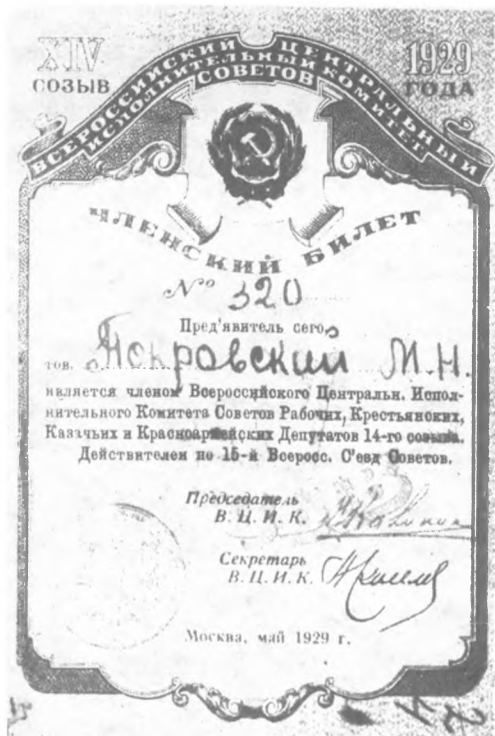

М.Н. и Л.Н.Покровские
(слева на парапете)
на отдыхе в Боржоми. 1927 г.

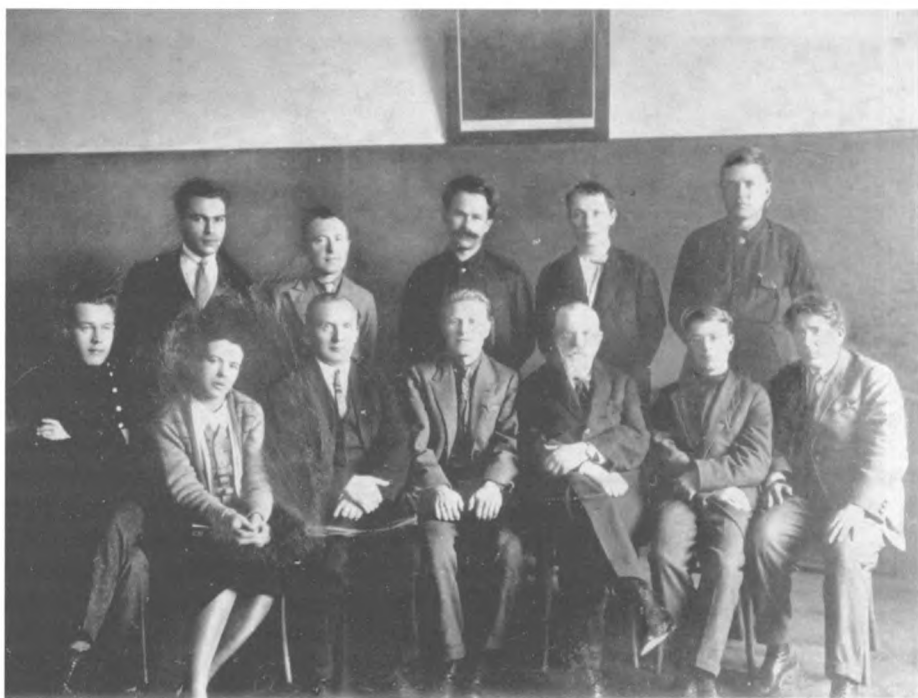

М.П.Покровский, А.В.Луначарский и М.Н.Лядов с бывшими учениками
Каприйской школы. 1928 г.

Удостоверение М.Н.Покровского — члена ВЦИК. Май 1929 г.

М.Н.Покровский и участники его семинара в ИКП. 1929 г.

М.Н.Покровский на экскурсионной прогулке по Берлину. 1930 г.

М.Н.Покровский и его ученик историк П.О.Горин. 1930 г.

М.Н.Покровский на больничной койке.
1931 г.

М.Н.Покровский. 1931 г.

«МИЛЫЙ МОЙ АРАКЧЕЕВЕЦ»

Переписка великого князя Константина Константиновича
с сыном Константином. 1901—1915 гг.

Во второй половине XIX — начале XX вв. династия Романовых насчитывала несколько ветвей, получивших название по именам их основателей. Среди них были Владимировичи, Константиновичи, Михайловичи, Николаевичи. Ветвь Константиновичей именовалась в честь брата Александра II, великого князя Константина Николаевича¹, известного в семье своими либеральными взглядами. Его второй сын, прославившийся как поэт, переводчик, подписывавший свои произведения инициалами К.Р., также получил имя Константин². В 1884 г. Константин Константинович вступил в брак с принцессой Саксен-Альтенбургской, получившей при замужестве титул и имя великой княгини Елизаветы Маврикиевны³. За тридцать один год совместной жизни супруги редко расставались друг с другом, но довольно часто вынуждены были разлучаться с детьми, ослабленные легкие которых плохо переносили климат Петербурга. Многочисленное семейство состояло из шести сыновей и трех дочерей⁴. В личном фонде великого князя Константина Константиновича, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), находится значительный комплекс переписки членов его семьи. В связи с полковыми обязанностями, а с 1900 г. исполнением должности Главного начальника военно-учебных заведений, письма стали нормой межличностного общения в семье Константиновичей. После смерти мужа великая княгиня Елизавета Маврикиевна в беседе с великим князем Андреем Владимировичем отмечала: «С детьми он почти не говорил, и они этим часто печаловались. Я его уговаривала говорить с ними, он так хорошо

¹ Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, второй сын Николая I, генерал-адъютант. Ближайший сподвижник Александра II в его реформах. Участник Венгерской кампании 1848 г., кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1848); с 1855 г. управлял флотом и Морским ведомством. В 1860—1861 гг. председатель Главного комитета по крестьянскому делу. Наместник Царства Польского, председатель Государственного совета (1865—1881). После гибели Александра II — в отставке.

² Константин Константинович (1858—1915) — великий князь, второй сын великого князя Константина Николаевича, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1877). Командовал Преображенским полком (1891—1900), президент Академии наук (с 1899), с 1900 по 1910 г. Главный начальник военно-учебных заведений, с 1910 г. генерал-инспектор военно-учебных заведений.

³ Елизавета Маврикиевна (1865—1927) — великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, супруга великого князя Константина Константиновича. В ноябре 1918 г. вместе с детьми Георгием и Верой и внуками, детьми князя Иоанна Константиновича, уехала в Стокгольм, а затем на родину, в город Альтенбург, где скончалась 24 марта 1927 г.

⁴ Князья императорской крови: Иоанн (1886—1918), Гавриил (1887—1955), Константин (1890—1918), Олег (1892—1914), Игорь (1894—1918), Георгий (1903—1938) и княжны императорской крови: Татьяна (1890—1979), Наталья (10.03.1905—10.05.1905), Вера (род. 1906).

говорил с кадетами, но он всегда отговаривался, что не может говорить со своими детьми, как он откровенно говорил: «Я не умею высказаться». И это отчасти верно. Говорить с ним было трудно. Он редко мог высказать, что думал. Это как-то мало вяжется с его поэтическим талантом, но это было так. И это ужасно жалко. Какое он мог бы иметь влияние на детей!»⁵.

Однако переписка свидетельствует, что великий князь пользовался уважением и доверием детей, которые, как и глава семьи, считали письма лучшей возможностью высказать сокровенные мысли. Так, старший сын, князь Иоанн написал отцу в 1910 г.: «...я говорю тебе все, что у меня лежит на душе. Письменно мне легче говорить»⁶. Отношение самого великого князя к переписке раскрыто в письме к сыну Константину: «Не могу одобрить твоей неосновательной отговорки в письме к Мама, будто бы не о чем писать. Писать приличные письма — долг всякого просвещенного человека; не уметь найти содержание письма — стыдно; а потому, хочешь не хочешь, а изволь писать еженедельно и смотри на это как на обязанность»⁷.

Столь строгий выговор был адресован четвертому ребенку в семье великого князя, князю императорской крови Константину Константиновичу, родившемуся 20 декабря 1890 г. и получившего имя своего деда.

За долгие годы в семье Константиновичей выработалась привычка обращаться друг к другу в домашней обстановке уменьшительными именами и прозвищами, напоминая о своеобразии характера детей, их внешнем виде, увлечениях и т.д. Дети обращались к родителям Пусь или Паскин, Мусь или Маскин. Сын Иоанн подписывал письма Первенец, дочь Татьяна — Тусь, Константин — Косточка, а в детстве — Кругляшкин, Игорь — Мачупанский. Позднее, живя в эмиграции, Татьяна Константиновна описала забавные происшествия, связанные с именем брата Константина: «По четвергам мы, вместо послеобеденных уроков, ездили осматривать музеи, фабрики, всякие достопримечательности, и там обыкновенно были книги для посетителей. Когда доходила Костина очередь подписаться, он путал буквы, вздыхал, почти плакал: "Ах, зачем мне дали такое длинное имя"»⁸.

Князь получил традиционное для мужских представителей императорской фамилии военное образование. В апреле 1901 г. он прошел экзаменационные испытания на право поступления в 1-й класс кадетского корпуса. Один из сыновей великого князя, Гавриил, объяснил в мемуарах подход отца к вопросу выбора кадетского корпуса, в списки которого он зачислял сыновей: «Отец определял нас в корпуса по их старшинству: Иоанчика, как старшего, — в самый старший корпус, а меня — в следующий по старшинству. Когда дошла очередь до братьев, Константин зачислили в Нижегородский, Олега — в Полоцкий, Игоря — в Петровско-Полтавский и, наконец, Георгия — в Орловский Бахтина»⁹. Нижегородский кадетский корпус носил имя графа А.А.Аракчеева и после зачисления Константина отец в письмах часто обращался к сыну «мой аракчеевец».

С 1902 г. великий князь разрешил двум сыновьям, князьям Олегу и Константину, посещать некоторые уроки в Александровском кадетском корпусе в Петербурге, чтобы приучить детей к общению со сверстниками, так как по принятому обычаю князья проходили обучение в домашних условиях. С 1 июня 1903 г. вели-

⁵ Андрей Владимирович, великий князь. Дневник. Л., 1925. С. 102.

⁶ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 154. Л. 121.

⁷ Там же. Д. 670. Л. 36.

⁸ См.: Сборник памяти великого князя Константина Константиновича поэта К.Р. Париж, 1962. С. 58.

⁹ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 33 (Великокняжеский титул Гавриил Константинович получил в 1939 г.).

кий князь Константин Константинович назначил воспитателем сыновей сотника Алексея Михайловича Максимова, до этого занимавшего должность воспитателя Донского императора Александра III кадетского корпуса в Новочеркасске. Из-за ослабленных легких князья провели 1904/1905 учебный год в Ливадии, откуда А.М.Максимов посылал великому князю подробные отчеты об успеваемости и поведении князей.

7 октября 1904 г. сотник писал великому князю: «Больше всех пришлось потрудиться, конечно, Константину Константиновичу, и самый трудный для него опрос (по объему и содержанию) был по истории. Тут ему пришлось столкнуться с такими вопросами как “Культура, прогресс, религия” и т.д. При его сравнительно небольшой начитанности и затруднительности связно излагать свои мысли, ему стоило больших трудов, чтобы во всех отношениях, как следует, справиться с таким трудным опросом: последний сошел очень удачно. [...] Вообще учебная сторона дела у младших детей идет гладко, без задержек. Есть успехи по алгебре и геометрии и у Константина Константиновича, но все же, эти предметы даются ему с трудом. Упрекнуть же Константина Константиновича в недостатке старания никак нельзя: он делает все, что может»¹⁰.

Такое отношение к учебе вскоре принесло результаты, и 25 октября А.М.Максимов отметил в письме к великому князю: «Больше всего надо порадоваться за Константина Константиновича. Несмотря на неудачное начало по алгебре и задержку с географией, опросы по этим предметам сошли у него очень хорошо. Да и вообще, Константин Константинович в умственном отношении начинает — становится у него не редкостью; и все это скромно, уместно»¹¹. В конце учебного года сотник подвел итоги успеваемости детей: «В разговоре по поводу истекшего учебного года (после годовых опросов) с большой похвалой о Константине Константиновиче отзывались: законоучитель, г[осподин] Тьешь и преподаватель рисования. Последние два находят, что у него есть «искорка», «талант», а преподаватель рисования, кроме того, предсказывает в нем будущего художника»¹².

На воспитании молодых Константиновичей не мог не отразиться тот факт, что их отец, великий князь Константин Константинович, находясь на посту Главного начальника военно-учебных заведений, осознавал необходимость изменений в воспитании военной молодежи. Так, по мнению великого князя, манифест 17 октября 1905 г. требовал правильного истолкования и объяснения учащейся молодежи авторитетными юристами. Несмотря на несогласие военного министра А.Ф.Редигера¹³, Константин Константинович поручил видному юристу, профессору Военно-юридической академии Михаилу Михайловичу Бородкину написать руководство по данному вопросу. Генерал от инфантерии Н.А.Епанчин, возглавлявший в то время Пажеский корпус, отмечал в воспоминаниях: «Руководство Михаила Михайловича было принято в военных училищах, и будущие офицеры впервые узнавали, что такое государственное право. С уходом великого князя от поста Главного начальника военно-учебных заведений и с заменой его генералом Александром Федоровичем Забелиным, руководство это было изъято и чтение лекций по этому вопросу было прекращено. Результат: когда перед революцией 1917 г. и в начале ее, т.е. в февра-

¹⁰ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 397. Л. 30—31.

¹¹ Там же. Л. 34об.

¹² Там же. Л. 19.

¹³ Редигер А.Ф. (1853/54—1918) — генерал от инфантерии (1907). В 1905—1909 гг. военный министр, подготовил и начал проведение военной реформы 1905—1912 гг.

ле—марте этого года, агитаторы сбивали с толку солдатскую массу, офицеры не могли дать солдатам основательных объяснений, да и сами отвлекались влево»¹⁴.

Внимательное отношение великого князя Константина Константиновича к вопросам воспитания изменило подход к воспитательному процессу внутри его собственной семьи. Инициатором нововведений стал полковник Николай Николаевич Ермолинский, адъютант великого князя, которому в апреле 1908 г. было поручено общее руководство воспитанием и образованием трех младших князей — Константина, Олега и Игоря. В великокняжеской семье Н.Н.Ермолинский быстро вошел в круг близких друзей молодых князей, которые называли его Николаус. Как отмечал в мемуарах князь Гавриил Константинович, Н.Н.Ермолинский был новатором в воспитании и образовании его младших братьев: «Благодаря Ермолинскому, Костя, а за ним и Игорь, поступили в Пажеский корпус, в специальные классы. Поступление моих братьев в Пажеский корпус тоже было новшеством, так как не было принято, чтобы члены императорской фамилии были пажами. Конечно, ни Костя, ни Игорь не носили на высочайших выходах шлейфы великих княгинь»¹⁵.

В одном из писем великому князю Н.Н.Ермолинский, сообщая об успехах князей, писал: «Вообще, не могу не благословить дня, когда Ваше Императорское Высочество разрешили моим двум августейшим воспитанникам работать самостоятельно в кругу сверстников. При этом воспитании являются решительно другие люди, более упорные в борьбе, более стойкие в труде, более обыкновенные и понятные для окружающих, чем воспитывающиеся в теплицах, вдали от себе подобных. Дай Бог теперь только здоровья моим милым князьям, а я почти глазами вижу, как крепнут их убеждения, как развиваются их мозги и как, не роняя нисколько собственного достоинства, они сближаются с окружающей их средой»¹⁶. И действительно, различие в воспитании старших и младших князей Константиновичей проявилось, когда они закончили обучение. Князь Гавриил отмечал, что его младших братьев воспитывали гораздо более самостоятельными, «и потому они, выйдя в офицеры, чувствовали себя куда лучше, чем мы с Иоанчиком»¹⁷.

После окончания Пажеского корпуса встал вопрос о выборе полка, где князь Константин должен был начинать военную службу. Его сестра Татьяна описала колебания брата при выборе полка: «Он никак не мог решиться, в какой полк поступить. Тогда отец помог ему: «Тебе уже пора форму заказывать. Если ты до сих пор не знаешь, то я желал бы, чтобы ты поступил в мой любимый пехотный л.-гв. Измайловский»¹⁸.

Начало дружеских отношений с измайловцами было положено службой великого князя в его рядах, где он командовал «государевой ротой». В период службы Константина Константиновича в полку он явился одним из организаторов литературных вечеров, получивших название «измайловских досугов». Уже не служа в полку, великий князь постоянно поддерживал связь с офицерами, интересовался изменениями в кадровом составе, тематикой «досугов». Многие измайловцы стали друзьями великого князя. Один из них — полковник Петр Васильевич Данильченко, который служил под началом Константина Константиновича и был активным уча-

¹⁴ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 333.

¹⁵ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 83.

¹⁶ «...При этом воспитании являются решительно другие люди...» Письма сыновей и их учителей великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елизавете Маврикиевне // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 110.

¹⁷ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 49.

¹⁸ Сборник памяти... С. 58.

стником «измайловских досугов». В 1914 г. он, по поручению великого князя, занимался организационной частью постановки драмы Константина Константиновича «Царь Иудейский» в Эрмитажном театре. В эмиграции П.В.Данильченко посвятил себя популяризации творчества великого князя. Благодаря его инициативе в 1962 г. Совет общекадетских объединений за рубежом выпустил «Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэта К.Р.», посвятив его столетию со дня рождения августейшего поэта.

Вступив в ряды полка, сын постоянно сообщал Константину Константиновичу последние новости. Как видно из писем ближайшего окружения семьи великого князя — Н.Н.Ермолинского, Р.Ю.Минкельде и самого князя Константина, он сумел найти общий язык с однополчанами. В 1910 г., в период болезни князя, его ежедневно посещало 50 человек товарищей-измайловцев. Врачу пришлось перевести больного в Стрельну, чтобы не утомлять князя.

После поступления в полк князь Константин становится членом «измайловских досугов», к участию в которых его подготовили исторические музыкально-литературные встречи, организованные в 1908—1911 гг. для детей великого князя в Павловском и Мраморном дворцах. Среди актеров любительских спектаклей были князь Константин, Олег, Гавриил, княжна Татьяна и другие лица. В личном фонде великого князя сохранились программы спектаклей, из которых явствует, что в качестве зрителей на них присутствовали не только родители и придворные, но и государь в сопровождении почти всей императорской фамилии. Актерский опыт пригодился князю Константину в 1914 г., когда на сцене Эрмитажного театра состоялась постановка драмы К.Р. «Царь Иудейский», считавшаяся очередным «измайловским досугом». Главную роль Иосифа Аримафейского исполнил сам автор, князь Константин — роль Префекта, князь Игорь — роль Руфа, князь Иоанн участвовал в спектакле, руководил хором.

С 1912 г. князь Константин серьезно увлекся агротехникой и начал совмещать военную службу, которая по-прежнему занимала большую часть его времени, с лекциями по землеустройству. Получив согласие отца на создание в Павловске молочной фермы, князь решает не ограничиваться организацией «лавочки с продажей молока», а попытаться устроить образцовое молочное хозяйство. 16 марта 1914 г. Константин в письме к родителям подвел итоги первого года хозяйствования, указав на большие расходы в связи с высокими ценами на материал: «Но бросать дело не хочется, так как на него уже ушло много труда и денег, и результаты довольно утешительные»¹⁹.

Начало Первой мировой войны резко изменило жизнь Константиновичей. 3 августа 1914 г. князь Константин отбыл с полком на фронт. В отличие от трех братьев — Гавриила, Олега, Игоря, служивших в л.-гв. Гусарском полку, князь Константин не только не видел родных лиц, но и долгое время не имел никаких известий о братьях. 15 сентября в письме к отцу князь признался: «Часто досаждаешь на то, что на том фронте братья воюют вместе, а я один. Спасаясь только тем, что берешь себя в руки и стараешься об этом не думать»²⁰. В письме к «дорогой теньке» — греческой королеве, великой княгине Ольге Константиновне, князь Константин просил: «Так хочется знать про братьев. Если будете мне писать, пожалуйста, упоминайте про них. Если же будете им писать, напомните им, что я существую, и чтобы прислали о себе весточку»²¹.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 28—28об.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ ГА РФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 76. Л. 10.

Увидеть родных князю удалось после сообщения о гибели его брата князя Олега Константиновича 29 сентября 1914 г. После похорон Константин вернулся в полк. Измайловцы, сочувствуя горю великого князя, стремились поддержать его, предоставляя князю Константину возможность навещать родителей. 30 декабря 1914 г. великий князь отметил в дневнике, что в городе «совершенно неожиданно для нас к нам в вагон вошел наш новый Георгиевский кавалер — Костя. Мы думали, что он в действ[ующей] армии, а он приехал на несколько дней сюда, краснощекий, пополневший»²².

Первоначально официальные сообщения содержали информацию о награждении князя Георгиевским оружием: «Лейб-гвардии Измайловского полка флигель-адъютанту, поручику Его Высочеству Князю Константину Константиновичу за то, что с отличным мужеством и храбростью во время боев 21/27 августа 1914 года, при поражении 10-го австрийского корпуса, состоя ординарцем при командире полка, пренебрегая явной опасностью, с полным успехом неоднократно под сильным огнем исполнял ответственные поручения, передавая приказания начальникам боевых участков и выясняя на месте положение наших и неприятельских сил, чем содействовал успешному исходу боев»²³.

В письме к отцу от 23 декабря князь Константин пояснил, что начальник дивизии написал на реплихи, что считает его достойным Георгия. «Собственно говоря, я, по-моему, не подхожу под статут. С другой стороны, раз Царь мне пожаловал крест, я молчу и буду стараться оправдать эту великую царскую милость»²⁴.

2 июня 1915 г. великий князь Константин Константинович скончался. Чтобы поддержать мать, сыновья старались чаще приезжать в отпуск. Генерал-майор Б.Н.Геруа писал в воспоминаниях о событиях февраля 1916 г.: «Во время переезда, к полку снова прибыл уезжавший в отпуск князь Константин Константинович. Когда в бытность мою в Петрограде я представлялся великой княгине Елизавете Мавриковне, она все извинялась, что сын Костя не все время в рядах полка. Я старался из всех сил убедить великую княгиню, что князь сделал уже в боевом отношении достаточно, и мы должны его поберечь. Кто знал, какая страшная драма ожидает этого цветущего юношу в недалеком будущем»²⁵.

В 1917 г. князь Константин Константинович написал духовное завещание, утвержденное 22 февраля Николаем II. Кроме распоряжений, относящихся к недвижимости, капиталу, учреждению пособий, было оговорено желание князя о месте его погребения: «В случае кончины моей в бою или от ран, полученных в сражениях, завещаю хоронить себя в склепе при Свято-Троицком л.-гв. Измайловского полка соборе, в случае же кончины моей от причин, не относящихся к военным действиям, завещаю хоронить себя в вотчине Осташево-Долгие-Ляды тоже»²⁶. Последнее указание относится к имению в Московской губернии, где был похоронен младший брат князя Константина, Олег.

26 марта 1918 г. в «Красной газете» был опубликован декрет, где говорилось о явке в трехдневный срок Романовых в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и их последующей высылке. В мае великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князь Иоанн Константинович с супругой, княгиней Еленой Петровной, князь Константин, Игорь Константинович, князь Владимир Палей были перевезены в Алапаевск, расположенный неподалеку от Екатеринбурга. В ночь с 17 на 18 июля алапаевские узники были сброшены в шахту.

²² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 65. Л. 60об.

²³ Летопись войны 1914—1915 гг. Пг., 1915. № 44. Официальный отдел. С. 86.

²⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 39об.

²⁵ Геруа Б.Н. Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 г. // Военно-исторический вестник. Париж, 1965. № 25 (май). С. 11.

²⁶ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1078. Л. 2об.

При этом выстрелом в голову был убит Сергей Михайлович, остальные Романовы в течение двух—трех дней умирали от ран. Их останки в 1919 г. были перевезены белогвардейцами в Читу. Оттуда колчаковцы доставили гробы в Харбин, а затем — на территорию Русской духовной миссии в Пекине (ныне там находится посольский комплекс Российской Федерации). 16 апреля 1920 г. в склепе храма Всех святых мучеников были помещены гробы с останками Романовых, кроме праха Елизаветы Федоровны и ее послушницы Варвары Яковлевой, перевезенные по настоянию сестры великой княгини в Иерусалим.

В 1956 г. при перепланировке территории миссии, переданной СССР, церковь и другие старинные постройки пошли на слом, а останки предположительно были перенесены на православное Свято-Серафимовское кладбище XVIII в., располагавшееся неподалеку от миссии. В конце 80-х гг. на месте кладбища был разбит парк отдыха «Озеро молодежи», некоторые дорожки и скамейки которого изготовлены из каменных надгробий. Точное место захоронения алапаевских мучеников остается неизвестным до настоящего времени.

В публикацию включена переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином, хранящаяся в ГА РФ (Ф. 660. Оп. 2. Д. 164 и 670) и представляющая собой рукописные оригиналы писем за период с 1901 по 1915 гг.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т.А.ЛОБАШКОВА.

І. Письма великого князя Константина Константиновича сыну Константину

№ 1

Стрельна

3 июня 1901 г.

Милый мой кадетик, когда в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе получили мой приказ о твоём зачислении в списки кадет, твои новые однокашники очень обрадовались и телеграфировали мне об этом, а я им ответил, что надеюсь, что ты с честью будешь носить корпусной мундир. Здесь неподалеку от Стрельны, в Ижорке на даче живут два кадета аракчеевца, но я их еще не видал. И вообще здесь проводят лето многие кадеты, все больше петербургских корпусов; мы с братцами катаемся на велосипедах и отыскиваем кадет: есть и прошлогодние знакомые. В Петергофский лагерь скоро приедут кадеты 1-го корпуса и 2-го, и я опять буду приглашать их к нам в Стрельну.

Спасибо тебе за твои милые письма. Сегодня я узнал, что бедный Мг. Тіеche¹ нездоров; поклонись ему от меня и пожелай поскорее поправиться.

Христос с тобой.

Твой Папа Константин

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 16—17об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Стрельна

3 июля 1904 г.

Милый мой аракчеевец, доктора полагают, что Анмама² нельзя будет перевезти на дачу. Для здоровья Иоанчика и особенно Гаврилушки³ необходим чистый заго-

родный воздух, и вот ради их мы решились переехать в Стрельну. Три раза в неделю, в те дни, когда мне приходится бывать в городе по службе, Мама будет тоже ездить в Петербург и сменять оставшуюся при Анмама тетю Олю⁴, чтобы дать и ей возможность побывать за городом у тети Минни⁵ или Минулины⁶. 30 июня мы с Мама, братцами и Христо⁷ в 3 ч. поехали с поездом в Стрельну. Маленький Георгий⁸ переехал с Икой⁹ и кормилицей пораньше в ландо. Он в восторге здесь; ему особенно нравятся ступеньки, ведущие из вашей спальни на балкон, а в саду радуют его птички. Софья Николаевна¹⁰ и Мг. Тiesche тоже переехали, мы завтракаем и обедаем с ними. Ездили в Михайловское, Знаменку и Сергеевку с визитами.

Я подарил Гаврилушке такую же тетрадь с замочком для дневника, как у Олега и Игоря¹¹, и он хочет начать писать в ней с сегодняшнего дня. Сейчас еду в Мраморный проститься с Анмама и тетей Олей, а в 7 ч. уезжаю в Киев к тамошним юнкерам и кадетам. У нас третий день жаркая погода, два дня дул теплый, но очень сильный ветер, а сегодня совсем тихо. Христос с тобой.

Твой Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 18—19об. Подлинник. Рукопись.

№ 3

Мраморный

10 октября 1904 г.

Милый мой аракчеевец, Татиана¹² приехала вчера вечером; я встретил ее на вокзале. Дорогой, кажется в Харькове, в ее вагоне сломалась рессора и ей пришлось пересест в другой.

Радуюсь, что занятия идут у тебя хорошо. У Татианы уроки начнутся 12-го; теперь она устраивается в ваших комнатах. На новоселье Настенька¹³ прислала ей в виде хлеба-соли шоколадный пирог с внутренностью из яблочной пастилы. У нас погода постепенно портится, становится все холоднее, сыро и темно.

Лелю Чулкова я здесь еще не видел; все собираюсь за ним послать. Дней пять назад д[окто]р Федоров вырвал мне громадный зуб; когда его рвали, больно не было, благодаря впрыскиванию кокаина в десну, но теперь побаливает. У Мама был насморк и кашель, но теперь проходит. Она еще не выходит на воздух. Здоровье Анмама все также.

Настин брат Боря поступил вольноопределяющимся лейб-гвардии в Егерский полк. Александра Никол[аевна] Зеленая уезжает в санаторию в Гельсингфорс. Сегодня обедал у нас дядя Гага.

После переезда в город я был уже на двух свадьбах и на одних похоронах.

Христос с тобой, милый мой Кругляшкин.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 20—21об. Подлинник. Рукопись.

№ 4

Мраморный

16 декабря 1904 г.

Дорогой мой Костя, это письмецо должно тебя поздравить с днем рожденья, но, к сожаленью, опаздает к 20-му. Желая тебе на 15-м году умнеть, становиться добрее, примернее, внимательнее и рассудительнее. Шутка ли, 15-й год. Уже совсем большой мальчик, почти молодой человек. Благослови Бог все твои хорошие намерения; а в них, наверно, у тебя нет недостатка. Как-то Т[атьяна] В[асильевна]¹⁴ была нездорова, и мы с Татианой вдвоем пили утренний кофе в полутемной столовой, в углу на приступке; в большом камине трещали дрова, и было так уютно. Татiana учится хорошо, и учителя довольны.

Не так давно приехал А.П.Молас. Бывших в Остаеве лошадей купили преображенцы Дальсаль и Гольтгоер¹⁵ и генер[ал] Порецкий. У меня что-то особенно много дела, а потому уже сколько времени все не удавалось написать никому из вас. Начнешь ли ты писать свой дневник в тетради, которую я тебе подарил?

Мама, наконец, отделалась от насморка и кашля, но на воздух еще не выходит. Выпало много снега, теперь отличный санный путь, и стоит порядочный мороз. С 8—11 декабря я пробыл в Павловском корпусе и вернулся сюда прямо на праздник Пажеского корпуса. Вечером был там на концерте. Твой Аракчеевский директор, а также директор Макшеев¹⁶ получили к Николину дню Станиславскую ленту. Хорошо бы тебе поздравить их с монаршею милостью. Как скучно, что на Рождество мы не будем вместе! Очень бы хотелось к вам приехать, да не знаю, удастся ли. Христос с тобой.

Кланяйся милым вашим.

Твой старый Путь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 22—23об. Подлинник. Рукопись.

№ 5

Мраморный

7 января 1905 г.

Милый мой Костя, начинаю этот листок за несколько минут перед завтраком. Очень, очень мы здесь рады, что твои занятия идут успешно и ты, вероятно, гладко перейдешь в V класс. Спасибо за письмо от 30 декабря.

Сегодня в ночь здесь в Мраморном скончалась камерюнгфера Ан-мама Клара Александровна. Теперь вечер. 8 1/2 часов. У нас завтракал Петя Ольденбургский¹⁷, Дяденька¹⁸ тоже был. Днем я ездил к Варваре Ильиничне, но, представь себе, разговора о «Карлуше» не было. В 7 ч[асов] Мама и я были у Клары Александровны: пастор сказал проповедь, все простились с покойницей, гроб закрыли и унесли. Татiana обедала у себя, т.к. потом было у меня чтение, а мы с Мама обедали вдвоем.

В Татианино рождение повезем твою сестрицу в «Руслана и Людмилу». Я еще не знаю, что подарить ей.

Сейчас еду к Измайловцам на один из вечеров, называемых «измайловскими досугами», по случаю 20-летия их существования. Все чтения заранее распределены между чтецами. Мне придется произнести наизусть «Кассандру» Полонского и два моих стихотворения. Прочтем также одну сцену из Гамлета. Когда-нибудь, когда ты будешь побольше, если захочешь, мы и тебя пригласим на такой вечер.

Мама здесь, в моем кабинете, болтает с Туськой.

Мне сейчас пора ехать. Христос с тобой, милый мой мальчик.

Твой старый Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 24—25об. Подлинник. Рукопись.

№ 6

Петербург

18 февраля 1905 г.

Дорогой Костя, Мария и Дмитрий¹⁹ часто тебя вспоминали и спрашивали про тебя, когда я был в Москве. Они очень грустят о дяде и радовались приезду отца. Я нарочно не поехал на вокзал встречать д[ядю] Павла²⁰, чтобы не стеснять детей при свидании с ним. Дядя Павел оставался в Москве до 9-го дня по кончине д[яди] Сергея²¹, побывал в Петербурге и Царском, навестил нас с Мама и уехал в Париж. Ему теперь позволено приезжать от времени до времени в Россию. Он скоро опять придет и будет помогать тете Элле²² при разборке вещей и бумаг покойного дяди. Дети останутся у т[ети] Эллы, чтобы ее утешать. Дмитрий в Фанагорийском мундире дежурил у гроба почти на всех панихидах. Больно было смотреть на встречи т[ети] с близкими, которые постепенно съезжались в Москву: много все мы пролили слез. Особенно горько было видеть свидание тети с д[ядей] Павлом, который совсем растерянный от печали. Гроб д[яди] Сергея еще не предан земле, а оставлен в одной из небольших церквей Чудова монастыря. Еще неизвестно, где и когда будут хоронить: вероятно, в Москве и не ранее весны.

Татиане в первый раз завели черное платье. Она много плакала о своем крестном.

Как приятно слышать, что ты хорошо учишься и, вероятно, перейдешь в V класс.

Маленький Георгий такая прелесть; он все понимает, но говорить еще не может. У Селезнева родился сын Василий. Надеюсь, что день 19 февраля пройдет у вас спокойно. Здесь тоже предсказывают уличные беспорядки на это число.

Христос с тобой.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 26—27об. Подлинник. Рукопись.

№ 7

*Петербург**9 марта 1905 г.*

Милый мой аракчеевец, эти строки, должно быть, попадут тебе в руки в самый день твоего корпусного праздника и принесут мои сердечные поздравления. Завтра, нет, послезавтра, будет год, как мы с тобой уехали из Аракчеевского корпуса. Думаю, что ты с удовольствием вспоминаешь проведенные там дни. Вчера был я в корпусе Александра II и попал на урок русского языка к г. Яковлеву в твое I отделение IV класса. Сидел подле Полидорова на самой задней парте. Братья Томашевичи (или Товашевские?) говорили наизусть «Воздушный корабль» Лермонтова. Бекаревич идет первым учеником. Мне сказали, что ты писал Черно книжникову. Сегодня ездил в дрожках с Татианой к тете Михен²³, чтобы навестить гостящую у нее тетю Мари²⁴. Мы застали обеих вместе. Потом прокатился с Татианой по Невскому. По вечерам Татиана обыкновенно остается с нами, в моем маленьком кабинете и читает, сидя в кресле между окном и дверью; я работаю за письменным столом, а Мусь сидит напротив меня. Теперь обе они уже ушли спать и я один. Мне очень понравились твои мысли по поводу распустившегося у тебя в комнате гиацинта. Поблагодари Алексея Михайловича за его милые письма.

Христос с тобой.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 28—29об. Подлинник. Рукопись.

№ 8

*Мраморный**19 апреля 1905 г.*

Воистине Христом воскрес, милый мой Костя. Спасибо тебе за письмо и яичко, которые получены вчера. Давно собирался тебе написать, да все не находил времени. Как-то идет у тебя алгебра? Надеюсь, что ты благополучно пройдешь курс твоего класса и перейдешь в следующий.

Жалко мне, что у тебя часто повторяются головные боли. Думаю, что ты их отчасти унаследовал от меня, но что они также очень зависят от состояния желудка. Тебе надо внимательно следить за собою в пище. Помню, что и у меня в Крыму головные боли усиливались. На Страстной неделе мы с Татианой почти ежедневно гуляли пешком: во вторник вместе отстояли обедню в Лавре, а днем ходили на богомолье в Казанский собор; в среду ходили в Петропавловский собор и в часовню Спасителя, а в четверг после причастия в Лавру и по дороге зашли осмотреть Екатерининский костел на Невском. В субботу, пользуясь чудесной теплой погодой, опять гуляли, встретили нескольких юнкеров-павловцев и болтали с ними.

Летом надеемся жить в Павловске, где уже так давно не удавалось бывать.

До свидания, милый мой Костя. Кланяйся М.И., А.М. и Э.Э.²⁵

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 30—31об. Подлинник. Рукопись.

№ 9

Ярославль

5 октября 1906 г.

Милый Костя, сегодня, по случаю праздничного дня, был в парадной форме в здешнем соборе на архиерейском богослужении, потом на соборной площади принял церковный парад от всех частей здесь расположенных, с 1-й ротой корпуса со знаменем во главе. Провозгласил «Ура!» Государю, Императрицам и имениннику Наследнику. Был на молебне в сотне 30-го Донск[ого] казачьего полка по случаю праздника Донского войска. Завтракал у губернатора. Вечером был в корпусе. В полночь, как Золушка, незаметно исчезну из корпуса и еду дальше на Москву в Симбирск.

Христос с тобой.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 32—32об. Подлинник. Рукопись.
Худ. открытка.

№ 10

Нижний Новгород, в твоём корпусе

12 октября 1906 г.

Милый Костя, вот я и в Аракчеевском корпусе! Пишу в той самой угловой^а комнате директорской квартиры, где в марте 1904 г. прощался с тобою перед отъездом в Симбирск и Казань. У некоторых твоих товарищей по классному отделению есть уже усы, а иные, такие же молодые на вид, как наш Кругляшкин. Приехал утром, до 3-х часов ходил по классам. Жалею, что тебя здесь нет со мною.

Христос с тобой.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 34—34об. Подлинник. Рукопись.
Худ. открытка.

№ 11

Стрельна

13 июля 1908 г.

Милый Костя, хотя ты и не удостоил меня ни одним письмом, пишу тебе перед отъездом из Стрельны. Едем вечером с Татианой, кото-

^а Далее зачеркнуто слово «квартира».

рую в Москве встретит Т[атьяна] В[асильевна] и повезет к себе в деревню. А я отправляюсь в Казань, через Москву в Киев, Одессу, Елизаветград и на обратном пути возьму Татиану.

Сегодня, в честь именин Гаврилушки, у нас завтракало несколько гусаров. Гуляли по саду, любовались розами, которые во всей красе. Стоит чудесная жаркая погода. Т[етя] Оля поселилась у нас в Стрельне и будет пить воды.

Я испрашивал тебе у Государя разрешение на поступление в младш[ий] специальный класс Пажеского корпуса и Царь соизволил на это с тем, чтобы ты не нес придворной службы. Итак, вопрос, в какой тебе ходить форме, решен: с 1 сентября будешь шеголять в каске. Не могу одобрить твоей неосновательной отговорки в письме к Мама, будто бы не о чем писать. Писать приличные письма — долг всякого просвещенного человека: не уметь найти содержания письма — стыдно; а потому хочешь не хочешь, а изволь писать еженедельно и смотри на это как на обязанность. Понял?

Окончив корпус, пора бы тебе знать, что «стыны» надо писать через ь, а не «стены», как ты написал недавно. В особом конверте посылаю Н[иколаю] Н[иколаевичу] записку Мг. Bailly Compte с перечнем достопримечательностей Парижа; будет из чего выбирать, что осматривать. Скажи Н[иколаю] Н[иколаевичу]²⁶, что в поездке кроме Няни Миши будет меня сопровождать кн. Шаховской.

Христос с тобой. Обними Иоанчика, кланяйся Николаю Николаевичу и Онисимову.

Твой Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 35—36об. Подлинник. Рукопись.

№ 12

14 мая 1909 г.

Привет из Хабаровска.

Пусть

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 37—37об. Подлинник. Рукопись.
Худ. открытка.

№ 13

Осташево

14/27 августа 1909 г.

Милый Костя, я давно в долгу у тебя; еще не благодарил за письмо из Châtel Guyon. Оно застало меня в Питере, куда, по возвращении с Мама из-за границы, я отсюда ездил на пять дней, чтобы присутствовать на Преображенском празднике и на производстве в офицеры, а также, чтобы повидать т[етю] Олю. Жил я в Мраморном, так как в Пав-

ловске теперь нет хозяйства. Твоих товарищей видел 6-го, когда их производили, и на другой день в корпусе, где они мне являлись уже офицерами. Багратиона²⁷ поцеловал, поблагодарил за хорошее исполнение обязанностей фельдфебеля и поздравил от Татианы. В самый день производства Роман Кнорринг (теперь синий кирасир) явился в грязной неформенной рубаше и был посажен под арест. В последний день, перед отъездом в Осташево, мы с т[етей] Олей и Иоанчиком, отстояв обедню в Мраморном, съездили в Павловск. Завтракали у Герингов, на их уютном балконе. Там был и Сабуров. Погода стояла чудесная. Мы погуляли по саду, любовались цветниками. Перед моими окнами розы красовались во множестве в полном цвету. Вокруг маленького мраморного Татианина балкончика душистый горошек пышно разросся малиновыми и розовыми цветами; в новой семейной рошице ярко краснела грядка с маком. В цветниках у липовой аллеи обилие гелиотропа. Словом, Павловск был во всей красе. Пили чай опять у Герингов, отстояли на хорах часть всенощной и расстались. Я поехал сюда с Д.А.Соколовым, который сменил д[окто]ра Пивоварова. Иоанчик по окончании маневров едет на свадьбу Багге, проведет дней пять у нас в Осташеве и отправится в Крым, куда пригласили его в Харакс д[ядя] Георгий²⁸ и Минулина. Здесь он будет жить в комнате Татианы. Я пригласил погостить у нас несколько дней кавалерийского юнкера, брата конно-гренадера Петруна (Петржкевича). На мою телеграмму ответил старший брат; я не знал, что он не в полку, а в имении, не так далеко от нас. Оба брата будут сегодня и поместятся в комнате, где жил д[окто]р Острогорский.

Христос с тобой. Кланяйся «Тете». Нашли ли вы Воеводского?

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 38—39об. Подлинник. Рукопись.

№ 14

Бад Вильдунген^a

19 мая / 1 июня 1912 г.

Милый Косточка,

хотелось бы, чтобы это письмо попало бы в твои руки в самый день наших именин. Поздравляю тебя и целую в пухлые щеки. Совсем ли ты поправился и когда перебрался в лагерь? Знаю от Татианы, что ты возил к ней в Стрельну в своем моторе Георгия и Веру²⁹.

Пожалуйста, попроси П.В.Данильченко составить список офицерам полка, которым можно предложить роли в моем «Царе Иудейском» и тем, которые сами предложили себя на бессловесные роли. Список этот пришли мне, а я здесь подумаю, как распределить; это легче сделать, имея список перед собою.

Вильдунген все такой же, каким ты его видел 4 года назад. Наш Fürstenhof немного вырос, раздался в стороны; надстроены еще две башни, а внизу, вправо от подъезда к наружной стене пристроена длин-

^a На бумаге оттиск: Fürstenhof und Hotel Goecke.

ная обширная стеклянная галерея для table d'hôt'a. Там мы вчетвером и обедаем и ужинаем, а я с Р[обертом] Ю[льевичем]³⁰ по утрам пью кофе. Роберт третьего дня уехал к родным в окрестности Берлина и вернется завтра. Народу у источника множество, но знакомых только две сестры гр[афини] Голенищевы-Кутузовы, камер-фрейлины. Вчера они с нами обедали. Приехал старый герцог Саксен-Мейнингенский. Погода поправилась; после дождя и осеннего холода стало солнечно и тепло.

Напиши, как тебе живется. Кланяйся всем в полку. В Троицу Роберт подал Мама великолепный букет красных роз от полка.

Христос с тобой.

Твой Путь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 40—41об. Подлинник. Рукопись.

№ 15

Осташево

13 июля 1912 г.

Милый Костя, приближается 6 августа, и сын Роберта Юльевича³¹ будет произведен в офицеры. Он мой крестник и мне бы хотелось сделать ему подарок. Пожалуйста, побывай в магазине Верфеля и присмотри прибор для письменного стола из березы с каким-либо камнем, по твоему вкусу. В прибор должны входить: чернильница, пара подсвечников, разрезной нож, пресс-папье и катушка с пропускной бумагой.

Сейчас после производства позови Эги к себе в барак и передай ему от меня перечисленные вещи.

Живется нам здесь тихо и мирно. Игорь все говорит, что непременно надо бы тебя сюда выписать. Мы с ним хлопочем о все лучшем убранстве комнат для гостей.

Хороша ли оказалась в полку стрельба? Теперь к вам поступили запасные, каково они себя держат?

В виду того, что врачи с ноября до будущего лета меня отсылают сперва в Египет, а там опять в Вильдунген, постановка моего «Царя Иудейского» в ближайшую зиму состояться не может; надо отложить ее до зимы 1913—1914 гг. Скажи об этом милому Данильченко, а также А.П.Попову и полковнику Рихтеру. Как ни досадна эта отсрочка, но быть может и в ней можно усмотреть хорошие стороны: будет время исполнителям, декораторам и костюмерам хорошенько подготовиться. Из Синода у меня все еще нет ответа на вопрос, разрешает ли представление моей драмы на сцене. Дать об ней отзыв Синоду взялся архиепископ Финляндский Сергей³². Узнав об этом, я изложил ему в письме причины, побуждающие меня поставить на сцену свое произведение, но ответа еще не получил.

Крепко тебя обнимаю.

Твой Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 42—43об. Подлинник. Рукопись.

№ 16

Каир

13 ноября 1912 г.

Милый Костя, только что приехали и устроились в Shepherd's hôtel. Погода, как на севере летом: солнце, тепло. Переход из Бриндизи до Александрии был не совсем покойный — покачивало и бедную Мама укачало, но на второй день она попривыкла и чувствовала себя уже хорошо. Шадовиц³³ укачивало немного, моего Спиридоныча³⁴ в первый вечер стошнило, а горничная баронессы все время лежала. Сама же Софихен, Роберт и я были все время здоровы. Море было синее, погода стояла теплая. Пришли в Александрию вчера между 11-ю и 12-ю вечера. Сегодня прибыл на пароход наш посланник Смирнов и привез нас к полдню на жел[езной] дороге в Каир. Гостиница отличная, комнаты у нас оч[ень] хорошие, со всеми удобствами. Побудем в Каире несколько дней, сколько нужно для осмотра здешних примечательностей, и поселимся в Хелуане, в полудне езды по жел[езной] дороге. Там, вероятно, проживем до Нового года, а после переберемся в Ассуан, выше по Нилу, где теплее. Сейчас будем завтракать, а после отдохнем. В 4 за нами придет Смирнов³⁵ и повезет в моторе кататься по городу.

Как пестра и живописна здешняя толпа! Какие своеобразные типы! Кланяйся всем в полку. Поцелуй сестер и братьев. Христос с тобой.

Твой Пана

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 44—45об. Подлинник. Рукопись.

№ 17

Египет. Хелуан^a

18 декабря 1912 г.

Дорогой мой Косточка, через два дня тебе 22 года. Помянем тебя здесь вдалеке любовью и молитвами. Очень меня обрадовало твое милое письмо, привезенное бароном Мендом. Спасибо за вести о себе и о полке. Поздравь от меня полк[овника] Швецова³⁶ с назначением и пожелай счастья в новой должности. Приказы полковые и здесь получаю. Удивило меня, что Глотов³⁷ взамен своей 3-й роты получил другую, кажется, 14-ю, что это значит? Избрали ли тебя «музейным сторожем»?

Говоря о двух бывших Досугах, ты пишешь, что следующий будет посвящен сочинениям бывших измайловцев, напр[имер], Пушкина: но Пушкин никогда не был измайловцем. Что ты хотел сказать?

Рад слышать, что ты занят. Душевно желаю, чтобы лекции по земледелию и особенно по землеустройству тебя увлекли. Из писем Георг-

^a Место написания установлено по оттиску на бумаге: Al-Hayat, Helouan (Есупт).

гия и Веры с удовольствием видим, что ты нередко навещаешь маленьких. А они так рады твоим приездам. Будет прекрасно, если у вас возобновятся вечера, подобные милым павловским субботам.

Принадлежащую Мама клетку можно одолжить Вере; если бы потребовалось, отберем ее назад.

Сегодня меня посетил Александрийский патриарх Фотий со своим викарием Мемфисским митрополитом Нектарием; первый очень приветлив, жизнерадостен и свободно, если и неправильно, говорит по-русски, чему, никогда не бывав в России, выучился в Иерусалиме. Скажи милому Счетчику, что в Каире у нашего посланника мы встретились с г-жой Лебедевой, с детьми которой занимался Mr. Bailly-Comte³⁸. Она сохраняет о нем доброе воспоминание. Сегодня Мама ездила к зубному врачу-французу в Каир, и ей отлично привели в порядок зубы.

Скажи командиру полка, что я очень ему благодарен за любезное письмо. Какое наслаждение постоянно ощущать тепло и греться на солнце! Сегодня я любовался им, когда оно пышно закатывалось за одной из пирамид, что видны из наших окон вдаль, по ту сторону Нила. А была ли новая считка «Царя Иудейского»? Читал ли Николаус роль Пилата? Тетя Соня оч[ень] довольна Египтом и сердечно благодарит за поклон. Христос с тобой.

Твой старый друг Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 46—47об. Подлинник. Рукопись.

№ 18

Ассуан

14 января 1913 г.

Дорогой мой Косточка, твое милое письмо доставило мне очень, очень большое удовольствие. Оно показало мне, как сильно захватили тебя лекции по землеустройству и что ты не на шутку увлекся сельским хозяйством. Дай Бог, чтоб это разумное увлечение крепло и углублялось. Ты уже знаешь, что я с радостью предоставил тебе аренду нашей милой Павловской фермы. Ничего не имею против создания тобою хутора где-нибудь на Павловской земле по уговору с Э.Э.Герингом. Ферма, по внешнему ее виду, особенно павильон имп[ератрицы] Марии Федоровны, должна остаться неприкосновенной. Но внутренние изменения я допускаю; напр[имер], хлев за ненадобностью может быть превращен в беседки для посетителей. Но это еще впереди. Главное же теперь заведение хутора. Не могу себе пока представить, где будет он находиться. Не между ли Дмитровской дорогой, петлею Английской и Пограничной, ближе к новым дачам Нововеси, вдоль Пограничной? Буду ожидать соображений твоих и Эдуарда Эдуардовича.

Ты не пишешь, какое решение принял Государь относительно бриллиантов покойной т[ети] Веры³⁹.

Сегодня не успею написать длинное письмо. Сейчас надо завтракать, а днем поедем прокатиться на пароходике по Нилу.

Сообщи, отчего Дяденька не был на елке у Иоанчика, сам ли не захотел, или позабыли его позвать.

Христос с тобой.

Твой друг Пана

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 48—49об. Подлинник. Рукопись.

№ 19

Афины

15 апреля 1913 г.

Милый Косточка, спасибо тебе за письмо и очаровательное яичко, которые мне привезла от тебя Татиана.

Безусловно, не согласен на возведение в садике фермы, где будочки для публики, новых сиреневых будок на месте цветочных клумб. Это совершенно изменило бы вид садика, а потому мне вовсе не желательно. Милый ты мой, что сделалось с твоим почерком? Очень трудно разбирать; а письмо не помечено ни местом отправления, ни числом.

Желаю тебе успеха во временном командовании ротой. Но я не понял из твоих слов, когда оно предполагается — летом в лагере или до лагеря. Оч[ень] рад, что зимою хотят тебе поручить обучение молодых. Советую хорошенько к этому подготовиться, вы зубрить уставы на чистоту и не бояться словесности, которая должна быть, по возможности, упрощена и преподаваться самым ясным и не трудным для понимания языком. Надобно заранее обдумать выражения, при помощи которых будешь внушать молодым эти первоначальные понятия. В мае Георгию придется держать вступительные экзамены. Поручаю тебе, или одному из старших братьев, на дежурстве или при любом ином удобном случае, испросить соизволения Государя на зачисление Георгия (в случае выдержания экзамена) в Орловский-Бахтина кадетский корпус. О согласии Его Величества попроси Н.Н.Ермолинского сообщить в Гл[авное] управление военно-учебн[ых] заведений. Мама и я хотели бы, чтобы в назначенный для экзамена день, ты сам отвез Георгия в часовню Спасителя и в 1-й кадетск[ий] корпус и присутствовал при ответах Георгия. Возьми также на экзамен Mr. Denison'a. Об этом вежливо предупреди Luischen⁴⁰. Ты пишешь, говоря о ферме и об ее прислуге: «надеюсь, все скоро *уладиться*». Подумай, верно ли написано подчеркнутое слово. Прошу тебя незадолго до полкового праздника передать от меня измайловцам мой подарок — египетский шатер. Поговори об этом с Робертом Юльевичем. Обнимаю крепко и нежно. Христос с тобой.

Твой Пана

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 50—51об. Подлинник. Рукопись.

Великий князь Константин Константинович. 1910 г.

№ 20

Бад Вильдунген

14 июня 1913 г.

Милый Косточка, спасибо за славное, длинное письмо. За недостатком времени отвечаю открыткой. Завтра уезжаю в Россию. 3 дня — инспекция в Виленском училище, а 20-го надеюсь быть в Павловске. Мечтаю как-нибудь попасть к завтраку в полк. Извести, в котором часу садятся за стол. Удастся ли тебе показать мне ферму? Буду спешить удрать в Осташево.

Обнимаю. Христос с тобой.

Твой Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 670. Л. 52—52об. Подлинник. Рукопись.
Худ. открытка.

Примечания

¹ *Тъешь* — преподаватель французского языка у детей великого князя Константина Константиновича.

² *Александра Иосифовна (Анмама)* (1830—1911) — великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, с 1848 г. супруга великого князя Константина Николаевича. Последние годы жизни тяжело болела, ослепла и не выезжала из Мраморного дворца.

³ *Иоанн Константинович (Иоанчик)* (1886—1918) — князь императорской крови, старший сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, с 1911 г. женат на сербской принцессе Елене; флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. Убит в ночь на 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

Гавриил Константинович (Гаврилушка) (1887—1955) — князь императорской крови, второй сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны; флигель-адъютант, поручик лейб-гвардии Гусарского полка; в 1939 г. великий князь Владимир Кириллович даровал князю титул великого князя; 1-й брак — с балериной А.Р.Нестеровской, 2-й брак с княжной И.И.Куракиной.

⁴ *Ольга Константиновна* (1851—1926) — великая княгиня, дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, с 1867 г. в браке с королем Греции Георгом I, в 1913 г. овдовела.

⁵ *Мария Федоровна* (1847—1928) — императрица, урожденная датская принцесса, супруга императора Александра III.

⁶ *Мария Георгиевна (Минулина)* (1876—1940) — великая княгиня, урожденная принцесса греческая, дочь великой княгини Ольги Константиновны и короля Греции Георга I, с 1900 г. супруга великого князя Георгия Михайловича.

⁷ *Христофор* (1888—1940) — королевич греческий, младший сын великой княгини Ольги Константиновны и короля Греции Георга I; 1-й брак с американской А.Лидз (1883—1923), 2-й брак с французской принцессой Франциской (1902—1953).

⁸ *Георгий Константинович* (1903—1938) — князь императорской крови, шестой сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

⁹ *Клейн Ангелика* — бонна князя Олега Константиновича, поступила на службу в Мраморный дворец в 1894 г.

¹⁰ *Корф Софья Николаевна* — баронесса, фрейлина великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

¹¹ *Олег Константинович* (1892—1914) — князь императорской крови, четвертый сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, корнет лейб-гвардии Гусарского полка. Убит в 1-ю мировую войну, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Игорь Константинович (1894—1918) — князь императорской крови, пятый сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка. Убит в ночь на 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

¹² *Татьяна Константиновна* (1890—1979) — княжна императорской крови, старшая дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, с 24 августа 1911 г. супруга князя К.А.Багратион-Мухранского (убит в 1915 г.); в 1920 г. вышла замуж за полковника А.В.Короченцова (ум. в 1921 г.). В 1946 г. приняла постриг в Женеве, игуменья Елеонской обители в Иерусалиме (матушка Тамара).

¹³ *Орлова Анастасия Петровна* — учительница княжны Татьяны Константиновны, также преподавала и сыновьям великого князя Закон Божий, русский язык и арифметику.

¹⁴ *Олсуфьева Татьяна Васильевна* — наставница княжны Татьяны Константиновны.

¹⁵ *Дельсаль П.А.* — полковник лейб-гвардии Преображенского полка; *Гольтгоер К.А. и С.А.* — капитаны лейб-гвардии Преображенского полка.

¹⁶ *Дамье А.Ю.* — генерал-майор, с 1900 по 1906 г. директор Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса; *Макшеев З.А.* — генерал-майор, директор Александровского кадетского корпуса.

¹⁷ *Петр Александрович* (1868—1924) — принц Ольденбургский, генерал-майор, с 1901 г. был женат на великой княгине Ольге Александровне (с 1915 г. — разведен).

¹⁸ *Дмитрий Константинович* (1860—1919) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, с 1897 по 1905 г. главноуправляющий государственным коннозаводством, командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Расстрелян в Петропавловской крепости.

¹⁹ *Мария Павловна* (1890—1958) — великая княжна, дочь великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны, в 1908 г. первый брак с принцем Вильгельмом Шведским, второй в 1917 г. с князем С.М.Путятиним.

Дмитрий Павлович (1891—1942) — великий князь, сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны, флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, участвовал в убийстве Г.Распутина.

²⁰ *Павел Александрович* (1860—1919) — великий князь, сын Александра II, с 1889 г. женат на греческой принцессе Александре Георгиевне, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир лейб-гвардии Конного полка (1890—1896), командующий Гвардейским корпусом (1898—1902). В период 1-й мировой войны командир 1-го Гвардейского корпуса. Расстрелян в Петропавловской крепости.

²¹ *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, сын Александра II, с 1884 г. женат на принцессе Гессенской, великой княгине Елизавете Федоровне. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Командовал лейб-гвардией Преображенским полком (1887—1891), с 1891 г. московский генерал-губернатор, с 1896 г. командовал войсками Московского военного округа. В начале 1905 г. от этих должностей уволен. 4 февраля 1905 г. убит в Москве эсером И.П.Каляевым. Похоронен в Чудовом монастыре в Москве.

²² *Елизавета Федоровна* (1864—1918) — принцесса Гессенская, старшая сестра императрицы Александры Федоровны, супруга великого князя Сергея Александровича. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита в ночь на 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

²³ *Мария Павловна (Старшая) (урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская)* (1854—1923) — с 1874 г. супруга великого князя Владимира Александровича.

²⁴ *Мария Александровна* (1853—1920) — великая княгиня, дочь Александра II, с 1874 г. супруга Альфреда Эдинбургского, герцога Саксен-Кобург-Готского.

²⁵ *Бородин Матвей Иларионович* — воспитатель старших сыновей великого князя Константина Константиновича; *Максимов Алексей Михайлович* — воспитатель младших сыновей великого князя; *Геринг Эдуард Эдуардович* — полковник, управляющий дворцовым управлением города Павловска.

²⁶ *Ермолинский Н.Н.* — полковник, с 1908 по 1913 г. воспитатель младших сыновей великого князя.

²⁷ *Багратион-Мухранский Константин Александрович* (1889—1915) — князь, флигель-адъютант, поручик Кавалергардского полка, с 1911 г. женат на княжне императорской крови Татьяне Константиновне. В период 1-й мировой войны прикомандирован к 13-му лейб-гренадерскому Эриванскому полку. Убит в бою 19 мая 1915 г.

²⁸ *Георгий Михайлович* (1863—1919) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, принимал участие в создании коллекций Русского музея императора Александра III. Расстрелян в Петропавловской крепости.

²⁹ *Вера Константиновна* (1906—?) — княжна императорской крови, младшая дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

³⁰ *Минкельде Роберт Юльевич* — заведующий шталмейстерской частью двора великого князя Константина Константиновича, с 1912 г. — заведующий двором великого князя.

³¹ *Минкельде Эдуард Робертович* — сын Р.Ю.Минкельде, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка.

³² *Сергий (Страгородский)* (1867—1944) — архиепископ Финляндский (1905—1917), затем Владимирский, член Святейшего Синода, избран 8 сентября 1943 г. Архиерейским собором патриархом Московским и всея Руси. Письмо архиепископа Сергия великому князю Константину Константиновичу от 28 июля 1912 г. по поводу постановки на сцене драмы «Царь Иудейский». См.: Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 52—53.

³³ *Шадовиц Эмма* — камер-фрау великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

³⁴ *Фокин Дмитрий Спиридонович* — камердинер великого князя Константина Константиновича, потомственный почетный гражданин.

³⁵ *Смирнов Алексей Александрович* — чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Египте, являлся старшиной дипломатического корпуса в Египте.

³⁶ *Швецов А.А.* — полковник лейб-гвардии Измайловского полка, в 1911 г. возглавил Виленский полк.

³⁷ *Готов А.А.* — капитан лейб-гвардии Измайловского полка.

³⁸ *Бальи-Конт Юлий Юльевич* — преподаватель французского языка и словесности в Женском педагогическом институте, в Александровском лицее, в Сиротском институте императора Николая I, преподавал французскую литературу и латинский язык детям великого князя.

³⁹ *Вера Константиновна* (1854—1912) — великая княгиня, дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, с 1874 г. супруга Вильгельма-Евгения, герцога Вюртембергского.

⁴⁰ *Корф Луиза Константиновна* — фрейлина, с 1901 г. гофмейстерина великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

«ЧТО-ТО ДИКООЕ, УЖАСНОЕ, НО ГЕРОЙСКИ БЛАГОРОДНО!»

Записки графини Е.Л.Камаровской. Декабрь 1905 г.

Передо мною черная общая тетрадь. На обложке четким и вместе с тем округлым детским почерком написано: «Дневник графини Екатерины Леонидовны Камаровской, дочери известного профессора Московского университета — «пацифиста». Перелистываем слегка пожелтевшие страницы и будто слышим страстный, взволнованный голос молодой москвички, переживавшей страшные дни вооруженного противостояния народа и самодержавной власти в ходе первой русской революции.

К сожалению, найти какие-либо сведения об авторе дневника, кроме тех, что содержатся на его страницах, не удалось. Немногим более нам известно о графе Л.А.Камаровском. В начале XX века он занимал кафедру международного права в Московском университете и был в числе первых российских ученых, обратившихся к разработке международно-правовых проблем. В своей докторской диссертации «О международном мире» он отстаивал идею о необходимости разрешать споры и тяжбы между государствами не с позиции силы и угрозы вооруженного вторжения, а через посредство специального международного судебного органа — Международного трибунала.

За прошедшие после Московского вооруженного восстания десятилетия немало было опубликовано документальных материалов и архивных свидетельств о Первой русской революции 1905—1907 гг. Однако каждый раз, когда удается выявить документы, принадлежавшие очевидцам, отражающие их личное восприятие и позицию (нравственную или политическую) в отношении этих событий, мы получаем возможность как бы непосредственного соприкосновения с отечественной историей. И это-то позволяет уже нам, живущим на рубеже XX и XXI столетий и испытывающим воздействие самых разнообразных, подчас взаимоисключающих, политических взглядов на декабрь 1905 г., сформировать свое собственное видение родной истории. Думается, потому дневник Екатерины Камаровской для сегодняшнего читателя будет интересен и весьма поучителен. В настоящее время дневник хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Не всех лиц, упоминающихся в тексте, удалось установить, также как и раскрыть их инициалы.

Публикацию подготовил доктор исторических наук М.И.ЧЕРНОВ.

Репетиция русской революции в декабре 1905 г. в Москве^а

7-е декабря 1905 г. Среда

Давно в Москве носился слух о всеобщей политической забастовке, о всеобщем вооруженном восстании. Слухи часто были так различны, особенно о времени исполнения, что все мы, как истинные русские, в

^а Заголовок документа.

начале будто бы поволновались, потом не поверили, а затем просто [...] ^a и как всегда всю надежду слагали на «авось» пройдет благополучно. Но 4-го дек[абря], когда я с матерью возвращалась по Брест[ской] ж[елезной] д[ороге] от брата, то некот[орые] железнодорожники убежденно, упорно намечали нам 7-е число. Мы ехали с тяжелым чувством после вести о бунте в Ростовском полку и я страшно спешила домой, т[ак] к[ак] в такое смутное время могу лишь чувствовать себя хорошо среди всех своих.

Сегодня началась всеобщая политическая забастовка. Утром появился манифест революционных организаций (в № 1-м «Извес[тий]» Совета рабочих депутатов). Сообщая о забастовке, манифест призывал к вооруженному восстанию в целях свержения правительства и учреждения демократической республики.

Весть о забастовке нагнала на всех вначале панику. К нам пришли из домовой конторы, сказали, чтобы запасались всем. Тотчас же мама уехала за всякой провизией. Наши люди и я наполняли все, что только находили, водой, т[ак] к[ак] нужда в ней особенно была тяжкой в первой забастовке¹. Скоро приехали Муся с М.Ш., кот[орые] ездили за покупками.

Выходя утром и днем на улицу, сразу понимаешь настроение города. Точно праздник. Везде масса народу, рабочие гуляют весело толпой с красным флагом. Масса молодежи! То и дело слышно: «Товарищи, всеобщая забастовка!» Таким тоном, точно поздравляют всех с самой большой радостью. Диссонансом этого является сплошное закрытие магазинов, лавок с щитами из досок для окон. Как-то странно! Ворота закрыты, нижние окна забиты — город точно вымер, а взгляните на улицу — она живет деятельно, оживленно.

Сегодня с утра особенно отличались гимназисты, реалисты и ученики Коммерческого училища. В 4-ю женскую гимназию в 12 ч[асов] дня явилось до 300 реалистов под предводительством неск[ольких] молодых людей. Раскрыв парадные двери настеж, они оттеснили швейцаров и быстро стали вбегать в классы, крича: «Кончать работы, долой занятия, долой экзамены!» Многие гимназистки плакали навзрыд. Были вызваны городовые и наряд казаков, но столкновения не произошло, т[ак] к[ак] реалисты уже успели уйти, добившись прекращения занятий.

В [...] ^a где учится Марина Степановна, ворвались ученики Коммер[ческого] училища. Начальник, многие учителя, классные дамы встретили их в передней и попросили подождать в приемной. Затем, войдя в классы, начальство предложило выбрать из старших [учениц] делегатов. Некот[орые] классы не хотели было, но их заставили; затем они вышли в приемную...^б двери закрылись — за ними стояло начальство. Минута, две — выходит молодежь и громко объявляет о прекращении занятий. Ученики торжествуя удаляются. Начальница обходит классы, где ее встречает всеобщее негодование. «Я не имела понятия, что вы

^a Одно слово неразборчиво.

^б Здесь и далее отточия автора дневника.

хотели учиться! Я думала вы все за забастовку. Иначе прогнала бы их», — смущенно говорит она, чувствуя, что теряет и тот маленький авторитет, кот[орый] имела до сих пор в глазах своих учениц. Она боится неск[ольких] революционеров из 8-го класса, но в этот день, как нарочно, они все отсутствовали, а весь выпускной 7-ой класс горячо стоял за правильные занятия, боясь весен[них] экзаменов. Зато в Чернявском учил[ише] реалистов, гимназистов встретила одна начальница и так их сурово встретила, объявив, что они не увидят ни одной ученицы, что все они до комизма быстро удалились.

Результатом все-таки было закрытие почти всех учебных заведений.

Бастующие рабочие ходят снимают² товарищей. Почти закрылись все фабрики, типографии, заводы, железн[ые] дороги, кроме Николаевской. На Курской и Казанской ж[елезных] дор[огах] рабочими удалены все служащие в правлении, директора и т.д. Выбрали новых своих. Решено допускать: 1) поезда с запасными с Дальн[его] Вост[ока], 2) пользоваться для своих нужд поездами. Водопровод и газовый завод обязаны работать все время. Булочники должны печь лишь черный хлеб, нужный пролетариату; хлеб белый прекратить печь. Булочные магазины должны торговать лишь в указанные часы и по обыкновенной цене, иначе пролетариат Москвы захватит склады в свои руки и организует бесплатную раздачу продуктов для город[ской] бедноты.

К вечеру вышел первый номер «Известий» Совета раб[очих] депутатов. Они были напечатаны в типографии Сытина³, кот[орый] также, к[a]к и вся администрация, были арестованы руководителями во все время набора и печатания «Известий».

Мы узнавали многое тотчас же через Степановых, которым по телефону говорят из губернаторского дома. Сегодня днем они явились к нам в сильном возбуждении и объявили, что сейчас ген[ерал]-губ[ернатор] Дубасов⁴ объявил Москву на «положении чрезвычайной охраны». Это положение почти то же, что и военное. Ген[ерал]-губ[ернатор], положив эту охрану, может ограничиться лишь ею одной, но может издать также всякие временные законы, правила: может подвергать аресту всю печать, останавливать газеты, запрещать союзы, съезды, собрания. Может за малейшую вину подвергать всякого военному суду.

Обе — Вера и Марина, подробно также рассказали нам про прием «русских людей» Государем⁵. Витте⁶ обрисовал до приема еще Государю, что он увидит перед собой «черносотенцев», «обнищавших дворян», кот[орые] «из-за своей кожи» хотят возврата старого режима.

Трепов⁷ же объявил всей депутации строгий приказ: не читать, не говорить адресов, а молча их подать царю. Но некот[орые] из них хотели во что бы то ни стало прочесть, заплатив за эту смелость даже своей жизнью.

Затем Государь (почти весь седой), вся депутация встали на колени. Кн[язь] Щербатов затем поднес ему икону Св. Алексия (кот[орой] благословил депутацию преосв[ященный] Никон⁸) и сказал неск[олько] слов. Государь принял ее, благодарил, после чего прочел по записке

речь, в кот[орой] он выражает неуклонную свою волю следовать манифестом 17 окт[ября]°. Он читал, говорят, то, что было написано рукой Витте, часто останавливаясь, путаясь, повторяя, запинаясь. Под конец даже схватил себя за голову. Тогда выступили один за другим депутаты и все громко прочли свои адреса, где обрисовано ужасное положение теперь России. Государь наклонял несколько раз голову, повторяя: «Благодарю Вас! Не сомневаюсь в вашей преданности». При этом на речь горячую Кисловского, кот[орый] явился как бы представителем ныне разоренных землевладельцев, в кот[орой] он описал положение деревни, нищету как крестьян, так и помещиков, и который закончил (не напечатано в газетах) вопросом: «Да есть ли у нас самодержавие?!» Государь по-прежнему ответил: «Благодарим вас!» Так что даже самые «русские люди» еще лишний раз убедились в слабости царя и в том, что нынешнее самодержавие не может быть оплотом власти.

Все это рассказывал один из депутатов. Лицо Трепова дергалось злобой.

Днем было неск[олько] стычек между рабочими и солдатами. Говорят, на Курском вокзале убито 10 чел[овек] забастовщиков.

Все мы, слава Богу, покойны духом, не боимся ничего и твердо верим в помощь Божию. Наша маленькая квартира по-прежнему мила, уютна. Вечером, как и всегда, мы, сидя вместе в столовой, то читали, то работали.

8-го [декабря]

С утра везде расклеено объявление ген[ерал]-губ[ернатора] Дубасова о положении чрезв[ычайной] охраны в гор[оде] Москве и во всей губернии.

День прошел в нашей квартире совершенно тихо; оживления на улицах меньше. Газеты не вышли. В других местах, говорят, стреляют, рабочие снимают товарищей, насильно закрывают магазины. Некот[орые] торговцы подали прошение в Совет раб[очих] депутатов разрешить им торговать, и многие это разрешение получили. Вечером состоялся грандиозный митинг на Садовой, в театре «Аквариума».

Солдаты окружили весь сад, со стороны улицы у всех выходящих отбирали оружие, но вся боевая дружина спаслась, открыв проход в соседний сад и двор. У Сухаревой башни убит агитатор, после речи, в кот[орой] он призывал всех торговцев к вооруженному восстанию.

9-го [декабря]

Утром, несмотря на разные слухи, все тревожнее и тревожнее, я решила поехать в мой приют. Мама решила поехать со мной. Мы провели [там] 40 м[инут], и пока мама беседовала с смотрительницей, я обошла все здание и особенно долго была в лазарете, где у нас все последнее время очень много больных. Сделав разные распоряжения в случае полной забастовки, сильных беспорядков, я простилась со всеми в душе.

Мы переживаем такое время, когда чувствуется смерть ежеминутно и, помня эту мысль неотлучно, я стараюсь делать все так, как сделала бы в последний раз.

Днем у нас была княгиня Туркестанова. Она ходила, в виду волнений, проститься с нами. Как всегда она нам рассказала много интересного. Преосв[ященный] Трифон^{а10} не боится смуты, но преосв[ященный] Никон передает ему по телефону ежедневно всякие ужасы. Так, 5-го вечером он умолял пр[еосвященного] Трифона не служить на Красной площади молебна, о кот[ором] просили «русские люди». — «Я знаю верно, что против них пойдут 10 т[ысяч] вооруженных рабочих». — преосв[ященный] Трифон отвечал, что не может отказаться, так как его просил простой народ служить молебен за царя. — «У меня есть своя тоже защита», — прибавил он. — «Сколько, сколько и кто?» — поспешно спросил пр[еосвященный] Никон. — «Один Бог!» — Разговор тотчас же кончился.

Сегодня на лошадях, по поручению нашего Вифанского от[ца] казначея и от наместника приезжал отец Петр (секретарь Вифан[ского] мон[астыря]) звать нас на 11-е декабря — год смерти отца Анатолия. Мы давно и сильно мечтали к этому дню поехать в дорогую нашу Вифанию, пожить там, поговорить, но теперь и думать опасно!

Кинуть без особенно веской причины нашу квартиру и, главное, людей, мы не имеем права.

То и дело до нас доходят слухи: «Забастовка все усиливается», «на Тверской настоящий бой» — невольно является мысль: «Кто осилит?» Как-то жутко на душе, ждешь всего, но вместе с тем я страшно рада, что мы в Москве. У нас у всех полный мир в душе, что я приписываю молитвам нам близких людей. И я глубоко верю, что если они испросили Бога этот великий дар для нас, то попросят и жизнь, если она нам нужна. Я даже часто не могу скрыть удивление при виде треволений о жизни, кот[орые] высказывают некот[орые] люди. Не все ли, в сущности, равно, сколько я проживу? Чем меньше, тем лучше во всех отношениях.

10-го [декабря]

Утром, как только открыла глаза, М.Ш. объявила мне, что наша кухарка, идя в 8 ч[асов] за провизией, встретила много солдат и артиллерию. «Вот, бабушка, до чего мы дошли, — сказал ей один из солдат, — всю ночь с 9 ч[асов] вечера и до 6 ч[асов] утра длился бой. Сколько убитых и раненых».

И действительно, скоро мы узнали многое. Вчера борьба приняла новый характер. Появилась во многих местах боевая дружина и стала быстро, умело строить баррикады. Нам говорили очевидцы, что для них дружина тащила все. Тут виднелись телеграфные, фонарные столбы, са-

---

^а Перед этим молебном преосвященный Трифон исповедовался, причастился святых Таин; простился с княгиней, которая передает всем свои распоряжения. (Примеч. автора).

ни извозчиков, какие-то телеги, бочки, комоды, шкафы — все это было затянато телеграфной проволокой так искусно, что могло соперничать лишь с работой паука. Вся Садовая до Триумфальных ворот была полна ими и они стали расти в городе со страшной быстротой по всем направлениям. Вчера вечером состоялся митинг в 600 ч[еловек] в доме Фидлера на Чистых прудах. Этот дом давно уже известен как центр социал-революционной и демократической партий. На митинге было решено: захватить на другой день утром Николаевский вокзал; прервать всякое сообщение с Петербургом; завладеть зданием Думы и Государственным банком, после чего объявить Временное правительство.

Войска окружили дом в 10 ч[асов] вечера, предложено было засевшим сдать оружие и удалиться. Им ответили отказом. Дан был ультиматум очистить здание до 12 ч[асов], но без 5 мин[ут] 12[-ть] из окон стали стрелять в войска, брошены были бомбы. Солдаты отвечали залпом. Дружинники частью спаслись через соседний дом, частью остались и выкинули белый платок, но когда войска вошли, то опять были встречены выстрелами, на кот[орые] отвечали тем же. Сдача состоялась в 4 ч[аса] утра. Много убитых, раненых; арестовано до 120 ч[еловек] из боевой дружины. Сам Фидлер смертельно ранен бомбой, кинутой своими в войска.

Мы давно из верного источника знали, что в Москве всего 15 т[ысяч] солдат, а рабочих до 150 т[ысяч] ч[еловек]. Неприятно сознавать, что может быть крайняя революционная партия возьмет верх!

Утром Муся и я ненадолго ходили к Татьяне Волконской. Возвращаясь от [нее], мы впервые слышали оружейную стрельбу. Она продолжалась до 4-х часов. Я пишу и слышу ее. С каждым залпом какой-то холод проникает в меня, ведь все эти залпы направлены против людей, кот[орые] идут убежденно; умирают во имя великой идеи свободы! Пусть они ее понимают ложно, но им это простится, если они искренне верят. Я слышу, залп останавливается ... и горячо молюсь за убитых.

На Тверской лежат груды убитых. Вчера от Триумфальных ворот до дома ген[ерал]-губернатора тянулась сплошная толпа, хотевшая захватить ген[ерал]-губернатора Дубасова в плен, это ей не удалось. Теперь они хотят захватить Кремль, арсенал. В укрепленном Кремле им легко долго продержаться, «оттуда дадим знать всем», — говорят они. Для этой цели они строят баррикады так, чтобы со всех сторон подводить их постепенно к стенам Кремля.

Чем более удаляемся мы от 17-го окт[ября], тем яснее огромная ошибка этого Манифеста. Прежде чем что-либо обещать народу, нужно выработать законы. Теперь, после 17-го, сразу разрешены союзы, свобода печати, слова, а что видим мы на деле? — Союзы арестованы, издания останавливаются, на собрания, на митинги наводят орудия. Бывший ген[ерал]-губернатор Дурново¹¹ разрешил съезд крестьян. Ему сделали запрос: «На каком основании?» После трех дней глубокого молчания вторичный запрос. «Для того разрешили, чтобы знать мнение съезда, а затем арестовать всех его членов», получили ответ.

Дубасов видит: дело плохо, нужна строгость! Это уже не свобода, а полная анархия! В своей речи, обращенной к представителям г. Москвы, он сразу ярко охарактеризовал себя! «Я принял пост Моск[овского] ген[ерал]-губернатора только потому, что в нынешнее время он боевой, — сказал он. — Я явился сюда вырвать с корнем все то, что покушается на самодержавие. Передайте всем, что с этим не позволено будет шутить даже в мыслях». Ужасно, ужасно, какое у нас правительство! Как все слабо, неясно.

Пальба продолжается, продолжается. Слухи о массе жертв не перестают почти ежеминутно доходить до нас. Душа, сердце содрогается при рассказах... чувствует всю свою беспомощность... и только изредка начнешь горячо, горячо молиться за всех страждущих! А залпы так и раздаются... глухо, зловеще. Ночь окутывает медленно, но неумолимо Москву... везде темнота. Точно спускается на всех нас неумолимая смерть... Господи, образумь нас, укрепи!.. Гудят колокола, переливаясь, проникая в душу, взывая к Богу, а тут залп за залпом! Как люди сразу не очистят руки при звуках разных, дивных колоколов, как мощный их перелив не заставит забиться их сердца любовью! И как не стихнут в этот умиротворительный, субботний вечерний час их страсти! Господи! Прости нам всем наши бесконечно тяжкие грехи! Накажи нас иначе, но не кровью! Ведь теперь в нашей святой, родной Москве брат убивает брата!

11-го [декабря]. Воскресенье.

Вчера начались аресты. Арестовали весь Союз рабочих депутатов, но тотчас же вступил запасный комитет рабочих.

Ночь прошла тихо. Утром родители, Муся и я были у обедни в храме Спасит[еля]. Народу было много. Хотя раздаются самые разнообразные слухи о беспорядках, хотя полиция предупреждает сегодня не выходить — мы все несколько не боимся. Я стояла, молясь, чувствуя близость всего этого народа и молилась за него. Я молилась также за дорогих мне близких; молилась за С[ережу] и Машу, которые одни, не имея вестей о нас, среди, может быть, волнуемого населения. Неск[олько] раз мои мысли улетали так же, как и молитва, в далекий Псков, где я знаю Владыко¹², служа, молится за всех нас. Как не верить, что не одни люди, а, главное, Господь делает людские отношения глубокими! Мы имеем из Пскова вести именно тогда, когда более всего нуждаемся в них.

Вчерашний день единственный в истории Москвы, когда все мы, власти разбиты нравственно, нуждаемся в поддержке — и тут ласковые, глубоко сердечные строки от нашего самого близкого дорогого друга (Переписываю слово в слово из моего наст[оящего] дневника¹³. Может быть, это лишнее, но я хотела подтвердить фактом присутствие Бога в истинно-глубоких отношениях).

Во время обедни было слышно страшно сильных два залпа. Мы остались после обедни и служили панихиду по от[цу] Анатолию, вписав также имена: от[ца] Павла и б.^а Ильинского.

^а Так в тексте, может быть: «батушки».

Революционеры выпустили воззвание, чтобы пролетариат воздерживался бы от столкновений с войсками, так как «час всеобщего вооруженного восстания еще не настал и нужно беречь для него силы». Т[о] е[сть], хотели уже отступить, говорят потому, что партия социал-демократов, кот[орая] вообще была против подобного восстания, увидя его на деле — совсем отступилась, признав дальнейшую борьбу бесплодной и отказалась от ведения далее восстания. Вся организация борьбы перешла к комитету партии социалистов-революционеров.

Сейчас 6 ч[асов] дня — ни одного фонаря не видно, даже не горят тусклые огоньки на набережной и Пречистенке, кот[орые] горели все эти дни.

Днем мы долго сильно волновались. Дело в том, что наш человек Андрей ушел проводить свою тетьку, кот[орая] живет на Садовой у Ермолая. Наконец, в 6-м часу он вернулся, бледный, взволнованный. Мы все обступили его, расспрашивая. До Никитских ворот он дошел благополучно, но по всей Бронной устроены баррикады, около кот[орых] стоят по 10 и более человек боевой дружины. Все они одеты очень хорошо, имеют до 3-х штук револьверов каждый; по неск[олько] ручных бомб. У некот[орых] какие-то особенные ящики, при бросании которых легко могут быть убиты до 50 чел[овек]. «Они лучше вооружены, чем наши солдаты», — пришел к убеждению наш Андрей. Среди них масса студентов, техников, инженеров. По Бронной Андрей продвигался очень медленно, нужно было перелезть, а иногда ничком пролезть через баррикады. Везде дружинники спрашивали: «Есть ли оружие?» и отпускали, говоря: «Не бойтесь! Мы стрелять в вас не станем». Народ старался идти группами, в виду того, что уже началась перестрелка между солдатами и дружиной. В одном месте та группа, в которой шел и Андрей, не решилась следовать далее (у церкви Св. Ермолая), а инстинктивно прижалась к воротам и забору. Стрельба все усиливалась. В это время мимо них быстро прошли две барышни и мальчик 9—10 лет. Не успели они сделать неск[олько] шагов, как одна из барышень и мальчик упали. Сейчас же вынесли откуда-то носилки, появились барышни, студенты с красными крестами, подняли несчастных и унесли. Везде наскоро устроены перевязочные пункты. Андрей так и не добрался до жены! Впечатление было ужасное! Сильное!

Сегодня идет бой: у Серпуховских ворот, на Плющихе, у Покровского моста и на Тверской. Стрельба полная, не успеваешь понять направление! От Тверской до Триумфальных ворот поставлены орудия; около ген[ерал]-губер[наторского] дома 8 штук. Телеграфные проволоки разрезаны. Дружинники везде бегают, громко говоря: «Найти бы нам только телеграфную и телефонную проволоку с Петербургом!» и разрезают все! Везде масса убитых, особенно много просто публики. Любопытство удивительное! Стоят толпами и смотрят, как дерутся другие обе стороны. Войска дадут холостой залп — суматоха — начнут давить друг друга, бегут в разные стороны, а смотришь, через 10—15 минут опять та же толпа, на том же месте.

На Тверской, говорят, одни ужасы! На некот[орых] домах, на стенах висят куски человеческого тела.

Завтра ждут поход дружины на военный штаб на Пречистенке. Это очень близко от нас. Точно предвестником этого, только еще слуха, перед нашим домом появился драгун и до позднего вечера объезжал вокруг храма Спасителя. Он рассказал нам, что на Плющихе много убитых с обеих сторон; что под их командиром убили лошадь, но он сам цел (знаем хорошо, двоюрод[ный] брат [...] ^а). Солдаты страшно утомлены. Это настоящая партизанская война! Революционеры неуловимы и поминутно появлялись повсюду, делая ряд выстрелов, скрываясь, а в ответ войска начинали продолжительное обстреливание тех домов, улиц, где они стреляли. Дружина давно ушла, а пули солдат сыпались на мирных жителей.

Сегодня с вечера закрыты частные телефоны. Различные кварталы города совершенно отрезаны друг от друга. Этот приказ дан потому, чтобы революционеры не могли бы по телефону узнавать о движении войск.

12-го [декабря]

С утра до нас доходят все худшие и худшие вести! Забастовщики захватили две пушки у солдат около Думы. Драгуны вчера стреляли в пехоту, не разобрав в темноте, кто они. Утром слышно было 4—6 сильных залпа. Стреляют у Никитских ворот, на Малой Бронной и на неkot[орых] улицах за Москвой-рекой. Говорят, сгорела Сытинская типография из-за того, что сын Сытина — студент стрелял в казаков. Была вызвана артиллерия, давшая несколько залпов, кот[орые] явились причиной пожара.

Кроме того, самые тревожные слухи идут с Николаевского вокзала. Революционеры сплотились в больнице около вокзала, кот[орый] хотят взять во что бы то ни стало. Из Перова¹⁴ прибыл специальный поезд с дружиной.

Здесь, на Казан[ском] вокзале, их встретили до 2000 человек боевой дружины и они решили завладеть Никол[аевской] ж[елезной] дор[огой], но были отбиты войсками. Снаряды, говорят, летали страшно далеко. Так, директор [...] ^б училища коммер[ческого] Андреев рассказал, как у них убит был снарядом 15-летний сын инспектора, кот[орый] был во дворе. Это училище находится на Б.Басманной.

Маленькие отряды дружинников, оттягивая войска от Николаевского вокзала, строят быстро баррикады в дальних от вокзала кварталах. Так, на Арбате до 16 баррикад, кот[орые] растут по направлению к Пречистенке.

Все мы страшно волнуемся за Серезу¹⁵ и Машу. Не имеем от них никаких вестей и воображаем, что они думают о нас. Под впечатлением этого волнения мы решили сегодня идти в Гагаринский переулок в дом [...] ^в, кот[орые] сами живут в Голицыне, рядом с нашими, но по делам часто бывают в городе. Мама особенно волновалась. Ей уже представля-

---

^а Три слова неразборчивы.

^б Название неразборчиво.

^в Фамилия неразборчива.

лось, что они из-за забастовки ж[елезной] д[ороги] чуть ли не умирают с голода. Напрасно все мы, особенно М.Т., ее успокаивали, указывая на близость с Звенигородом. Мама не хотела ни о чем и слышать. Мы вышли... везде стоят толпами рабочие, ожидая, видно, беспорядков и здесь. Дойдя до угла Пречистенки, мы встретили одну знакомую барышню: «Не ходите дальше. Баррикады уже близко. В Афанасьевском переулке начали стрелять, много убитых». Мы повернули назад. В эту минуту мимо нас быстро промчались драгуны. Остановясь на площади, они сомкнулись и направили ружья в две противоположные стороны — туда, где толпа была большая. Одна из этих сторон была наша. «Идите вперед, скорей», — властно, быстро сказала, побледнев, мама. Папа, близорукий, не видя издали солдат и не поняв в чем дело, продолжал идти тихо. «Да куда вы так спешите», — спокойно сказал он, наконец. — Мы не знали о новом сегодн[яшнем] приказе Дубасова разгонять солдатам толпу холостыми залпами. Пока я чувствовала опасность, я была довольно покойна, так как шла, читая молитвы, но как только мы очутились около самого храма Спасителя и услышали, что папа еще куда-то хочет идти, Муся и я восстали. Она пошла впереди, а я сзади, объяснив родителям, что никуда не пойдем, и их ни за что не пустим. Папа возмутился, что мы «его стесняем», но обе мы стояли на своем^а. Скоро войска откинули дружину ближе к Арбату.

Получили телеграмму от 10-го: «Приезжайте все. Маша». Но мы не только не могли бы проехать до Никол[аевского] вокзала, но не можем даже и послать ответ.

Покупаем «Новое время» и «Слово», единственные газеты, кот[орые] можно найти, и из них узнаем, что делается у нас. Я ежедневно сличала раньше эти известия с тем, что мы узнаем так, и почти все верно, только, конечно, в газетах часто много выпущено, или иначе обрисовано, смотря по направлению газеты.

Мы живем какою-то двойной жизнью. Кругом нас ужасы, война, смерти, страдания! У нас же все тихо, уютно. Жизнь приняла особенно замкнутый характер. Мы никого не видим; нас также. Наш Андрей ежедневно обходит «наш район», причем он делает большие обходы, рискуя часто быть убитым, но его остановить нельзя. Он нам покупает газеты, иногда чего-нибудь из провизии, что дает особенно торжественно. Мы ни в чем не терпим недостаток. Новый образ жизни выработал несколько и новую программу. Утром я рисую, Муся вслух читает мне. С 3-х ч[асов] до 6 ч[асов] мама, Муся и я сидим в столовой и работаем. Муся только в 5 ч[асов] идет читать вслух с папой (историю), а вечером читает с мамой по-французски [...] ^б. Эта книга содействовала религиозным основам о[тца] Бориса. Я же ухожу в свою комнату, где также или читаю, или пишу. Когда получаем газеты, то все собираемся вместе и вслух читаем их, волнуясь, споря, критикуя, награждая мысленно [...] ^в. Словом, часто в нашем интимном кругу «решается судьба России, в частности многих ее подданных».

^а Не говорите, что мы — сестры трусы! (Примеч. автора).

^б Название неразборчиво.

^в Одно слово неразборчиво.

13-го [декабря]

С сегодняшнего дня мы решили говеть. Действительно, с каждым днем чувствуем себя внутри слабее. Ведь день идет за днем, принося лишь новые ужасы, не видим им конца, не знаешь, где, что творится.

Когда утром мы пили чай, Андрей вбегаёт, говоря: «Пишите скорей Сер[гею] Леон[идовичу]». Так что в начале даже испугал нас. Оказалось, что у наших соседей уезжает девушка в деревню. Ее отец приехал за ней; они живут за Голицыным 20 вер[ст]. Мы тотчас же все написали письма нашим, успокаивая их и прося Сережу не приезжать, а если будет возможно прислать нам одного извозчика (он ездил часто в Москву) через несколько дней с вестями о всех них. Послали им также газеты.

Были все у обедни в храме Сп[асителя]. Возвращаясь домой, я прочла вслух объявление генер[ал]-губер[натора]. В нем кратко изложены все события последних дней. Действия мятежников вообще и особенно против властей, войск. В объявлении видна победа войск. Мирное население призывалось к спокойствию и солидарности с властями. Пока я читала громко, вслух, собралась довольно большая толпа народа. Одна старушка умиленно слушала меня и набожно крестилась каждый раз, когда я читала о царе.

У нас на улицах сегодня совершенно тихо. Революционеры переменили тактику. Они все разбрелись на мелкие кучки в 5—3 ч[еловека] и в одиночку нападают на солдат. Везде частые патрули. Лица солдат озлобленные, вид свирепый. На улицах часто обыскивают, особенно, если что-то несешь. Родители нас отпустили ненадолго к Волконским. При нас драгуны остановили извозчика, кот[орый] вез двух рабочих; они везли большой черный тюк и не хотели вначале сказать, что в нем. Видели в Штатном переулке, как внесли в участок убитую наповал в Глазовском переулке какую-то даму. Везде масса жертв случайных; много убитых детей, женщин. Часто слышны выстрелы из револьверов из частных домов, из ворот, из дворов. Идешь в ожидании выстрела. Бабушка встретила нас словами: «А я все время думаю, как бы добраться до вас. Вы, однако, храбрые!»

У них 11-го дек[абря] под окном комнаты Таты в 12 ч[асов] ночи убит наповал городской. Тата видела, как его увозили. Город [...] ^a на военном положении. На Тверской, на Садовой слышна сильная опять стрельба. Говорят, в дружину солдаты палят шрапнелями. Мимо нашего дома большое оживление — масса фабричных с котомками на спине покидают Москву.

14-го [декабря]

Идя к обедне, мы прочли объявление ген[ерал]-губ[ернатора] не выходить с 9 ч[асов] веч[ера] до 6 ч[асов] утра, иначе подвергаешься обыску. Запрещено иметь какое-либо оружие; приказано завешивать материей все наружные окна. Пальбы сегодня не слышно; наступило точно умиротворение.

---

^a Одно слово неразборчиво.

К завтраку у нас была Катя Сверчкова (жена Коли). Маня же с семьей уехали в Полтавскую губ[ернию] еще 22-го ноября. Она живет у Никитских ворот, в меблированных комнатах, и видела из них, как на Бронной строили баррикады. Сегодня она даже ходила туда сама отнести другой курсистке деньги. Эта курсистка в страшной нужде, так как ее мужа на днях арестовали в Петербурге. Он социал-демократ, сын одного из крупных фабрикантов Петербурга. Его фамилии никто не знает, а только псевдоним — Назарьев. Надю на Бронной солдаты обыскали. Пока она была у курсистки, неск[олько] пуль влетели в ту же комнату.

Среди боевой дружины масса курсисток, кот[орые] идут большей частью, любя кого-нибудь из революционеров. Недавно три из них на Бронной старались спилить телеграфный столб. Наехали драгуны, хотели их разогнать — они упорно продолжали свою работу и все тотчас же были убиты. Надя видела, как раненого офицера везли на извозчике мимо толпы дружинников и публики. Проезжая мимо, он слабой рукой поднял фуражку и приветствовал их. Ответом было громкое «Ура!» Нужно понять, что, как солдат, он исполнил свой долг, а, как человек, вся симпатия его на стороне дружины. Терпеть не могу подобных типов!

Вся надежда была у дружинников на прибытие орудий от латышей, но на Никол[аевской] ж[елезной] д[ороге] они были арестованы. А также на 30 тысяч рабочих из Орехово-Зуево, но эта толпа рабочих была рассеяна еще на дороге.

Войска страшно озлоблены, утомлены; им дана большая власть. Так как запрещено ходить по улицам больше 3-х чел[овек], то они, видя 4—5 и более — все равно кого — без оклика стреляют. Кроме того, скрытные дружинники стреляют в полицию и военных, так что на улицах часто пальба, и гибнут больше всего мирные жители. Около нас в временном лазарете до 400 ч[еловек] раненых, и все жители.

Слухов масса; теперь все как-то привыкли к опасности и снова принялись за старые трюки. Масса везде лжи, самохвальства. Например, для курьеза приведу рассказ Нади Сверчковой. Один присяжный поверенный пришел в меблированные комнаты, где он живет (и Надя также) и начал при ней рассказывать, как при нем «вот сейчас убили наповал 2-х рабочих (он сам спасся чудом!), они тотчас же упали, а их... мозги попали к нему в карман пальто». Надя не утерпела и пошла спросить прислугу: «Не в крови ли пальто барина?» — Получила ответ: «Оно совершенно чисто».

Газеты также лгут страшно! Сегодня я не верила своим глазам, читая «Слово»: «С каждым часом в Москве делается все светлее и светлее от зарева вспыхнувших во многих частях города пожаров. Зарево охватило все небо. В 9 ч[асов] вечера нам срочно телеграфируют, что пожары разрастаются, но даже приблизительно нельзя указать, где, на какой улице и какие дома горят».

Ложь! Ложь! Ну можно ли до этого преувеличивать факты?! Да — Бронная, да — Арбат, да — Смоленский рынок — все очаги революции! — недалеко от нас. Нигде нет и тени зарева! Сгорели лишь здания, о кот[орых] я уже говорила.

Бываем ежедневно у обедни и у вечерни. Последнюю службу я особенно люблю. Большой храм погружается уже почти в полумрак, народу — никого, иногда кроме нас — два—три, но мы все незаметны в освещении вечера и в таком обширном храме. Алтарь освещен лишь лампадами, с их тихим, ровным светом, кот[орый] мне почему-то живо напоминает мое детство. Душа сразу успокаивается; чувствует себя в такой безопасности, переживая такие чудные настроения, что за эти минуты можно терпеть покорно ужасы остального дня.

15-го [декабря]

Мар[ия] И[вановна] разбудила меня словами: «Сережа приехал!» Быстро оделась и первой вышла в столовую. Сережа сидел и пил чай. Увидя меня, он напал горячо на меня с упреками: «Ты зачем 4-го уезжала скорей? Чтобы увезти родителей в Лавру! Обманула меня. Где же твоя энергия!» Я так была рада его видеть, что дала ему вполне высказаться, а затем спокойно объяснила, что действительно 4-го спешила ехать в Москву из-за бунта в Ростовском полку, так как в тот же день они сами видели 64 связанных товарищей, и что все войско в городе спокойно, то не было видимой опасности. Про забастовку говорили давно, а папа обязан был быть по делам университета до 10-го.

Скоро вышли все наши, и за чаем Сережа рассказал нам следующее. Он был убежден, что все мы спокойно живем в Посаде или в Вифании, когда вчера его разбудили вестью, что от нас приехал посланный. Когда Сережа и Маня вышли к нему, то старик горько заплакал, стал умолять брата ехать за нами скорее: «Так как они заперты там, как в клетке. Ничего у них нет, кухарку ранили». На вид отцу он дал 80 лет. Маня плакала, слушая его. Про Москву рассказывал всякие ужасы, так что, конечно, С[ережа] не поверил нашим строкам. Он решил ехать в этот же день. Послал своего кучера в соседнюю деревню к извозчику Алексею, кот[орый] долго ни за какое вознаграждение не соглашался ехать. Яков (кучер Сережи) видел некот[орых] крестьян, только что бывших в городе. «Если хочешь смерти, то поезжай, — говорили они. Наконец, после долгих переговоров Алексей согласился. Им сказали, что по городу можно ездить лишь с 6 ч[асов] до 9 ч[асов] утра, потому они поехали в 11 1/2 ночи. Сережа был одет в рубашку своего человека, в простой полушубок, в валенках, имея паспорт на имя Ивана Коняева (кот[орый] также молодой, белокурый). Всю дорогу они ежеминутно встречали обозы крестьян, покидавших Москву — это массовое бегство. В Дорогомилово они приехали в 4 ч[аса] утра; напились чаю, говоря друг другу «ты», т[ак] к[ак] «мы одна шайка» — слова Якова. Алексей остался с лошадьми. Они приехали на двух розвальнях по паре лошадей, причем в одних была пара брата. В 5-м часу Сережа и Яков пошли пешком, и до Пречистенки не встретили ни души. А в газетах так убежденно говорится, что «все заставы охраняются войсками» — хороша охрана! У штаба их встретил патруль: «Куда идете? К кому? Зачем? Нет ли оружия?» — спросили у брата. — «Иду в д[ом] Дорофеева, приехал из деревни навестить родных; оружие не имею», — отвечал он. И их пропустили. Только тут около участка он прочел, что запрещено выходить в

это время на улицу. Придя к нам около 6 1/2, он улегся спать в кабинете папы. До 2-х ч[асов] он оставался с нами; мы были с ним у обедни, в 2 ч[аса] он ездил к бабушке Зиновьевой, а затем пробыл у нас до 4 1/2 [часа]. Мы отказались с ним ехать. Бросать все, не иметь возможности ничего взять с собой, рисковать простудиться, особенно слабому отцу, а, главное, подавать пример трусости людям — для чего? Ведь в первую забастовку мы уехали из-за Мани, кот[орую] нельзя было кинуть одну, а мама не могла кинуть нас здесь. Сережа много рассказывал о докторе (земском) Дороф[ееве]. Он ярый революционер. Брат сам видел вчера паровоз и освещенный вагон 1 класса, в котором ежедневно катается из Москвы в Голицын доктор. Всем крестьянам он, иногда насильно, дает целые кипы возмутительных прокламаций. Неск[олько] раз крестьяне его хотели убить, но он ловко спасается. Со станции Голицыно можно телеграфировать лишь в стачечный комитет. Дороф[еев] получает на агитацию ежемесячно 500 р[ублей]. Один крестьянин пришел что-то продавать Мане и стал говорить ей о Дороф[ееве]: «Он нас учит убивать земских. Говорит, тогда жить станет нам легче». Приятно слышать это! Недавно Сережа видел Звенигородского пред[водителя] гр[афа] Павла Шереметева, кот[орый] передал ему о своем разговоре с Дороф[еевым] в вагоне. «Граф, скажите, почему Вы так против свободы?» — «Доктор, я очень люблю рябчиков, но не тогда, когда они приготовлены с навозом, — ответил граф. — А вы, кот[орые] стоите так горячо за свободу, за отмену смертной казни, почему вы убиваете так много людей», — продолжал он. — «Мы убиваем людей? Да кого же?» — удивлялся Дороф[еев]. — «Ну, властей, полицию, губернаторов!» — «Властей, губернаторов, — Дороф[еев] презрительно улыбнулся, — да разве они люди? Они на то и существуют, чтобы их убивать». — «Нет, не они, а такие, как вы, подлецы», — говорю я в душе, страстно ненавидя подобных людей! Узкие в своих отношениях. Я всегда стою за свободу, но не за анархию, и понимаю, что давать свободу всякому нельзя, что раньше нужно приучить человека к ее пользованию. А то под ее видом появляются люди, кот[орые], доберись до власти, первые будут гнуть во всю!

Простились с Сережей особенно нежно, трогательно. Все мы перед этим собрались в спальне родителей, где все молились, затем они его благословили, а мы друг друга перекрестили. Грустно! Тяжко!

Сегодня под вечер все мы были страшно возмущены убийством начальника сыскной полиции Войлошникова. Вчера около 6 ч[асов] в его квартиру стали усиленно звонить. Прислуга не хотела открывать, но Войлош[ников] велел. Ворвались неск[олько] человек дружинников и обступили Войлош[никова], его жену и 3-х малолетних детей, направили на них револьверы, объявив им, что если кто двинется — будет убит. Затем один из них прочел ему объявление от революцион[ного] комитета, в кот[ором] он — Войлош[ников], приговорен к смерти. Напрасно жена, дети умоляли не убивать его. Они стояли на своем. Войлош[ников] простился, благословил детей и вышел на улицу, где 25 пулями был убит. Говорят, это был ужасный человек, но как можно было убивать отца при детях! Это не люди, а звери! И таких смертей у нас

много, много! Когда мне говорили об этом, даже только тогда, но и теперь, несколько дней после, я всякий раз холодею вся.

Сегодня чудная статья кн[язя] А.М.Волконского в «Слове» — «Кронштадт и Севастополь». Вся статья направлена против революционеров, их агитации в войсках; указывается что такое войско — даже в республике, кончает словами: «Если вы не остановитесь на словесной войне, если дерзнете поднять на войско вооруженные толпы, то поймите, наши сплоченные ряды не могут иначе встретить вас, братоубийцы, как верными долгу залпами, чтобы поднятые вами мутные волны отхлынули и дали простор творческим силам свободного народа!» (В моем дневнике вся статья).

Наш губернатор — Джунковский¹⁶ — разъезжает по всей Москве верхом, «так как не хочет подвергать своего кучера опасности быть убитым». На него же самого уже было много покушений, говорят, дружинники иногда бегут вслед за ним, стреляя, но ни разу не попали. Его зовут героем!

Ген[ерал]-губ[ернатор] Дубасов же ездит лишь на Никол[аевский] вокзал говорить по телефону с Петер[бургом]. Он быстро мчит на лихаче, окруженный со всех сторон драгунами. Отпуская его в Москву, Государь просил его беречь себя. В Москву прибыл с Дальн[его] Востока ген[ерал] Мищенко¹⁷, кот[орого] упорно называют на место ген[ерала] Малахова — нашего главнокомандующего. Также прибыли: Семеновский полк, артиллерия из Петер[бурга]. Беспорядки точно утихают. Осталось два главных очага: Казанская ж[елезная] дор[ога] и Прохоровская фабрика.

16-го [декабря]

Прибыл Ладожский полк из Варшавы. Сегодня вполне тихо, не слышно более стрельбы; улицы оживленнее, все сразу вздохнули спокойнее. От ген[ерал]-губ[ернатора] новое объявление о массовых обысках в некоторых частях города, в виду того, что в них укрываются мятежники. Призывает мирных жителей содействовать полиции.

После вечерни все мы исповедовались у очередного свящ[енника] Розонова. Обстановка была из тех, кот[орые] подходят к данному настроению души. Темное маленькое углубление (где служат и панихиды) имеет вид как бы катакомб. Горела лишь одна свеча, тускло освещая аналой и старичка-священника.

Мы не могли рисковать ехать к нашему духовнику, кот[орый] живет на Новинском бульваре, где еще сегодня баррикады и дружина стреляет.

17-го [декабря]

Едва я проснулась, как услышала какую-то пальбу, кот[орой] до сих пор ни разу не испытывала. Впечатление было такое, что непрерывно стреляли из пулеметов, но только большими снарядами. Нельзя сосчитать, сколько выстрелов; нет времени сообразить, придти в себя от одного залпа, когда уже долетело до вас три—четыре новых, еще сильнее. Иногда стекла задрожат от залпа. С тяжелым сердцем оделась я; скоро все мы пошли в храм Спасителя, где и причастились Св. Таин — все

время слыша пальбу. Как-то особенно горячо, проникновенно отнoситься к этому таинству, когда чувствуешь вокруг себя смерть. Может быть, это в последний раз! Я все-таки чувствовала себя сильнее, лучше, выходя из храма, чем входя.

Об этом ужасном дне, о кот[ором] Москва никогда не забудет и кот[орый] явился последним днем ее многих, многих жителей, мы узнали многие такие подробности, о которых не было напечатано или о которых лишь гораздо позднее читали в газетах. Так как здесь я веду лишь описание этих дней, то я соединяю некоторые рассказы в одно место. Многие из них мы слышали от Степановых, многие от разных очевидцев, словом, все больше из верных источников.

Революционная партия за 2—3 дня до этого, видя свое поражение, выпустила воззвание. Она «решила прекратить вооруженное восстание для того, чтобы: 1) дать отдых утомленным рабочим; 2) в марте подготовить окончательное всеобщее восстание». Под конец революционеры объявляют «это восстание считать за вполне удавшееся» — их же словами [...] ^a. Постановление той же партии в манифесте от 7-го дек[абря] заканчивается утверждением: «До тех пор, пока существует военное положение и усиленная охрана, пока свободе слова, печати, собраний, съездов и неприкосновенности личности угрожает опасность, всеобщая политическая забастовка не будет прекращена!» — Это «пока» миновало? Масса [людей] арестована. Во главе сыскной полиции вновь встал Рачковский¹⁸, кот[орый] при Витте не хотел служить и подал в отставку. У него удивительная память на имена, лица, факты. Он приехал в Москву и сразу напал на одного главаря, который тотчас же был арестован. «Перед Вами часы, — встретил его Рачковский, — если через час Вы не выйдете вожаков, не укажете их адреса, то будете повешены. — Это возмутительное насилие! — Такое же, какое и Вы все делаете над нами — полицией». Этот революционер-еврей приехал из Женевы. Он долго мялся. «А если я выдам, что Вы сделаете со мной?» — спросил он, наконец. — «Мы Вас продержим под арестом до полного успокоения, а затем вышлем за границу без права въезда в Россию».

Он выдал, указав на дом Толмачева в Газетном переулке. Туда отправлены пристав с 15-ю городовыми. В воротах они заметили сторожа, кот[орый] дремал. Один из городских схватил его за горло. Сторож инстинктивно опустил руку в карман, где у него был револьвер, но городской его задушил. Полиция заняла все входы и скоро проникла в большую комнату, где за длинным столом сидело 10—12 ч[еловек]. Происходило решающее расширенное заседание. Увидя полицию, все они, как один человек, бросились в соседнюю комнату, где заперлись. Слышно было, как чем-то железным они баррикадировали дверь. Затем слышно было, что разбили окно. Не успел пристав (его собственные слова) сообразить, как городовые бросились также к окну, разбили его и со второго этажа стали бросаться на улицу, где всех главарей и арестовали. Квартира была обыскана, найдено много бомб, оружие, биб-

^a Два слова неразборчивы.

лиотека запрещенных книг и масса прокламаций. Достаточно сказать, что одних бумаг было вывезено 8 подвод.

Весь город, все вокзалы в руках войск. На днях дружинники сделали последнюю попытку завладеть Никол[аевским] вокзалом. Для этой цели они послали [отряд] числом в 400 ч[еловек]. Сели в поезд и окружным путем старались проникнуть на Никол[аевскую] ж[елезную] дор[огу], но дорогой были замечены войсками, кот[орые] дали неск[олько] залпов — все были убиты, только 3-е раненых.

Главный центр теперь — Пресня с укрепленной Прохоровской фабрикой. Здесь у них живет главная дружина, разделенная на сотни. Во главе одной из них — главной, стоит молодая, красивая еврейка, ко[торая] ведет сама свою сотню в бой, впереди идет она; часто отдает приказы о смертной казни полиции. Причем, многих расстреливала сама. Говорят, в ней пропала совсем женская мягкая душа и она всецело живет идеей свободы и революции.

Сегодня вся Пресня обложена тесным кольцом войск под командой командира Семеновского полка — Мина. Войска, говорят, обстреливают чуть ли не каждый дом. Сейчас Муся, папа и я поднимались на наш верхний этаж, откуда виден пожар. От орудийных снарядов горит более чем в 40 м[естах]. Уничтожен зоологический сад с биологической станцией, где, например, одно издание стоило 1200 р[ублей] и было единственным. Погибло в огне столько рукописей, книг, что нельзя никогда их возобновить — это был труд 38 лет. (Рассказывал отцу проф[ессор] Зограф). Боялись за универ[ситетскую] обсерваторию. Заведующий ею проф[ессор] [...] ^a при первом выстреле отослал свою семью в центр города, а сам провел 3-е суток в подвале обсерватории. Ему предлагали выехать нек[оторые] проф[ессора], но он решил не покидать свой ученый кабинет. Когда его увидели после этого на заседании в универ[ситете], то с трудом узнали — точно он вынес затяжную болезнь.

Сегодня канонада не прекращалась до 6 ч[асов] дня. И это с 6 ч[асов] утра! Можно вообразить, сколько убитых, раненых. Кн[язь] Петр Трубецкой с город[ским] головой Гучковым¹⁹ в 9 ч[асов] утра сегодня были у ген[ерал]-губ[ернатора] Дубасова с просьбой дать им пропуск через войска. Ген[ерал]-губ[ернатор] им его дал. Они подъехали к Пресне, где им дана была охрана из драгун. Последние низко наклонились вперед, держа ружья наготове, окружили сани Трубец[кого] и Гучк[ова]. Они так неслись, «что дух захватывало» — слова князя бабушке Зиновьевой. Снаряды, пули неслись над ними, но они благополучно достигли дома, в кот[ором] поселился командир полков[ник] Мин. Тут быстро было организовано выселение беднейших мирных жителей в центр города. Тотчас же стали выселять женщин, детей, что продолжалось всю ночь на 18-е [декабря]. С утра не позволено было выходить и мужчинам, кот[орых] обыскивали.

Вчера канонада продолжалась до 6 ч[асов] дня, говорят, было выпущено до 600 снарядов. Войска кольцом обложили теперь Прохоров-

---

^a Фамилия неразборчива.

скую фабрику, кот[орая] до сих пор не сдается. Семья владельца этой фабрики (кот[орую] мы близко знаем — родственники проф[ессора] Алексева) была арестована умеренной партией рабочих. Другие писали им тайно из фабрики, умоляя их спасти. Все они в руках шайки революционеров. Вчера семеновцы и ладожцы брали приступом Пресненский и Горбатый мосты, также фабрики: Шмита²⁰, и Мамонтова²¹. Первый всегда жил около своей фабрики в своем собственном доме-дворце. Но этой осенью нанял у Плевако²² (Новинский бульвар) квартиру «для своих сестер», в кот[орой], однако, поселился сам. Он стоял во главе революционного комитета и 15-го дек[абря] должен был быть провозглашен президентом Московской республики. Он был арестован на ночь, 18-го [декабря], в доме Плевако и предложил явиться лично на свою фабрику для переговоров о сдаче, или написать вожакам революционной партии, находившимся на его фабрике, с предложением сдачи всех имеющих пулеметы, пушки, винтовки, револьверы, патроны. Но он уже опоздал. Неск[олько] часов тому назад войска окружили его фабрику и предложили засевшим в ней сдать. Им ответили отказом. Тогда начала действовать артиллерия. От одного снаряда фабрика загорелась. Тут был главный склад боевых снаряжений дружины, вещевого их склад и главная их касса. Фабрика была хорошо укреплена; когда она загорелась, начались страшные взрывы, треск разрывающихся снарядов, пороха. И скоро все рухнуло. Пламя столбом высоко поднималось, и среди его погибали неск[олько] десятков, а может быть, сотен людей — фанатиков своих идей, стремлений. Что-то дикое, ужасное, но героически благородно! Говорят, они все поклонялись своему хозяину — Шмиту и решились умереть, но не отдавать его фабрику в руки войскам. Его дом-дворец представлен теперь на разграбление толпы.

Масса рабочих приходят толпами к город[ской] Думе, отдают оружие и отдаются вполне в руки правительства. Некот[орые] из них просят зачислить их в городскую милицию, в кот[орой] уже более 300 ч[еловек], чтобы идти «против зачинщиков». Все они указывают на студентов, техников, курсисток. Многие городские школы, пустые помещения и многие частные дома предоставлены жителям Пресни.

17-го [декабря] в 6 часу совершенно возмутительное убийство приват-доцента универ[ситета] доктора Виктора Воробьева. Он при открытии стрельбы объявил, что хочет у себя в квартире, как врач, открыть перевязочный пункт, на что его домохозяйка не согласилась. Тогда он стал обходить дома, улицы, помогая всем. В него неск[олько] раз стреляли и войска, и дружина. Он поднимал тогда руки и махал ими — «у меня ничего нет», точно говорил его жест. (При встречах с войсками нужно было одно время держать руки поднятыми, чтобы можно было видеть, нет ли оружия). В 6-м часу, когда он возвращался на Нижнюю Пресню, где жил, он заметил, что за ним следит полиция и потому прошел с черного крыльца. Едва он успел войти, с парадного стали звонить. Открыли, вошло неск[олько] городовых с приставом. Жена Воробьева вышла к ним. «Кого Вам надо? — спросила она. — «Здесь ли живет док[тор] Воробьев?» В эту минуту [он] вышел сам. — «Вы уст-

роили здесь лазарет?» — «Нет». — «Есть ли у Вас оружие?» — «Есть, но есть и разрешение». — «Кто его Вам дал?» — грубо спросил пристав. Воробьев повернулся, приглашая пристава следовать за собой, желая ему показать разрешение, как раздался выстрел. Пристав выстрелил в голову Воробьева, кот[орый] пал замертво. Жена наклонилась над мужем. — «За что, за что!» — вскричала она. — «Замолчи», — пристав навел револьвер на нее. Прислуга бросилась и вытащила жену без сознания. Она и малолетняя дочь остались без средств. Убийца Ермолов — известный подлец, был в данную минуту пьян. Воробьев был великий труженик, не принадлежал ни к какой партии, а как человек и врач считал своим долгом помогать ближним. Его смерть — яркий пример необузданного насилия полиции, столь ненавистной потому народу. (Рассказ со слов жены и очевидцев ректору универ[ситета]).

Прохоровская фабрика сдалась почти вся сегодня. 410 ч[еловек] выдали оружие. Через всю Пресню прошли войска, обыскивая каждое здание, расстреливая многих, арестовывая. Говорят, весь берег Москвы-реки покрыт трупами. Когда солдаты говорили: «Иди на Москву-реку», это значило «иди на верную смерть», т[ак] к[ак] по бегущим давали залпы. Например, у одного старика нашли портрет Гапона²³ — достаточно: «Иди на Москву-реку» и только мольбы, слезы дочери старика спасли его, — жертв масса! А сколько сирот, нищих. Каждая их слеза взыщется с тех, кот[орые] вели эту борьбу, сидя спокойно за столом и предоставляя бороться низшим слоям.

Пресня раздавлена, разрушена, подавлена. Остался второй очаг — Казанская ж[елезная] дор[ога].

Сегодня мы были в хр[аме] Спас[ителя] у обедни. Народу было очень много — почти сплошь рабочие. Женщин было мало, а «господа» верно бояться — их почти не было. Мы стояли в народе. Я как-то совершенно не боюсь его, а, напротив, люблю стоять наравне со всеми. После обедни, кот[орую] служил преосвященный Серафим (Можайский)²⁴, он вышел во всем облачении и обратился к народу с проповедью. Указав на 13-й псалом, слова кот[орого] вполне приложимы к нашему времени, преос[вященный] Серафим описал в кратких, ярких словах ужасы Москвы: «Почему все это?» — Здесь он привел и нек[оторые] примеры, когда люди сомневались в вере, но, обращаясь к Богу, все же получали просимое. Свою проповедь преос[вященный] закончил вдохновенным потоком — обращением к Богу: «Нам нужна милость, прощение. Мы должны молиться, мы все должны быть полны любви!» — закончил он.

Я всегда (каюсь всей душой) относилась к нему критически, даже сегодня хотела было уйти, да мои все остались, но такой проповеди я от него никогда не ждала. Было видно, что преос[вященный] даже не готовился к ней вполне, но он говорил с таким чувством, его голос так прерывался при ужасах Москвы, так горячо призывал «братьев и сестер» к Богу, что весь собор замер, и когда стали служить молебен, то все, как один человек, встали на колени, многие плакали. Я убеждена, наша молитва была одна! Чудные, дивные минуты!

Сегодня днем все мы впервые ездили навестить нек[оторых] родных и близких. Настроение спокойное везде, город сразу ожил. Везде масса нищих, что положительно нельзя шагу сделать. В городе быстро организуется помощь для пострадавших. Купечество дало 150 т[ысяч] для бедных жителей, лишившихся крова за эти дни.

19-ое [декабря]

Сегодня комитет моск[овского] Совета рабочих, группа социал-демократической рабочей партии и комитет соц[иал-революц]ионной партии постановили прекратить политическую стачку. Многие фабрики начали работу. Магазины открыты. Мы опять стали получать белый хлеб, кот[орого] были лишены все это время.

Пресня почти уничтожена, через весь квартал прошли войска. Очаг остался еще на Казан[ской] ж[елезной] дор[оге]. Она, оказалось, служила стратегической магистралью для революционеров; все подкрепления оружием, людьми, вещами они получали по этой ж[елезной] дор[оге].

Теперь войска идут до Рязани. Они в час делают около 10 верст, беря чуть ли не приступом каждую станцию, везде расстреливая забастовщиков. Около Перова их убито до 200 ч[еловек]. Я не буду передавать все рассказы, кот[орые] мы слышали по этому поводу. Везде ужасы, везде зверства, от кот[орых] долго нельзя придти в себя.

Я думаю, эту тетрадь я запрячу куда-нибудь далеко и долго не раскрою ее!

Итак, можно сказать, что восстание совершенно подавлено. Дубасов в разговоре с одним господином подтвердил это и сказал, что если в начале войны власти и действовали как бы нерешительно, то только потому, что у них было мало войск.

Сегодня Марина Степановна получила письмо от д[яди] Миши из Царского Села, куда он уехал 5-го дек[абря] с великой княжной Елиз[аветой] Фед[оровной]²⁵. Дядя страшно беспокоится за семью своего брата д[яди] Филиппа и спрашивает Марину, как они все перенесли эти дни. Он пишет далее, что Трепов при нем докладывал Государю на днях о Москве: «На Садовой, Тверской полиция спешно убирает баррикады, кот[орые] никто не занимает. Убито сегодня до 3 т[ысяч] революционеров и до 5 т[ысяч] — взято арестовано». Немного позднее дядя идет к Джунковской (воспитательница детей в[еликого] к[нязя] Павла Алек[сандровича]²⁶ — сестра губернатора). Он телефонирует сначала властям, затем ей, успокаивая на свой счет: «Положение очень опасно. Дружина действует энергично. Войск мало. Убито около 50 ч[еловек] революционеров, неск[олько] арестовано. — Я ничего не понимаю, — кончает д[ядя] Миша. — Государь, говорят, знает о положении дел в России менее, чем кто-либо».

Мы начинаем видеть нек[оторых] родных и знакомых, кот[орые] живут на Садовой, Тверской, на Долгоруковской, Пименовской, на Пресне. Слушая их рассказы, ясно переживаем то, что должны были они перенести за это время. Например, т[етья] Оля Шнейдер, кот[орая] с сыном и дочерью живут на Пименовской рядом почти с рестораном «Волна», кот[орый] был почти разрушен снарядами. Карниз дома, в ко-

тором живет Таня, отлетел тоже снарядом. Три пули и кусок шрапнели (мама и М.Ш. сами видели) попали в их квартиру. Они все провели неск[олько] суток в темной комнате, в кот[орой] нет ни одного окна. Дружинники врывались к ним прятаться от солдат. Они бегали по их крыше, стреляя в войска. Около окон, дверей 18 убитых. У одного доктора прострелены две ноги; дворник его втащил во двор, где он долго страшно стонал, а затем умер.

Федя, сын, побежал к одной знакомой, чтобы узнать: нельзя ли переехать мать и сестру к ней, но оказалось, там еще хуже. Он знал, что нужно держать руки на спине, чтобы дружина не стреляла по нем и, действительно, многие из них кричали ему: «Товарищ, проходи лучше здесь, тут опасно!»

И тетя и дети так перенесли много, что совершенно больны нравственно и 3-го янв[аря] уезжают за границу.

У Феде учитель — студент социал-революционер. Он привязался к ним и все время советует им уехать за границу, так как в феврале—марте «будет что-то ужасное. Центр — опять Москва. Мы не будем больше объявлять забастовок, не будем строить баррикад, но будем убивать всех лиц, стоящих у власти. Дубасова возьмем в плен и через его же близких: революционеров в Москве и около нее до 200 т[ысяч] чел[овек], вооруженной дружины до 5 т[ысяч] человек. Мы не рассчитали своих сил и слишком подогрели рабочих. Если бы они подождали до января, как просили мы, то восстание удалось бы, т[ак] к[ак] войска были бы на нашей стороне», — говорит учитель Феде.

То же слово в слово сказала Наде Сверчковой Назарова.

Кня[жна] Туркестанова рассказывала нам о том, что пережили Арсеньевы. Священ[ник] Никол[ай] Васильев[ич] с женой живет на Самотеке. Вокруг их дома разрывались снаряды, дружинники строили баррикады перед их домом. Ник[олай] Вас[ильевич] должен был отчитывать какую-то старушку. Он подошел к баррикаде и стал «ради Христа» умолять дружину пропустить его, выставляя причину. «Ну иди, но не смей более говорить свои проповеди», — сказали ему. Оказывается, в его приходе 2 дома революционеров, кот[орые] не любят его как священ[ника].

Узнали, что брат [...] ^а убит среди боевой дружины около Коломны. Он также был революционер.

24-го [декабря]

Чем более отходят дни ужаса, смерти-революции, чем больше узнаем мы подробностей от очевидцев, потрясенных, разбитых, тем горячее, горячее должны мы благодарить Бога, не только создавшего нас, но и не допустившего ни малейшего волнения вокруг нас.

Я видела Федю Шнейдера. Он привозил к нам осколок шрапнели, и дома рассказывал мне свои впечатления. Он видел умирающих в страшных муках. Он видел неск[олько] героев, санитаров, кот[орые] под градом пуль спасали людей. Так, один 18-л[етний] юноша, раненый в

^а Фамилия неразборчива.

щеку, не обращал на себя никакого внимания и продолжал работать. Рядом с ними разрушали дома, по их крышам бегали, стреляя дружинники, так что они могли ежеминутно ожидать, что войска дадут залп и по их дому. Вокруг дома, во дворе кровь лилась широким потоком. До сих пор, когда пройдет человек по снегу, то остаются кровавые следы!

Когда я слушаю подобные рассказы, когда я вижу, что все почти наши знакомые что-либо пережили ужасное, мне начинает казаться, будто мы жили в другом городе — далеком, тихом. Ведь что мы видели? Только раз большая толпа чел[овек] 400—500 рабочих мимо прошла снимать товарищей. Перед нашими глазами — за Москвой-рекой, все время работала единственная фабрика Эйнем, хозяин кот[орой] откупился с согласия своих рабочих от стачечного комитета. Мы не слышали ни одного даже револьверного выстрела вблизи нас.

Как же после этого не благодарить Господа! Как не верить Ему всей душой, всем существом!

Я кончаю. Жизнь опять вошла в обычную колею. Только изредка слышишь о последних жертвах революции. Так, говорят, продолжают казни, расстреливание боевой дружины без суда — массами. У них признак — знак на левой руке посредством татуировки — и ни у одного из них нет креста. Сегодня казнен Шмит. Сердце невольно содрогается, как человека его страшно жаль! Канун Рождества!

ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 521. Л. 1—39. Автограф.

Примечания

¹ Очевидно, имеется в виду октябрьская (1905 г.) всеобщая политическая забастовка.

² «Снимают» — обиходный термин того времени для характеристики действий делегаций рабочих по приостановлению деятельности предприятий и присоединению их к общегородской политической забастовке.

³ *Сытин И.Д.* (1851—1934) — издатель-просветитель, владелец типографии.

⁴ *Дубасов Ф.В.* (1845—1912) — адмирал, в ноябре 1905 г. — апреле 1906 г. московский генерал-губернатор. Руководил разгромом декабрьского вооруженного восстания в Москве, возглавлял карательные экспедиции по подавлению крестьянских движений в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях.

⁵ Имеется в виду Николай II (1868—1918) — российский император.

⁶ *Витте С.Ю.* (1849—1915) — председатель Комитета (Совета) министров в 1903—1906 гг.

⁷ *Тренов Д.Ф.* (1855—1906) — генерал-майор свиты, московский обер-полицеймейстер в 1886—1905 гг. 2-го января 1905 г. уволен от должности и откомандирован в действующую армию, а затем назначен петербургским генерал-губернатором.

⁸ *Никон (Рождественский)* (1851—1918) — епископ.

⁹ Царский Манифест от 17 октября 1905 г. возлагал на правительство обязанность «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

¹⁰ *Трифон (Туркестанов)* (1861—1934) — епископ Дмитровский, викарий Московской епархии.

¹¹ *Дурново П.П.* — генерал-адъютант, в июле—ноябре 1905 г. московский генерал-губернатор.

¹² Имеется в виду *Арсений (Стадницкий)* (1862—1936) — епископ Псковский.

¹³ Очевидно, Екатерина Камаровская вела ежедневный дневник, из которого позднее сделаны были выписки, относящиеся к событиям декабря 1905 г.

¹⁴ Перово — название подмосковной железнодорожной станции.

¹⁵ Сережа — брат Екатерины Камаровской. Маша — жена Сережи.

¹⁶ *Джунковский В.Ф.* (1865—1938) — генерал-майор, с ноября 1905 г. московский губернатор.

¹⁷ *Мищенко П.И.* (1853—1919) — генерал-лейтенант, начальник Уральско-Забайкальской сводной казачьей дивизии.

¹⁸ *Рачковский Петр Иванович* (1851—1910) — действительный статский советник, с 4 июля 1905 — по 11 января 1906 г. вице-директор департамента полиции.

¹⁹ *Гучков А.И.* (1862—1936) — московский городской гласный, член Московского городского управления.

²⁰ *Шмит Николай Павлович* (1883—1907) — студент Московского университета, с 1904 г. владелец мебельной фабрики на Пресне. Большевик. Участник декабрьского вооруженного восстания в 1905 г. в Москве. Передал большевикам денежные средства. Погиб в тюрьме.

²¹ *Мамонтов Савва Иванович* (1841—1918) — русский промышленник и меценат. Из купцов, акционер железнодорожных и промышленных обществ. Общался с крупнейшими деятелями русской культуры, при его содействии были созданы художественные мастерские, развивающие традиции народного творчества. В 1885 г. основал на свои средства Московскую частную русскую оперу (действовала до 1904 г.).

²² *Плевако Федор Никифорович* (1842—1908/09) — русский юрист, адвокат. Выступал защитником на крупных политических процессах.

²³ *Гапон Г.А.* (1870—1906) — священник. Инициатор петиции петербургских рабочих Николаю II и шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г.

²⁴ *Серафим* — епископ, викарий Московской епархии.

²⁵ *Елизавета Федоровна* (1864—1918) — великая княгиня. Основательница и настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве.

²⁶ *Павел Александрович* (1860—1919) — великий князь, сын императора Александра II, дядя Николая II.

«КАЖДЫЙ ОБЯЗАН БОРОТЬСЯ НА СВОЕМ МЕСТЕ»

Письма П.Г.Виноградова к П.Б.Струве. 1902—1904 гг.¹

В декабре 1901 г., вскоре после отставки П.Г.Виноградова с должности профессора Московского университета и его отъезда из России, к нему обратился с письмом П.Б.Струве. Он написал об идее создания органа, «который должен, по мысли его основателей, служить исключительно широкой идее освобождения нашей страны от сковывающих ее развитие политических форм», и пригласил известного историка участвовать в нем. «Вы бы на первых же шагах дела, — писал Струве, — оказали бы ему большую услугу, если бы не отказались осветить в одной или нескольких статьях: 1) новейшие события в университетской жизни России и стоящий в связи с ними поворот в университетской политике правительства, 2) такой же поворот в политике по отношению к средней школе»². В ходе завязавшейся переписки и последовавшего за этим личного знакомства корреспонденты выяснили близость их политических позиций. В результате в «Освобождении» появился ряд статей Виноградова, подписанных псевдонимом «авв»³. В них содержалась резкая критика правительственной политики в области образования. Помимо этого, в двух письмах Виноградов довольно подробно объяснял собственную позицию в известном эпизоде с попыткой С.В.Зубатова создать полицейские профсоюзы. Эта тема, как и мнение Виноградова, были также отражены на страницах «Освобождения». В своей совокупности письма и публикации историка достаточно полно раскрывают его политические взгляды в период с 1902 по 1904 г. и позволяют восстановить практически неизвестную страницу его биографии.

Публикуемые письма находятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в фонде П.Б.Струве (Ф. 279. Оп. 1. Д. 66). Помимо данных посланий публикатору известны два письма, хранящиеся в Доме Плеханова в Санкт-Петербурге (Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 26) и относящиеся к 1909 г., когда Струве обращался к Виноградову с просьбой прислать материалы для «Русской мысли», и два письма в архиве Гуверовского института в Стенфорде (Struve P.V. Box 15. Folder 16), написанные в 1925 г., в которых обсуждались возможности помощи русским ученым-эмигрантам публиковать свои работы в иностранных академических изданиях, а также содержалась просьба Виноградова к Струве ускорить работу над рукописью для фонда Карнеги (Виноградов редактировал «русскую серию» книг по истории Первой мировой войны, писавшихся при финансовой поддержке фонда).

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Research Support Scheme Института «Открытое общество» фонда Дж. Сороса (грант № 81/1998).

² См. черновик письма П.Г.Струве к П.Г.Виноградову в Российском государственном архиве социально-политической истории. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 45.

³ См.: авв. [Виноградов П.Г.] Что делается и что делать в русских университетах? // Освобождение 1902. № 2. С. 21—23 и № 3. 39—40; его же. Новые временные правила // Там же. 1902. № 8. С. 116—119; его же. Комическая фигура // Там же. 1903. № 7 (31). С. 113—115.

При подготовке к публикации текст писем приведен в соответствие с современными требованиями орфографии и пунктуации. Неразборчивые слова отмечены отточиями в угловых скобках. В случае неполной уверенности в правильности прочтения слова после него поставлен вопросительный знак в квадратных скобках. В квадратных же скобках дано полное написание сокращенных слов и пропущенные буквы. Пометы на письмах рукой П.Б.Струве приведены в подстрочных примечаниях. Слова, подчеркнутые автором, выделены курсивом.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.В.АНТОЩЕНКО.

№ 1

Hôtel des Pins, Cannes, Alpes Maritimes

15 марта 1902 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Я очень рад был получить Ваше любезное письмо и могу, с своей стороны, лишь подтвердить то, что уже сказал Д.Е. Жуковскому¹: Вы предпринимаете хорошее, необходимое дело, и именно от Вас, как от человека, умеющего думать своим умом и действовать согласно убеждениям, можно ожидать, что Вы поведете это дело, как следует. С удовольствием напишу Вам для начала об университетских делах. О реформе средней школы позвольте написать, когда будут опубликованы результаты занятий комиссии нынешнего года², а то я только что напечатал в «Вестнике Европы» статью о скандинавской школе³ и не хотелось бы тотчас возвращаться к данному сюжету без новых данных. Отсрочка будет, вероятно, кратковременная. Общую оценку положения и соображения о будущем также можно будет написать как-нибудь позднее.

Итак, первую пробу для Вас думаю сделать по университетскому вопросу. Хотя в мою задачу не может входить рассказ о фактах, но для более всестороннего суждения о положении хорошо было бы посмотреть Вашу коллекцию, и я буду благодарен, если Вы пришлете ее на неделю. О моем собственном факте я Вам доставлю материал для короткой заметки, которую, однако, прошу Вас проредактировать самих, по понятным причинам. В первое время я желал бы соблюдения строгого incognito, но, вероятно, лишь на первое время⁴. Шила в мешке не утаишь, и если придется писать часто, то анонимность трудно будет соблюсти вполне.

Я послал Д.Е. Жуковскому письмо *posti restanti*⁵ в Гейдельберг, в котором касался университетского вопроса: получили Вы его?

Искренне преданный,

П.Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л.48—49об.

№ 2

Hôtel des Pins, Cannes, Alpes Maritimes

8 апреля 1902 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Посылаю Вам обещанную статью по университетскому вопросу⁶. Надеюсь, что она окажется подходящей. Она не так велика, как кажется

на первый взгляд, потому что написана разгонисто. Я желал бы, если можно, просмотреть одну корректуру, которую можно будет переслать сюда до 4 мая. После этого времени мы, вероятно, поедем на две—три недели в южную Германию. Я Вам пришлю тогда свой адрес. У меня есть одно фактическое сомнение, которое требует некоторой проверки. Текст «Временных правил» известен мне по изданию их в февральской книжке «Журн[ала] Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]». Там они напечатаны без всяких дополнений. Между тем, в письмах, которые я получаю из Москвы, и в студенческих прокламациях, часто упоминается какое-то дополнение. В чем оно состоит? Я боюсь впасть в какую-нибудь ошибку в виду этого неясного для меня пункта и прошу, если можно, выяснить его. Я, впрочем, со своей стороны, спрошу знакомых, и ко времени присылки корректуры, надеюсь, буду осведомлен.

Сообщения о моей отставке, по существу дела, прошу разрешить мне не присылать. Эта личная тема может раскрыть анонимность, которую первое время надо держать строго.

Очень благодарен за интересные документы, которые возвращаю в целости.

Искренне преданный.

П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 50—51об.

№ 3

Hôtel des Pins, Cannes, Alpes Maritimes

4 мая 1902 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Рад, что получил от Вас известие: вижу, что Вам была в последнее время масса хлопот, и надеюсь, что дела мало-помалу входят в свою колею.

Когда Вы получите это письмо, Вы, вероятно, уже будете знакомы с содержанием моей статьи. События идут так быстро в России, что она требует уже изменений и дополнений, не по существу, конечно, а ради приближения к современности. Чтобы поговорить об этих изменениях, а, главное, чтобы лично познакомиться с Вами и переговорить о множестве вопросов, которые обоих нас интересуют, я буду особенно рад связаться с Вами во время моего пребывания в Берлине. Для этого представляется и удобный случай в том отношении, что числа 18 мая я должен быть в Йене. Подходящий ли для Вас день 17-го вечером?

Не откажитесь написать два слова *posti restanti* Berlin.

Преданный Вам,

П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 52—53об.

№ 4

Grand Hôtel Bellevue und Thiergarten-Hôtel (Hôtel du parc)
Jnh.: Emil Metzger Wein-Handlung

Fernsprecher Amt. VI, №. 69 und №. 793

Telegramm — Adr.: Bellevue Hôtel. Berlin W. Potsdamer Plats 13 мая 1902 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Мне совестно, что Вам придется опять сделать большой конец для свидания со мной, и я предложил бы Вам более центральный пункт, нежели Йена, если бы мне не предстояло как раз туда съездить. Во всяком случае, так как Вы предоставляете мне выбрать время, то я просил бы Вас, если можно, приехать в следующее воскресенье, 18-го. Если Вы напишете мне, в каком приблизительно часу Вы можете приехать, я Вас так и буду ждать. Если бы оказалось Вам невозможным приехать именно в воскресенье, назначьте день на следующей неделе — я устрою свои дела так, чтобы повидаться с Вами.

Очень рад, что статья пришлась кстати. Захватите ее: все нужные добавления или изменения можно будет сделать в несколько минут. Что касается до сборника, о котором Вы пишете, то поговорим, но я боюсь, что мне едва ли можно будет взять на себя редакцию. Все лето и осень я срочно занят, какие есть [?] документы уже отослал в Англию, и т.д. Самая идея хороша, и ее легко будет осуществить, мне кажется.

Итак, до скорого свидания.

Ваш П.Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 55—56об.

№ 5

Grand Hôtel Bellevue und Thiergarten-Hôtel (Hôtel du parc)
Jnh.: Emil Metzger Wein-Handlung

Fernsprecher Amt. VI, №. 69 und №. 793

Telegramm — Adr.: Bellevue Hôtel. Berlin W. Potsdamer Plats 24 мая 1902 г.^а

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Мне были переданы корректурные листы Вашей статьи⁷, но оригинала при них не было. Он, вероятно, остался у того лица, которое занесло мне корректуру. Статьей я очень доволен и готов подписать каждую ее мысль. Поразительно даже, как наше положение наводит людей, различно поставленных и подготовленных, на одинаковые мысли.

В виде «замечания» я, пожалуй, обращаю Ваше внимание на то, что надо, по-моему, несколько больше пояснить, что требуется от «отцов» и каким образом они могут и должны действовать. Способы действия не

^а Рукой П.Г.Струве: «Сохранить» (красный карандаш).

могут быть, конечно, указаны для всякого отдельного случая, но необходимо всеми мерами и при всяком случае заявлять о беззакониях и злых последствиях существующего порядка. У каждого на глазах есть что-нибудь подобное, и каждый обязан бороться на своем месте. Пример финляндцев поучителен: хотя у них более определенная легальная почва⁸, но и русские могут протестовать и бороться против слабо защищенных нашей quasi легальностью несправедливостей. Я говорю это не для того, чтобы подсказать Вам формы и выражения мысли, но чтобы предупредить против внутренней обескураженной оппозиции людей, которые спросят — что же мы можем сделать, как бороться? Но в общем статья прекрасная и наверное затронет живые струны у людей, в которых еще есть что-нибудь живое.

Благодарю за предложение относительно книг и хотел бы ими в широкой мере воспользоваться, но не знаю, как Вы перешлете мне их? Если бы Вы нашли возможность одолжить [?] мне историческую записку о положении 1864 г. и какой-либо материал по подготовке крестьянской реформы, то я был бы очень Вам благодарен^a. Не помню, дал ли я Вам свой адрес в России, Гунгербург близ Нарвы, по Луговому проспекту, 63.

Жена Вам кланяется. До свидания и Бог в помощь.

Ваш П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 57—58об.

№ 6

1 сентября 1902 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Спешу отправить Вам свой текст, чтобы он не оказался, подобно первому, после ужина горчицей⁹.

Полагаю, что Вы не успели прислать корректуры, но в таком случае <...>^a внимательнее за слогом и правописанием, т[ак] к[ак] я писал очень спешно и, правду сказать, не перечитал статьи.

Ваш П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 59—59об.

№ 7

31, Broadwater Down, Tunbridge Wells

18 сентября 1902 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Очень рад услышать от Вас, что «Освобождение» идет хорошо. Лично я нахожу его интересным, содержательным и направленным как следует, и желаю ему всякого успеха. Боюсь только, что долго еще будет

^a Несколько слов утрачено, т.к. вырван штамп.

длиться Смутное время в России: не видно, откуда явится понуждение теперешнему порядку прекратиться, а в качестве хронической болезни он может тянуться десятки лет. С этой точки зрения не вижу я особенного различия между знаменитым <...> 17 января и недавним предъявлением Самодержца воочию верноподданных волостных старшин¹⁰.

С удовольствием напишу о записке Георгиевского¹¹ и новых временных правилах, о суде и студенческих обществах¹². Только придется немного повременить: кончаю теперь срочную статью об английском самоуправлении для петербургского сборника¹³ и надеюсь кончить в среду или четверг на будущей неделе. Тогда примусь за Ваше дело. Большой статьи не обещаю, да и не к чему, а так, что выльется. Мнение, конечно, я себе составил. Только вот какое комическое осложнение — искал №№ «Р[усских] вед[омостей]», в которых напечатаны циркуляры, и не мог найти, куда мы их заложили. Пришлите мне какую-нибудь газету с этими текстами. От Вернадского¹⁴ не имею никаких сведений и боюсь, что при его обычной медленности дело застынет. — Сколько печатаете «Освобождения» и сколько рассылаете? Русская почта, вероятно, делает большие выемки. Жена благодарит за поклон и кланяется.

Ваш П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 60—60об.

№ 8

31, Broadwater Down, Tunbridge Wells

27 февраля 1903 г.^а

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Благодарю Вас за то, что Вы дали мне возможность высказаться по поводу доставленного Вам изложения зубатовского дела¹⁵. Изложение это неточно, односторонне и искажает факты. В виде характерных неточностей укажу на то, что в нем говорится об избрании меня и В.Ю. Скалона¹⁶ Озеровым¹⁷, между тем как нам было предложено рассмотреть дело всеми его участниками. Лично меня просили Ден¹⁸ и Вормс¹⁹ помимо Озерова. Затем, сказано, что на совещании большинство высказались против продолжения чтений, между тем как голоса разделились приблизительно поровну. За продолжение, кроме меня и Скалона, высказались Озеров, Игнатьев²⁰, Анофриев²¹; против — Мануйлов²², Ден, Виленц²³ и Ремезов²⁴. Езерский²⁵ высказался за продолжение, но с такими ограничениями, что его нельзя было причислить ни к той, ни к другой стороне. Вообще, произошел *itio in partu*⁶, т[ак] к[ак], конечно, не могло быть речи об обязательности мнения большинства для меньшинства. Это мелочи, но характерные для окраски сообщения. Не знаю, считать ли также характерным, что автор, упомянув о том, что я горячо стоял за продолжение, затем вскоре вышел в отставку и уехал за границу!

^а Рукой П.Г.Струве: «Сохран[ить]» (красный карандаш).

⁶ Возвращаясь к началу (возврат к началу) (фр.).

Хуже, что составитель, знакомый, по-видимому, с некоторыми мелочами, хотя и не точно их передающий, совершенно умолчал о записке, которой я и Скалон мотивировали свои взгляды на дело. Сущность сводилась к тому, что продолжение просветительных чтений, распространяющих в среде рабочих сведения об идеалах западных рабочих и их формах организации, крайне желательно, хотя бы оно обуславливалось разрешением охранного отделения и даже признавалось им, по его соображениям, допустимым и желательным. Политика охранного отделения, по нашему мнению, не обязывала нас *par contrecour*^a закрыть этот способ просветительского воздействия, п[отому] ч[то] политика эта, какие бы ни были ее временные успехи (хотя бы она и воспрепятствовала коалиции между студентами и рабочими в феврале, скажу я теперь), в корне побивает сама себя: либо она должна привести к существенным уступкам, от которых не следует отказываться в виду только поддержания раздражения среди рабочих, или, что гораздо вероятнее, выйдут одни басни, а соловья баснями не кормят, и закрыть идейный процесс и реальные потребности, раз возбудив их, будет не так легко.

Но, вместе с тем, ввиду несомненной примеси к этому делу полицейских махинаций, подозрительности некоторых руководителей среди рабочих, неосторожности и ошибок со стороны лекторов, мы считали, что продолжать дело можно было, только реорганизовав его. Лучше было бы, если бы оно с самого начала было организовано, но т[ак] к[ак] этот начальный период был упущен, то оставалось попытаться реорганизовать. И в этом отношении выставлялись три требования: 1. Лекции и собеседования должны впредь вестись планомерно сплоченным кружком лекторов, а не зависеть от случайных переговоров и соглашений между отдельными лекторами и всеми возможными лицами Афанасьевыми, Соколовыми²⁶, Треповыми²⁷, охраной и т.д. 2. Лекторы должны устраниваться от участия в практических начинаниях, районных собраниях, т[ак] к[ак] у них нет ни времени, ни возможности следить за чистотой и правильностью этой стороны дела. 3. В устранении подозрений и основательных возражений против самозванного характера союза и неблагоприятных действий его членов необходимо было требовать правильных выборов членов союза рабочими механич[еского] производства. Постановка этих условий предотвратила бы, мне кажется, то блуждание во мгле и ту зависимость от интриг, на кот[орых] строило свою политику охранное отделение. Если же оно подчинялось бы им, то, по моему крайнему разумению и убеждению, надо было читать и беседовать как можно энергичнее. Вместо этого лектора расползлись, и охранному отделению не пришлось даже раскрывать карты, прекративши своей властью затею, из которой они извлекли временные выгоды. Мне не пришлось особенно расплачиваться за свои взгляды на это дело, по разным причинам от наших так называемых радикалов не зависящим, но бедный Озеров вяпался [?], как говорится, здорово. Он напутал много и сделал даже несколько ложных шагов. Но в основе им руководит прежде всего горячая преданность делу просвещения и освобождения. Всего

---

^a В ответ (фр.).

не перескажешь, Вы и в этих набросках прочтете обычную российскую повесть на тему: «Своя своих не познаша».

О шведской книге напишу, хотя не знаю, когда. Буду ее почитать в вагоне во время поездок в Лондон. «Освобождение» читаю с удовольствием. Дело не в частностях, которые могут быть более или менее удачны, а в впечатлении целого. Это, несомненно, лучшее в настоящее время зеркало, отражающее искаженные, звериные черты русской действительности.

Интересно знать, что побудило петерб[ургский] Совет отменить акт²⁸ — общие опасения или что-нибудь более конкретное?

Жена благодарит за память и посылает поклон.

Ваш П.Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 61—69об.

№ 9

31, Broadwater Down, Tunbridge Wells

8 марта 1903 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Записка была составлена с тем, чтобы быть прочитанной многим лицам, и потому я не вижу никакой необходимости делать из нее секрет теперь. Поэтому уполномочиваю Вас воспользоваться моим сообщением, поскольку оно представляет изложение фактов²⁹.

Я думаю, что, если бы программа, намеченная в записке, была взята в руководство с начала собеседований, то она могла бы послужить для них подходящей почвой. В начале декабря, когда состоялось совещание лекторов, момент был уже в значительной степени упущен, но мне и некоторым другим жаль было бросать дела, не попытав вывести его на лучшую дорогу. «Враг», конечно, мой пал <...>, но тогда прекращение собеседований было бы его делом, а не нашим.

Преданный Вам

П.Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 70—71об.

№ 10

The Hermitage Hitchin

9 мая 1903 г.^а

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Я, наконец, собрался прочесть «Det Revolutionära Ryssland»³⁰. И, правду сказать, не знаю, как поступить по поводу этой книги. Она едва ли заслуживает обстоятельного разбора: автор лишь поверхностно знаком с историей, учреждениями и бытом России; много прямых ошибок и странных недоразумений; есть следы и предвзятых, хотя естественных пристрастий. Факты внешней истории революционных попыток и орга-

^а Рукой П.Г.Струве: «Дан ответ» (красный карандаш).

низаций переданы довольно верно, но углубление темы в смысле суждения о связи с общей эволюцией России не по силам автору^а.

Так как в «Освобождении» не может быть речи о чисто научном разборе, а по тенденции книга все-таки симпатичная, то не лучше ли ограничиться упоминанием о ее присылке и совсем не разбирать? Если бы пришлось писать, то разве по поводу, а не о ней. Чтобы не быть голословным, обращаю Ваше внимание на два—три момента, вырванные наудачу:

[Стр.] 29: вожди движения 40-х и начала 50-х годов — Герцен³¹, И.Тургенев³², Белинский³³ и Бакунин³⁴.

Тургенев оставляет Россию и пишет за границей свои романы и повести, напр[имер], «Записки охотника».

[Стр.] 30. Сведениями из России для «Колокола» Герцен обязан влиятельным друзьям Тургенева в Петербурге.

[Стр.] 39: «Главной целью Редакционного комитета, составленного преимущественно из бюрократов, было охранять интересы самодержавия или верховенство чиновничества».

«Дворяне в общем поняли положение, усвоили себе точку зрения общественной пользы и в большинстве своем приступили к реформе с честными стремлениями, но мало-помалу были устранены чиновниками».

[Стр.] 67. Различение между славянофилами и панславистами, основанное на том, что первые представляют националистическое течение *без политической* программы, а вторые являются продолжателями славянофилов в чисто политическом направлении. Катков³⁵ является панславистом.

[Стр.] 234. Куропаткин³⁶ — необразованный <...>, обязанный своим возвышением более подчинению реакционным вождям, нежели каким-то обнаруженным им знаниям и заслугам.

[Стр.] 242. В 1899 году получили отставку 10 профессоров Московского университета, 4 Петербургского.

[Стр.] 262. В числе арестованных 1200 человек в Москве в 1901 г. был 21 офицер.

Во всей России рабочие проникнуты в настоящее время убеждением, что самодержавие, царская власть — враг, против которого необходимо бороться.

Так что едва ли стоит иметь разбор этой книжки; если же писать его, то надо это делать с очень своеобразной точки зрения.

Маленькая поправка к изложению зубатовских событий. В числе высказывавших *за* и *против* продолжения совещаний с рабочими каким-то образом выпало имя Дена: он голосовал *против*. Надеюсь, что <...> не мне [?] посланного Вам сообщения.

Ответ на это письмо прошу Вас адресовать по-прежнему в Tunbridge Wells. Я здесь лишь в гостях на короткое время.

Преданный Вам

П.Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 72—75об.

^а «Почти все существенное взято из Степняка, Free Russia, Гиммельстиерна и т.п.» (примеч. П.Г. Виноградова).

№ 11

*31, Broadwater Down, Tunbridge Wells**6 июня 1903 г.*

Милостивый государь Петр Берн[г]ардович.

Мы на днях уезжаем на вакацию в Россию, и я попрошу Вас приостановить пока высылку мне номеров «Освобождения». По возвращению в Англию я пришлю свой новый адрес.

Преданный Вам

П.Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 76.

№ 12

*31, Broadwater Down, Tunbridge Wells**18 сентября 1903 г.^а*

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

На днях я вернулся сюда и хочу предложить Вам небольшой обзор деятельности министра народного просвещения. Несколько месяцев тому назад Вы предлагали мне написать статью по этому поводу, но тогда я отказался по неимению достаточного материала. Теперь же этого материала имеется с избытком. Хорошо было бы в соответствующих местах проставить ссылки на подлинные циркуляры, но у меня нет более под руками датированных текстов и я сделать этого здесь не могу. По существу своему указания, мне кажется, достаточно точны. Хорошо было бы иметь корректуру статьи, если Вас не затруднит ее присылка.

Состоялся ли съезд в Париже, о котором писал мне С.А.Котляревский и на котором я, к сожалению, не мог участвовать?

Преданный Вам

П.Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 77—78.

№ 13

*31, Broadwater Down, Tunbridge Wells**27 сентября 1903 г.^а*

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

В только что полученном № «Петербургских ведомостей» (№ 248) прочел дивные выдержки из секретной переписки 1852 г. о славянофильских кружках³⁷, которые не уступают недавно опубликованному у Вас отзыву В[еликого] кн[язя] Сергея Александровича³⁸ о юридическом обществе³⁹.

Если еще не поздно, вставьте в моей статье, там где говорится о школьной публицистике учителей по зенгеровскому циркуляру, что отличие русской свободы от английской и т.д., после всех «что» —

^а Рукой П.Г.Струве: «Дан ответ» (синий карандаш).

«Что давно уже по Высочайшему повелению сообщено шефом жан-дармов Министру народного просвещения, чтобы все выводы ученых и писателей клонились к возвышению Российской империи (см. «Русская старина», сентябрь)»⁴⁰. Так же, если не поздно, прошу в начале статьи заменить выражение «протогонисты» другим — «главные деятели»⁴¹.

Ваш П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 79—80.

№ 14

31, Broadwater Down, Tunbridge Wells

7 октября 1903 г.^а

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Не могу отказаться написать предисловие к предлагаемому Вами выпуску материалов по университетскому вопросу, особенно если дело идет о докладе комиссии в ответ на вопросы Ванновского⁴². Была еще другая комиссия, весенняя 1901 года, под председательством Зернова⁴³, в которой я тоже принимал участие, но, правду говоря, этого доклада не стоит печатать — на него неблагоприятно повлиял Герье⁴⁴, который политиканил [?] и старался свести дело на minimum, даже не хотел упоминания об автономии. Впрочем, Вы, наверное, имели ввиду окончательный доклад, представленный осенью. Текста его у меня здесь нет, и я прошу прислать корректуру. У меня очень много всякого рода работы, но я надеюсь, что не задержу.

Позвольте, кстати, сообщить Вам о двух—трех поправках к напечатанному в Вашей интересной первой книжке сборника «Освобождение» записок Герцена⁴⁵ — быть может, они когда-нибудь и пригодятся.

[Стр.] 14: Дюма уже выводил июньские дни в римской латиславе (?)^б на сцену: должно быть латиклава — *toga laticlava*, тога с широкой пурпурной каймой, которую носили римские сенаторы и — мальчики.

[Стр.] 16: «В виду Эстрель, с одной стороны, и Карниче, с другой». Должно быть Эстерель и Корниче. Первый — чудный горный массив к западу от Канн, вторая — итальянское произношение *Corniche*, которая возвышается над Ривьерой от Ниццы до Ментоны. Это пустышки, кажется, но и о пустышках можно заметить, когда дело идет о таких вещах, как литературное наследие Герцена.

Конечно, интересно будет познакомиться с Вашими неизданными материалами по университетским делам. Вы мне присылали (в Канн) прелюбопытную коллекцию прокламаций и бюллетеней. Если есть еще что-нибудь новое, пожалуйста, пришлите.

Еще просьба: у Вас, наверное, очень полный материал по заявлениям уездных комитетов о нуждах крестьян. У меня есть только записка Воронежского и Ружского комитетов. Не пришлете ли мне еще несколь-

^а Рукой П.Г.Струве: «Дан ответ» (красный карандаш).

^б В слове «латислава» П.Б.Струве исправил красным карандашом «с» над «к».

ко характерных и дельных записок? Мне придется, вероятно, написать статьи по этому поводу для нового английского журнала («Independent review»), к сожалению, под псевдонимом⁴⁶. Очень тяготит эта необходимость прятаться, но ничего не поделаешь. Не могу порвать связей с Россией. Я пробыл там летом месяца два. Кстати, чем объясняется, что русские газеты (я получаю «Петерб[ургские] вед[омости]») замалчивают агитацию в Англии по поводу Крушевского дела⁴⁷ — митинг в St. James' Hall, письмо Эванса⁴⁸, сбор пожертвований — собственным патриотизмом или каким-нибудь <...> Зверева⁴⁹?

Ваш П.В.

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 81—84об.

№ 15

31, Broadwater Down, Tunbridge Wells

18 октября 1903 г.

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Очень Вам благодарен за присылку «Студента»⁵⁰ и записки Харьковского комитета. Я получил их сегодня и, что называется, проглотил первый. Скажу правду — он произвел на меня тяжелое впечатление. Мне, конечно, давно знакомо это революционное настроение в студенчестве, и при нынешних условиях оно неизбежно должно образоваться именно в этом направлении. Но и условия, и результаты остаются все-таки глубоко грустными. Сколько сильной злобы, разрушительных инстинктов, сознательной игры и противокультурного варварства накопилось и накапливается под твердо пригнанной крышей русского самодержавия. Когда ее снесет взрыв, трудно будет созидать на такой почве.

Это чтение меня, между прочим, поддерживает в моей мысли, что весеннего доклада московского Совета в отдельности издавать не следует. Это робкое предисловие к реформенным предложениям получает смысл в связи с последующим. Надо, таким образом, напечатать оба доклада, и к каждому изданию я по долгу совести не отказываюсь написать предисловие. Вы, наверное, желали бы того же, но вопрос в том, как достать осенний доклад. Писать о нем кому бы то ни было я лишен возможности. Как я имел случай убедиться, за моей перепиской следят неукоснительно — я, очевидно, попал в какую-нибудь черную книгу⁵¹. Достать доклад на глазах у перлюстратора, а затем написать к нему предисловие значило бы тоже самое, что подписать свою фамилию под этим предисловием, чего я сделать не могу. Тем не менее, мне кажется, можно достать этот доклад без особого затруднения. Он был напечатан в большом числе экземпляров (для всех членов Совета), и, если не через постоянных Ваших корреспондентов, то через лиц, имеющих отношение к русской школе в Париже⁵², я полагаю, можно было бы это сделать. Не едет ли в Россию, например, Котляревский? Жаль, конечно, что на это требуются хлопоты и время, но лучше выждать, чем публиковать вещи обрывочные и тем самым искаженные. Ведь не для того же только издавать подобные документы, чтобы иллюстрировать невозможное положение профессоров.

Очень сожалею, что приходится советовать проволочку. Но чувствую, что при иной постановке не сумею найти верный тон. Записку Трубецкого⁵³ советовал бы напечатать, конечно.

Преданный Вам

П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 85—88об.

№ 16

31, Broadwater Down, Tunbridge Wells

8 января 1904 г.^а

Многоуважаемый Петр Берн[г]ардович.

Обращаюсь к Вам сегодня по поручению редакции «Independent Review», нового радикального журнала, основанного здесь и о котором Вы, быть может, слышали. Редакция просит Вас написать для них небольшую статью, около 5000 слов, на тему, если возможно, «Russian Methods of Government». Вам ничего не стоит написать такую статью, которая займет у них страниц 12—13, так как они считают приблизительно 400 слов на странице. Я их предупредил, что Вы напишете, вероятно по-русски или, может быть, по-немецки, и они не затруднятся сделать перевод. Гонорар у них полагается 2 фунта за 1000 слов. Дело, конечно, не в этом, а в том, что Ваша статья в влиятельном и симпатичном английском органе будет несомненно полезна. То, что пишется здесь о России, обыкновенно враждебно, но и бестолково.

Если потребуются какие-нибудь дополнительные сведения, то запросите редактора, адрес которого:

Edw. Jenks Esq. 1 Garden Court, Temple London E. C.

Нужен ли Вам Ваш номер «Хозяина» и другие документы? Я все так занят, что читал их только урывками. Впрочем, возвращу по первому требованию.

Преданный Вам

П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 89—90об.

№ 17

31, Broadwater Down, Tunbridge Wells

20 января 1904 г.^а

Милостивый государь Петр Берн[г]ардович.

Позвольте беспокоить Вас вопросом, получили ли Вы мое письмо относительно статьи для «Independent Review»? Я не стал бы Вас беспокоить, если бы дело не касалось третьих лиц.

Преданный Вам

П. Виноградов

РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 91.

^а Рукой П.Г.Струве: «Дан ответ» (синий карандаш).

Примечания

¹ Жуковский Д.Е. — общественный деятель, вел переговоры о редактировании журнала «Освобождение» с П.Н.Милюковым, затем помогал П.Б.Струве в установлении контактов с возможными корреспондентами издания, в том числе и с П.Г.Виноградовым.

² Имеется в виду комиссия по реформе средней школы под председательством П.С.Ванновского, заседавшая с 22 января по 4 февраля 1902 г.

³ См.: Виноградов П.Г. Школа на скандинавском севере и борьба за нее // Вестник Европы. 1902. Март. С. 95—129. Вышла отдельной брошюрой под названием «Борьба за школу на скандинавском севере» (СПб., 1902).

⁴ Статьи П.Г.Виноградова в «Освобождении» подписывались: «авв».

⁵ Современный аналог — почта «до востребования».

⁶ Статья «Что делается и что делать в русских университетах?» была опубликована в №№ 2 и 3 «Освобождения» (С. 21—23, 39—40).

⁷ Из дальнейшего изложения видно, что речь идет о статье «От редактора», открывавшей первый выпуск «Освобождения».

⁸ По-видимому, П.Г.Виноградов имел в виду протест против закона о воинской повинности, изданного без согласия сейма. См.: Сила и право в Финляндии // Освобождение. 1902. № 3. 19 июля (1 августа). С. 42—43.

⁹ Скорее всего данный текст составил основу статьи «Новые временные правила», т.к. никакой другой публикации, подписанной «авв», в №№ 4—7 «Освобождения» не было.

¹⁰ 1 (14) сентября в день посещения Николаем II Курска в губернаторском доме были собраны некоторые волостные старшины и сельские старосты Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской губерний. Обращаясь к ним, Николай II сказал: «Весною в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний крестьяне разграбили соседние экономии. Виновные понесут заслуженное ими наказание, а начальство сумеет, я уверен, не допустить на будущее подобных беспорядков. Напоминаю вам слова покойного моего батюшки, сказанные в дни священного венчания на царство: «Слушайте ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам». Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим. Передайте в точности все, что я вам сказал, вашим односельчанам, а также и то, что действительные их нужды я не оставляю своим попечением». Возможно, последняя часть заявления напомнила Виноградову известное высказывание Николая II 17 января 1895 г. о «бессмысленности мечтаний», ставшее ответом на ожидание земцами созыва представительного органа в России.

¹¹ *Георгиевский А.И.* (1830—1911) — ученый и государственный деятель. В 1873—1898 гг. председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения. Записка А.И.Георгиевского «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков» (СПб., 1890) была использована П.Г.Струве в сборнике «Материалы по университетскому вопросу» (Вып. I. Stuttgart, 1902). Предисловие к изданию было написано самим П.Б.Струве.

¹² См.: Новые временные правила // Освобождение. 1902. № 8. 2 (15) октября. С. 116—119.

¹³ См.: Виноградов П.Г. Местное самоуправление в Англии // Мелкая земская единица. СПб., 1902. В следующем году статья вышла отдельной брошюрой.

¹⁴ *Вернадский В.И.* (1863—1945) — естествоиспытатель и общественный деятель, профессор минералогии и кристаллографии Московского университета, академик Петербургской АН.

¹⁵ См.: М-ч. Зубатовщина // Освобождение. 1903. № 17. 16 февраля (1 марта). С. 293—295; там же. № 18. 2 (15) марта. С. 317—319; там же. № 19. 19 марта (1 апреля). С. 331—332; там же. №№ 20/21. 18 апреля (1 мая). С. 361—363.

¹⁶ *Скалон В.Ю.* (1846—1907) — общественный деятель, публицист, сотрудник редакции газеты «Русские ведомости».

¹⁷ *Озеров И.Х.* (1869—?) — профессор Московского и Петербургского университетов, член Государственного совета.

¹⁸ *Ден (Дэн) В.Э.* (1867—?) — приват-доцент Московского университета, с 1902 г. — профессор Петербургского политехнического института по кафедре политической географии.

¹⁹ *Вормс А.Э.* (1868—?) — профессор Московского коммерческого института и Демидовского юридического лицея в Ярославле.

²⁰ *Игнатьев В.Е.* (1859—?) — врач Константиновского межевого института, старший ассистент по кафедре гигиены Московского университета, председатель Московского гигиенического общества.

²¹ Возможно: *Анофриев В.И.* — член Московского комитета грамотности.

²² *Мануйлов А.А.* (1861—1929) — профессор политэкономии Московского университета, в 1905—1911 гг. — ректор МУ, в 1917 г. министр народного просвещения первых двух составов Временного правительства.

²³ Виленц В.Г. (1855—1903) — присяжный поверенный.

²⁴ *Ремезов Ф.Н.* — врач, лектор Екатерининских фельдшерских курсов в Москве.

²⁵ Возможно: *Езерский Н.Ф.* (1870—?) — публицист, общественный деятель, депутат I Государственной думы.

²⁶ *Афанасьев М.А.* и *Соколов И.* — креатуры С.В. Зубатова, лидеры «Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве».

²⁷ *Трепов Д.Ф.* (1855—1906) — генерал-майор, с 1896 по 1905 г. московский обер-полицмейстер.

²⁸ Имеется в виду торжественный акт Санкт-Петербургского университета, проводимый ежегодно 8 февраля в ознаменование открытия университета.

²⁹ Часть предыдущего письма П.Г. Виноградова была включена П.Б. Струве в помещенную в № 19 «Освобождения» статью «Зубатовщина» (С. 332).

³⁰ Zilliacus Conni. Det Revolutionära Russland. Stockholm, 1902.

³¹ *Герцен А.И.* (1812—1870) — общественный деятель, писатель, философ.

³² *Тургенев И.С.* (1818—1883) — писатель.

³³ *Белинский В.Г.* (1811—1848) — критик, публицист.

³⁴ *Бакунин М.А.* (1814—1876) — революционер, публицист, философ.

³⁵ *Катков М.Н.* (1817—1887) — публицист, издатель.

³⁶ *Куропаткин А.Н.* (1848—1925) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1898—1904 гг. военный министр.

³⁷ См.: Первые славянофилы // Петербургские ведомости. 1903. 11 (24) сентября. С. 2—3.

³⁸ *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, четвертый сын Александра II. С 1891 г. московский генерал-губернатор.

³⁹ См.: Документы по делу Московского юридического общества // Освобождение. 1903. № 6 (30). 2 (15) сентября. С. 97—100.

⁴⁰ См.: Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Сентябрь. С. 666.

⁴¹ Изменения не были внесены.

⁴² *Ванновский П.С.* (1822—1904) — военный и государственный деятель. В 1901—1902 гг. министр народного просвещения. Имеются в виду «Мотивированные ответы на поставленные господином министром народного просвещения вопросы, касающиеся устройства университетов, и мнения отдельных членов Совета по этому предмету» (М., 1901).

⁴³ *Зернов Д.Н.* (1843—1917) — профессор нормальной анатомии Московского университета, возглавлял избранную Советом университета 28 февраля 1901 г. комиссию для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни.

⁴⁴ *Герье В.И.* (1837—1919) — историк и общественный деятель, профессор всеобщей истории Московского университета, член-корреспондент Петербургской АН, учитель П.Г.Виноградова.

⁴⁵ Ср.: Герцен А. Отрывки из «Былого и дум» // Освобождение. Книга первая. Stuttgart, 1903. С. 1—16h.

⁴⁶ Статья П.Г.Виноградова «Крестьянское сословие в России» вышла в «Независимом обозрении» с подписью. См.: Vinogradoff P. The Peasant Caste in Russia // Independent Review. 1904. Vol. IV. №. P. 89—101.

⁴⁷ Крушев — город в Македонии, население которого было почти полностью уничтожено во время боевых действий между баши-бузуками и повстанческими четами. Обзор событий в Македонии в это время уже уступил место на страницах российских газет обсуждению вопросов английской таможенной политики.

⁴⁸ *Эванс Самуэль Томас* (1859—1918) — английский правовед, политический деятель, представитель радикального крыла либералов.

⁴⁹ *Зверев Н.А.* (1850—1917) — бывший профессор Московского университета, ректор. В 1902—1904 гг. начальник Главного управления по делам печати, проводил реакционную политику в отношении печати.

⁵⁰ «Студент» — газета революционно-демократического студенчества. Всего вышло два номера: первый — в апреле 1903 г. в Женеве, а 2/3 (сдвоенный) — в сентябре 1903 г. в Цюрихе. Возможно, речь идет о втором номере, обзор которого был сделан П.Б.Струве в редакционной статье (см.: Освобождение. 1903. № 8 (32). 2 (15) октября. С. 131).

⁵¹ П.Г.Виноградов прав в своем предположении. Его переписка вызвала повышенный интерес у перлюстраторов после отъезда историка за границу, о чем свидетельствуют данные каталога ГА РФ (более 20 копий только за 1902—1903 гг.).

⁵² Русская высшая школа общественных наук в Париже была открыта в ноябре 1903 г. В 1905 г. П.Г.Виноградов прочел в ней лекцию «Кризис английского правоведения».

⁵³ *Трубецкой Е.Н.* (1863—1920) — князь, философ и общественный деятель, профессор Киевского, с 1905 г. — Московского университетов. П.Г.Виноградов имеет в виду его записку о причинах студенческих беспорядков, приложенную к докладу комиссии Киевского университета по поводу мер, предложенных к исполнению циркуляром министра народного просвещения от 21 июля 1899 г.

ЗАГАДКА КОМИССИОННЫХ ГРАМОТ

XVI век

Среди дел, связанных происхождением с историей Речи Посполитой и ныне хранящихся в Государственном архиве Нижегородской области (ГАО), обращают на себя внимание два полоцких документа XVI века: запись о куплях архиепископа Симеона для монастыря Николы-на-Лучне (1531) (док. № 1) и грамота Сигизмунда III полоцким наместникам о передаче церковных сел иезуитскому коллегиуму (1589) (док. № 2). Неясно, когда и как дела из Речи Посполитой оказались в ГАО, однако на двух рассматриваемых грамотах есть пометы, которые могут пролить свет на источник поступления всей группы материалов. Пометы сделаны на обороте грамот характерным канцелярским почерком первой половины — второй трети XIX в. и гласят (соответственно): «По Комиссии № 79 Лит[ера] М» и «По Комиссии № 159 Лит[ера] М». Совершенно очевидно, что речь здесь идет не о Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК), созданной в 1887 г. (в ее коллекции сейчас учтены все хранящиеся в архиве польско-литовско-белорусские материалы): НГУАК иначе помечала свои материалы, да и почерк помет более ранний. Остается предположить, что пометы подразумевают Археографическую комиссию (Петербургскую или Виленскую?). Видимо, хранителям фондов археографических комиссий имеет смысл проверить старые описи (если они сохранились), и тогда станет ясным происхождение публикуемых грамот, загадочным образом оказавшихся в Нижнем Новгороде и наверняка считавшихся утраченными.

Док. № 1 представляет из себя продолговатый пергаменный лист, неровный по краям (внизу чуть шире), с небольшим отверстием и следами трех зашитых отверстий. Есть два чернильных потека и незначительные следы попадания влаги. Текст грамоты написан темно-коричневыми (почти черными) чернилами, местами чуть выцветшими. Перед текстом небольшое изображение креста. Почерк — четкий полуустав; встречаются «юс малый» и написание «оу». На обороте грамоты — с трудом прочитываемые записи, сделанные светло-коричневыми чернилами; удалось разобрать: 1) вверху — «Na oTulowo list o... ojca [vladyki?] Simeona y na inshe...»; 2) посередине листа сбоку — помета черными чернилами: «Voz...Domu» и ниже светло-коричневыми чернилами — «do Otulowa... 1531 Marca 22»; ниже — помета: «по Комиссии № 79 лит.М». У кромки листа помета светло-коричневыми чернилами: «1A Fasc [?] 9» (номер акта в архиве Речи Посполитой?). Внизу листа — три группы маленьких отверстий от шнуров, к которым крепилась печать (не сохранилась).

Текст грамоты написан коричневыми чернилами (л. 1) и черными выцветшими чернилами (л. 2). Почерк — западноевропейская скоропись (писарская на л. 1 и грубая на л. 2). Печать красного сургуча, заклеена белой бумагой. Надпись на печати:

«Sigismundus III Dei Gratia Rex Poloniae Magnus Dux Litvaniae Rus Prus Samogitiae Masovi Livoniae itcetc». Помета коричневыми чернилами, первая половина — вторая треть XIX в.: По Комиссии № 159 Лит. М.

Для специалистов по истории Полоцкой земли обе грамоты, ранее не публиковавшиеся, представляют научный интерес, прежде всего, для изучения проблем церковной собственности. В частности, выясняется размер вкладов архиепископа

Симеона (Семиона) II в монастырь св. Николы-на-Лучне к 1531 г.¹ Дефектная грамота Сигизмунда III интересна ссылкой на предыдущий документ Стефана Батория (1586 г.), а также показом взаимоотношений между королевской властью и наместниками вокруг вопроса о передаче сел иезуитам. Имеют значение и персоналии, упомянутые в обеих грамотах (фамилии бояр), топонимы (с. Тулово — ныне в черте г. Витебска), факт купли сельца у скомороха и т.п., а также языковой строй грамот. Таким образом, публикация грамот вводит в научный оборот ряд новых сведений по истории Русских земель в составе Речи Посполитой.

Публикацию подготовил кандидат филологических наук Б.М.ПУДАЛОВ.

№ 1

Запись о куплях Симеона II, архиепископа Полоцкого, монастырю Николы-на-Лучне

22 марта 1531 г.

† Въ имя живоначалныя Троица. Се аз, смиренный Семион, архиепископ Полотцькы, купил есми село на Тулове святому Николу на Лучно у Филиповое жены у Соициной у Зиновии и у ее детей у Ариста да у Ленидъка: землю роленную и бортьную, с озера, и с реками, и с устьи, река Прокшица с устьем и с езы по Ленидов рубежь, река Липница с езы, а в озере в Липне половина, а въ-строве пашня и сеножати, да Орехова лука, а три тони в озере опиришии. А в озера^а в вси поити в Туросно озеро изъ-о-Тулова, истоки с езы. А дал есми осмьнадесять рублев. А купил есмь селце у Петрища у скомороха туто же, а дал есми два рубли. А туто же по ряду купил есми селце у Филипца у Храпчина брата, а дал есми два рубли. А то все святому Николу на Лучно. А рубежь с Ушаны, а по великой дорозе по обе стороны земля святого Николы, а рубежь с Ушаны в ведоме. А то есми купил все не епископским добытком, но с собою есми принесл. А хто будет наш брат по нашем животе, тот бы ся не вступал в тые земли святого Николы, а то бы заведал игумен с братьею, хто будет. А земьци тои земли Сава Величковичь, Данило Олешьчиничь, Родивон Власовичь, а приказал есми дом святого Николы детем своим, бояром полотцькым и мужем полочаном всим печаловатися домом святого Николы, хто иметь обидет. А на то послуси: Василей Дмитриевичь, Григорей Патрекеевичь, Василей Он-

¹ П.М.Строев относит первое упоминание Симеона к 14 сентября 1538 г., а монастырь вообще не указывает. А.Л.Хорошкевич приводит известия о пожалованиях сел «монастырю св.Николы на Лучше» [опечатка; надо: «на Лучне». — Б.П.] в первой половине XV в., из «Полоцкой ревизии» 1552 г. (упоминается игумен св.Николы «с Лучны», который по раскладке повинностей должен сооружать 2 городни) и о том, что монастырь этот оставался в Полоцке еще при Стефане Батории. См.: Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Русской церкви. СПб., 1877. Стб. 496—497. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А.Л.Хорошкевич. Вып. V. С. 121, 128, 136.

^а В слове «озера» между третьей и четвертой буквой — отверстие в пергаменте (примерно 0,5 см).

древичь, Ленид Патрекеевичь, игумен Лученьский Калист, скарбьник владычень Митрофан, наместник владычень Юрьи, поп Левко. А хто иметь вступатся, судить нас святая Троица на Страшном суде. А сию грамоту дал есми на съблюдения Ваську Татаринову, Герасиму Заскорчину, Ивашку Булавчину, Захарии Заскорчину. // (об.) А в том же селе на Тулове на сябрех на Семенце с детьми польчетверта рубли, на Огафонце с детьми польтретья рубли, на Щетине полтина, а бортьника дала княгини Мария в дом святого Николы и с женою и с детьми.

ГАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 18. Л. 1. Подлинник. 210 (220)х320 мм.

№ 2

Грамота Сигизмунда III полоцким наместникам о передаче церковных сел иезуитскому коллегияму

12 февраля — 18 мая 1589 г.

(л.1) Жикгимонт Третий Божьею милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий, Лифляндский, тою ж Божьею милостью назначонный король Шведский и Готский, Вандалский и великое княже Филянское,

Земьяном нашим воеводства Полоцкого наместнику Новгородскому Николаю Глебовичу, есмани Якубу Семашке, намеснику Полоцкому Валерияну Волскому, а Ивану Шалусе. Иже што в року тисеча пятьсот осмдесят шестом мели есте справу за мандаты государьскими перед продком нашим славное памяти Стефаном королем зынстым гатором нашим Мальхером Каменским о непоступенье певных сел, в земли Полоцкой лежачих, на колеиум Полоцкое от звыш(е)помененого продка нашего наданных и жендованых, а потом и декретами его государьскими присужоных, яко ж на року припалом продок наш славное памяти тых справ прослухавши за доскональным показанием и доводы тые села церковные, которие вы под собою без правне держите, новыми декретами своими колеиум Полоцкому присудил, вложивши то на комисари свои певные особы, абы они тые села водлуг фундацы и декретов градьских отцом езуитом колеиум Полоцкого в моц и в уживанье подали и ограничили, яко о том шире на декретех продка нашего славное памяти короля Стефана в той справе учиненых... [далее текст утрачен. — Б.П.]//

// [на обороте листа] ...продка нашего Стефана привороченя тых сел до колеиум Полоцкого не боронили, послушни будучи во всем тым комисаром нашим конечно. Писан в Городъне лета от нароженья Сына Божого тисеча пятьсот осмьдесят девятого месяца февряля дванадцатого дня.

[Подпись справщика] писарь
Андрей Иванович

(л. 2) Року 89 месяца мая 18 я, Иван Васильевич Скорено^а возный воеводства Полоцкого, указывалом лист королевский^а его милости пану Ивану Шалусе у дворе его меж чиншом, и с того листу его королевской милости копею списавши слова у слова, с печатью и с подпискою руки моее власное они(й) лист в руки ему самому подал.

ГАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—2. Подлинник, дефектный: л. 1 — 208x155 мм; л. 2 — 170x155 мм.

---

^а Прочитывается неуверенно.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ АЛЕКСАНДРА I

Черновик манифеста об учреждении министерств. 1802 г.

История министерской реформы в России в начале XIX века до сих пор остается недостаточно исследованной. Особенно это касается вопроса разработки и подготовки манифеста об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. В его основу был положен проект, составленный Н.Н.Новосильцевым, который обсуждался на заседаниях Негласного комитета 11 и 21 апреля 1802 г.¹ Два черновика этого манифеста, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 526. Д. 71. № 2. Л. 1—6), исследованы в работах А.В.Предтеченского, А.И.Парусова, Н.П.Ерошкина, С.М.Казанцева². Другую группу черновиков образуют материалы из Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук (СПб ФИРИ РАН. К. 115. Оп. 1. № 1186. Л. 1—41об.), введенные в научный оборот М.М.Сафоновым³.

Публикуемый источник до настоящего времени неисследован в исторической и историко-юридической литературе, что объясняется его находждением в составе фонда 1101 — «Документы личного происхождения разных лиц (коллекция)» Росси́йского государственного исторического архива (РГИА), который не включен в основную часть путеводителя архива и потому находился в стороне от главных направлений исследовательских интересов. «Проект манифеста Александра I об учреждении министерств» (дело № 225) представляет собой два согнутых пополам листа бумаги с филигранью «GATER 1801». На листах сохранилась старая пагинация, в виде цифр 1 и 2. Современная пагинация 1—4. Текст проекта написан чернилами на правой половине каждого листа, левая половина пустая. Манифест имеет заголовок, написанный на французском языке («*Projet de Alexandre*»), сверху с левой стороны на первом листе. Документ датирован 1802 г. Его автор не установлен.

Основное содержание источника — это обоснование учреждения министерств, подкрепленное кратким экскурсом в историю, и выражение намерений и целей императора Александра I в связи с осуществлением этой меры. В небольшом по объе-

---

¹ См.: Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). В 3 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 208—218.

Новосильцев Н.Н. (1768—1838) — граф, государственный деятель. Член Негласного комитета — неофициального органа при императоре Александре I в 1801—1803 гг., подготовившего проекты учреждения министерств, реформы Сената и другие реформы.

² См.: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957; Парусов А.И. Административные реформы в России в первой четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1967; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981; Казанцев С.М. Реформы высших и центральных государственных органов Российской империи в начале XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1981.

³ См.: Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

му черновике содержится ряд важных положений, не вошедших в окончательный текст манифеста. Прежде всего, это установление преемственности между учреждениями, существовавшими прежде, — Кабинетом министров и Конференцией при высочайшем дворе, с учреждением министерств, как мерами, направленными к единой цели, к усовершенствованию государственного управления. Характерен показ степени замешательства в деятельности правительства ссылкой на то, «что не только судебныя но и правительственныя дела не имели желательнаго ходу и действия». Знаменательно обоснование министерской реформы тем, что во всех благоустроенных государствах министерство составляет принадлежность правительства.

В проекте говорится о необходимости «установить Министерство». В этом его отличие от манифеста 8 сентября 1802 г., в котором речь идет одновременно и о министерстве, и о восьми министерствах⁴. Проект содержит пожелание, чтобы Сенат оставался в своем первоначальном положении; это косвенно указывает на время его написания — после издания указа 5 июня 1801 г. «О сочинении Сенату особаго доклада о правах и обязанностях его для утверждения оных силою закона на незаблемом основании». Содержание документа свидетельствует, что это лишь введение или вступительная часть к манифесту об учреждении министерств, так как основное содержание манифеста — наименования и структурный состав министерств, отсутствует.

Публикуемый источник еще ждет всестороннего археографического исследования. В тексте пропущено четыре слова (выделены отточиями в квадратных скобках), в виду их неразборчивого написания. Фраза «но великия обстоятельства и все другия...» является вставкой в основной текст, написанной с прописной начальной буквы, на левой половине листа 2. Документ публикуется с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Публикацию подготовил М.А.ПРИХОДЬКО.

Projet de Alexandre

По принятии Нами прародительскаго Нашего Престола, неоставили Мы обратить полнаго внимания по всем частям Правительства, почитая первую обязанностью споспешествовать всему тому, что на твердых правилах основать может блаженство верных подданных наших.

Между средствами по достижению цели сея, порядок и связь между всеми отраслями Правительства, представшия Нам ясно одним из существеннейших к тому источников.

Есть ли безсмертныя памяти достойный Император Петр Великий¹ преобразуя так сказать Россию, не мог, посреди важных предприятий всякого рода и при препятствиях, кои свойственно было великому Его духу превозмогать, усовершенствовать внутренняго правления, согласно Великим Его предположениям; то с того времени и в последующия царствования чувствуем кажется были разныя недостатки, кои разными мерами исправить старались.

Императрица Анна Ивановна² установила Кабинет. Преемница Ея на троне Императрица Елизавета Петровна³ учредила Конференцию, но что всего ощутительнее Императрица Екатерина 2-я⁴ Любезнейшая бабка Наша, видя недостатки установлений сих при предшественницах своих и

⁴ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 244 и статья 1.

желая дать Правительству более деятельности, помышляла о том уже в 1762 году, [...] вскоре по вступлении Своем на престол. Но, великия обстоятельства и все другия безчисленные Ея на благо общее труды не допустили Ей довершить предназначения свои; и между тем замешательство везде более и более умножалось, так что не только судебныя но и провительственные дела, не имели желательного ходу и действия.

В таком положении вещей, первое попечение Наше состояло в том, чтобы Комиссия о составлении Законов, возымела успешнейшее течение и здесь всерадостно возобновляем Мы обет, что непременно Мы пешись, дабы важное дело сие достигло ко благому концу. За сим полагали Мы дать Сенату Новый Устав; но убеждение, что обе вещи сие должны иметь некоторую связь и что более времени нужно быть может к соображению состава соответствующего важности цели своей, Мы предоставляя Себе [...] образом сие исполнить, на сей случай признали только за благо Указом сей день изданным, изъяснить волю Нашу, чтоб Сенат оставался в первоначальном положении Своём, производить мог успешнейше дела, на основании правил Ему начертанных.

Но по зрелом изследовании меры сие найдены Нами недостаточными и Мы убедились в необходимости дать части исполнительной те связи и должности коих в настоящему ее составе она не имеет; кои во всех благоустроенных Государствах составляют принадлежность сей отрасли Правительства и без коих и наилучшие узаконения были бы тщетны.

Того ради Мы положили установить Министерство, главная обязанность коего должна состоять в деятельном исполнении всего того, что каждому Министерству по части Его и на основании правил Ему предписанных, к наблюдению предложено будет, а в следствие того и поведеваем

1-е

2-е

3-е

Учреждая таковыя новыя в Правительстве по части исполнительной распоряжения [...] Мы полное удовольствие ежели будут они соответствовать прежним намерениям Нашим, чтоб лучшее устройство споспешествовало на всем пространстве Империи Нашей, выгодам, спокойствию и благоденствию. Верных Наших подданных.

Дано в СП бургe лето от рождества Христова 1802, а царствия нашего во вторья.

РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 225. Л. 1—4. Черновик.

Примечания

¹ *Петр I* (1672—1725) — царь с 1682 г. (правил самостоятельно с 1689), первый российский император (с 1721).

² *Анна Ивановна* (1693—1740) — императрица с 1730 г., племянница Петра I.

³ *Елизавета Петровна* (1709—1761/62) — императрица с 1741 г., дочь Петра I.

⁴ *Екатерина II* (1729—1796) — императрица с 1762 г.

Project 'D. 1802'

По прихвотии Нами
 -- царьдательство Намиго
 Пурасана, некашвики
 Ми обратити писало
 Вишайе не вестеи густеи
 Пуравити (слова), поимати
 гурово обзавити стено
 -- миловата вилу тону,
 -- сав на таврды в гурави --
 -- сав основата не ринте --
 Славиниго вторавихе гурави
 -- неже Намишави.

Многоу придавати
 на дотирини гурови сав, обзав
 -- гуравити таврды и вилу
 мурду в гурови гуравити
 гуравити (слова), придати
 -- вилу Нами. Его гуравити
 мурду ^{Думи} гуравити
 -- гуравити гурови, вилу
 тону. муровити вилу.

«РЕВОЛЮЦИЯ УБИТА БОГАМИ БОЛЬШЕВИЗМА»

Воспоминания о М.П.Томском. 1936 г.

Михаилу Павловичу Томскому (наст. фамилия Ефремов) (1880—1936) — видному деятелю большевистской партии, организатору рабочего и профсоюзного движения в этом году исполняется 120 лет со дня рождения¹. До 1930 г. он являлся членом Политбюро ЦК ВКП(б), возглавлял ВЦСПС (до 1929 г.), был заместителем председателя ВСНХ. После обвинения в принадлежности вместе с Н.И.Бухариным и А.И.Рыковым к «правой оппозиции» был изгнан со своих постов. В 30-е годы он заведовал ОГИЗом — (Объединение государственных книжно-журнальных издательств). В обстановке нарастания массовых репрессий 22 августа 1936 г. покончил жизнь самоубийством у себя на даче в подмосковном Болшево.

Публикуемые воспоминания написаны по горячим следам этого известия — официальное извещение о самоубийстве Томского было опубликовано 23 августа. Воспоминания датированы 24-м августа.

Воспоминаний о М.П.Томском сохранилось крайне мало². В этом отношении публикуемые воспоминания характеризуют Томского с весьма неожиданной стороны. Этот очерк предназначался для опубликования в эмигрантской газете «Последние новости» (Париж), которые редактировал П.Н.Милюков, но напечатан не был.

Подкупает довольно подробное знание фактов и мелких деталей автором воспоминаний. Из текста следует, что автор очерка по профессии адвокат, участвовал в качестве защитника на «процессе 3-х», был очень близок к «Последним новостям» (просит извинения у *наших* машинисток за скверный почерк). За подписью *Л.Торопецкий* в 1936 году в «Последних новостях» было опубликовано несколько заметок. Но это, скорее всего, псевдоним. Сопроводительное письмо к воспоминаниям на имя секретаря редакции И.П.Демидова подписано другой фамилией. Она очень неразборчива и может быть примерно прочитана как Ал. Ряполовский. Вполне возможно, что и это тоже не настоящая фамилия, как и название населенного пункта на письме — Апенна (в географических атласах такого названия отыскать не удалось). Такая конспирация вполне объяснима, если автор находился не за границей, а писал из России. Оперативность, знание политической ситуации, деталей внутрипартийной борьбы говорят о возможности такого варианта. Во всяком случае, авторам публикации не удалось пока «расшифровать» автора воспоминаний.

¹ М.П.Томский родился 31 октября 1880 г.

² См. напр.: Авторханов А. Технология власти. Посев. Франкфурт-на-Майне. 1976. С. 186—189; Воспоминания Б.Бажанова // Огонек. 1989. № 42. С. 20; Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930. С. 374—376; Горький М. В.И.Ленин. М., 1933; Козелев Б.Г. Михаил Павлович Томский. Биографический очерк. М., 1927; Козелев Б.Г. Дневник // Исторический архив. 1996. № 5—6, 1997. № 1; Воспоминания Ю.М.Томского // Труд. 1998. 19 апреля; Воспоминания Ю.П.Фигатнера // Шестой съезд профессиональных союзов СССР (11—18 ноября 1924 г.) М., 1925. С. 428—431; и др.

Если это удастся сделать кому-либо из исследователей — это будет небольшое, но интересное открытие. В публикации приведены факсимильные фрагменты рукописи.

Документ обнаружен в фонде редакции газеты «Последние новости» (Париж) (ГА РФ. Ф. 6845.)

Публикацию подготовили кандидаты исторических наук О.И.ГОРЕЛОВ и Л.Д.ШАПОВАЛОВА.

Воспоминания неустановленного автора о М.П.Томском

Апенна

24 августа 1936 г.¹

Многоуважаемый Игорь Платонович!²

Посылаю несколько строк о Томском в предположении, что они представят интерес в связи с его самоубийством.

К сожалению, у меня тут, в деревне, нет с собой моей машинки, а почерк у меня скверный. Надеюсь, однако, что наши машинистки разберут его, и во всяком случае прошу у Вас и у них извинения за муку, причиняемую чтением моей рукописи.

Уважающий Вас ^a

Томский

Михаила Ивановича³ Томского я знал, когда он был еще тов. Ефремовым. Под этой своей настоящей фамилией он предстал с группой других большевиков перед Московской судебной палатой⁴ накануне мировой войны в качестве обвиняемого по 102-й ст. Угол[овного] Улож[ения].

Судили «каприйскую школу». В деле фигурировало около дюжины отборных агитаторов и пропагандистов, направленных после окончания созданного Горьким на Кипри большевистского университета для нелегальной работы в Россию⁵. Ефремов-Томский лидерствовал в этом процессе как самый старший и наиболее стойкий большевик. Среди обвиняемых оказался один явный провокатор, дававший «чистосердечные показания», вроде тех, которые являются ныне главным судебным доказательством в советском суде. Он выдавал кого и что только знал. Но он немного знал, и дело шло, на взгляд защитников к оправданию большинства обвиняемых. Каково же было наше изумление и возмущение, когда палата после 2-недельного разбирательства закатали громадные порции каторжных работ почти всем обвиняемым, в том числе и Ефремову. Только после революции мы поняли, в чем было дело: для нас, защитников, никаких улик в деле не было, но палата имела перед собой в совещательной комнате доклады «большевика» Малиновского⁶, ближайшего сотрудника Ленина и одновременно ценнейшего агента Департамента полиции...

---

^a Сопроводительное письмо подписано неразборчиво. Прочитанная подпись — Ал. Ряполовский. Текст воспоминаний подписал «Л.Торопецкий». По всей видимости — псевдоним. Под этим именем в 1936 г. в газете «Последние новости» были опубликованы несколько заметок.

Ефремов получил свою долю каторги, весьма крупную, хотя он в процессе ничем не выделялся и шел в качестве «профессионалиста», то есть скромного работника профессиональных союзов, почти что революционного мирнообновленца. Однако нам, защитникам, было ясно, что этот небольшого роста, плотный брюнет, со скромными приятными манерами, подчеркнуто державшийся в тени, является в действительности убежденным революционером, опытным подпольщиком, своей скромностью оттеняющий видную роль, которую он играл в партии.

Таковым он и показал себя очень скоро после Октябрьской революции. Сам по происхождению рабочий, Томский органически сливался с интересами рабочих. Обладая большим природным умом с уклоном в сторону мужицкой «сметки», себе на уме, Томский не перекинулся в лагерь большевистской интеллигенции и тогда, когда занимал видное место на Олимпе.

Почти с первых дней «октября» Томский взял себе в удел профсоюзы, видимо решив, что теперь-то именно настала пора для широкого развертывания профессионального движения рабочего класса, которое он вынашивал в годы подполья и на каторге. Более умный и гибкий, чем его ближайшие товарищи-профессионалисты Лутовинов⁷ и Шляпников⁸, он избег резкого столкновения этих людей «рабочей оппозиции» с властным Ильичом. Те понимали свою задачу более примитивно: раз власть рабочих, то рабочим и должна принадлежать вся власть. Когда обнаружилось — и довольно скоро, — что «диктатура рабочего класса» — это только демагогическая ширма и что «рабоче-крестьянская власть собирается гнуть рабочий пролетариат в бараний рог не менее интенсивно, чем проклятые капиталисты», то Лутовинов и Шляпников встали на дыбы. Ленин их и вздернул на политическую дыбу, хотя и не в таких инквизиторских формах, как это делает его лучший «ученик» Сталин.

Томский показал себя более дальновидным политиком и хитрым человеком, чем его товарищи. Вместо лобовой стычки, в которой те быстро расшибли себе лбы, Томский повел тихую сапу. Оставаясь в рамках «генеральной линии», он взял себе по праву старого профессионалиста руководство профсоюзами и сделался на много лет председателем ВЦСПС. Пришлось пойти на компромиссы и примириться с оказаниванием профсоюзов и постепенным превращением их в придаток к правительственному аппарату. Сам Томский тоже значительно бюрократился и оброс жирным слоем «комчванства». Но проявлял он это чванство, главным образом, в отношении к полубогам большевизма, так как сам он успел подняться до высших ступеней. Состоя в течение многих лет членом Политбюро по должности председателя ВЦСПС, Томский любил «покуражиться» над рядовыми коммунистами-сановниками. Томский выкидывал такие «фокусы», чтобы показать свое пренебрежение к «сановникам». В самый разгар какого-нибудь серьезного совещания ляжет на диван, повернувшись спиной к публике, и молчит, как утопленник. И только после того, как участники совещания наговорятся вдоволь, он, не вставая с дивана, изречет кратко свое веское слово члена Политбюро — решающее слово, — сводящее к пустой комедии все «прения» — и снова повернется спиной к публике. В этом было и от

хамства зазнавшегося бюрократа, но немало и «аристократического» презрения потомственного пролетария к «чинушам»-партийцам.

Известен анекдотический случай с Томским в Лондоне, туда он поехал членом делегации по переговорам о торговом договоре. Здесь он на банкете, устроенном англичанами советским делегатам, облаченный в смокинг, изрядно подвыпил. Когда дошло до кофе с ликерами и сигаретами, Томский поймал лакея, подававшего ему кофе, и стал усиленно предлагать ему папиросу. Можно себе представить «шокинг» англичан и смущение лакея. Но Томский не унимался: «Чего, брат, стесняешься! Бери, брат, наша, советская папироса, пролетарская»... Англичане зааплодировали «пролетарскому» делегату, обратив его выходку в шутку. Тут и была рядом с «дурным тоном» Томского и его любовь «валить дурака».

Но в своей работе на посту председателя ВЦСПС он дурака не валял. Здесь он гнул свою линию. Разумеется, в строе диктатуры свободным союзам нет места. Но интересы рабочих должно отстаивать и в отношениях с предпринимателем — государством, хотя бы и «пролетарским». Такова была «линия» Томского. И пока он не был заменен на своем посту ничтожным лакеем Сталина Шверником⁹, профсоюзы пользовались некоторой автономией в пределах узкого «профессионализма».

Засим Томский впал в правооппозиционную ересь, и тут он сложил свою голову. Вылетел из Политбюро, был изгнан из ВЦСПС, каялся — гораздо менее низкопоклоном, чем его соратники по оппозиции, — снова грешил, опять каялся. Но так и остался повергнутым в прах.

Теперь он решил, что больше каяться не станет: игра проиграна. Есть что-то символически трагическое в том, что Томский избрал тот же путь «ликвидации» своей политической карьеры, каким пошел несколько лет тому назад его старый товарищ «профессионалист» Лутовинов. Оба не выдержали крушения своих «пролетарских» идеалов. Зная Томского, можно быть уверенным, что он казнил себя добровольно во все не потому, что испугался пули чекиста. Едва ли она ему и угрожала, как не угрожала в свое время и Лутовинову. Томский оказался просто и честнее Радеков¹⁰ и Зиновьевых¹¹, и фанатичнее их. Он подставил свою голову под удары революции с ранних дней, еще за станком. И когда окончательно убедился, что «его» революция убита богами большевизма, он повернулся к ним спиной, как делал это раньше по отношению к их лакеям.

Л. Торонецкий

ГА РФ. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 250. Л. 1—11. Рукопись.

Примечания

¹ Географическое название неразборчиво. Прочитанное географическое название обнаружить не удалось. Может быть, Апен (Германия).

² Демидов И.П. — помощник П.Н.Милюкова, редактора газеты «Последние новости». Публикуемые воспоминания предназначались для этой газеты, но опубликованы не были.

³ В тексте воспоминаний ошибка. Следует читать — Павловича.

⁴ М.П.Томский проходил по так называемому «процессу 33-х». Среди других обвиняемых были Н.И.Бухарин, Ю.П.Фигатнер, М.В.Рыкунов, Н.С.Петрова и др. 10 декабря 1911 г. Томский был осужден на пять лет каторги.

⁵ Каприйская школа (август—декабрь 1909 г.). Создана М.Горьким. Подробнее см.: Лившиц С. Каприйская партийная школа (1909 г.) // Пролетарская революция. 1924. № 6. С. 33—75; На самом деле Томский не являлся представителем Каприйской школы. В 1909 г. он был послан Большевицким центром в Москву с целью противостоять усилившимся здесь фракционным настроениям, явившимся следствием усиления влияния «учеников» Каприйской школы. См.: Горелов О.И. М.П.Томский. Страницы политической биографии. М., 1989. С. 15.

⁶ *Малиновский Р.В.* (1876—1918) — провокатор в российском социал-демократическом движении. С 1910 г. — тайный сотрудник Московского охранного отделения. В 1917 г. был разоблачен. В 1918 г. вернулся в Советскую Россию, был предан суду и расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК.

⁷ *Лутовинов Ю.Х.* (1887—1924) — с 1919 г. член президиума ВЦСПС, секретарь ВЦСПС. Покончил жизнь самоубийством в 1924 г.

⁸ *Шляпников А.Г.* (1885—1937) — член партии с 1901 г. После революции — на хозяйственной и профсоюзной работе. В 1920—1922 гг. — организатор и лидер «рабочей оппозиции». В 1933 г. исключен из ВКП(б). Репрессирован. Реабилитирован в 1963 г.

⁹ *Шверник Н.М.* (1888—1970) — член партии с 1905 г. После революции — на профсоюзной работе в Самаре и Донбассе. В 1929 г. — секретарь ВЦСПС. С марта 1930 г. — первый секретарь ВЦСПС. С 1946 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С марта 1953 г. по февраль 1956 г. вновь возглавлял ВЦСПС.

¹⁰ *Радек К.Б.* (1885—1939) — член партии с 1917 г. В 1919—1924 гг. член Президиума Исполкома Коминтерна, в 1920 г. — секретарь ИККИ, член Польского бюро ЦК РКП(б). В 1925—1927 гг. — ректор Университета им. Сунь Ятсена. Член ЦК РКП(б) в 1919—1924 гг. Репрессирован.

¹¹ *Зиновьев Г.Е.* (1883—1936) — член партии с 1901 г. В 1917—1926 гг. председатель Петроградского совета, одновременно в 1919—1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна, в январе—марте 1918 г. председатель ВЦСПС. Член ЦК в 1912—1927 гг., член Политбюро в октябре 1917 г., в 1921—1926 гг. (кандидат с 1919 г.). Репрессирован.

Рабочие движение в России. 1895 — февраль 1917 г.
Хроника. Вып. VI. 1900 г. Издательский центр Института
Российской истории РАН. М., 1999. 421 с.

Вышел из печати очередной, VI выпуск Хроники рабочего движения за 1900 г.¹ Ответственным редактором всей серии «Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника» является доктор исторических наук Ю.И.Кириянов. Это коллективный труд, в сборе и обработке материалов для которого приняли участие архивные и библиотечные работники, ученые и преподаватели высших учебных заведений Российской Федерации. В настоящем выпуске обобщен материал, собранный в 124 фондах 48 архивохранилищ, находящихся как в Российской Федерации, так и в других государствах СНГ, а также в странах Балтии. Ответственным составителем, редактором и автором Предисловия к VI выпуску Хроники, как и предыдущим, является доктор исторических наук И.М.Пушкарева.

Материалы всех изданных выпусков Хроники, в том числе и шестого, неизменно включают следующие разделы: I. Массовые выступления рабочих; II. Рабочие, полкитические и партийные организации; III. Листовки. В приложениях даны статистические данные о числе стачек и стачечников в 1900 г. по губерниям и областям страны; количество выступлений рабочих и число участников в нестачечных формах борьбы (волнения, требования, жалобы и прошения). Приведенный в приложении список источников и литературы, использованных при составлении VI выпуска Хроники, содержит перечень архивных фондов, периодической печати, опубликованных источников и литературы. Традиционно все выпуски Хроники в том числе и вып. VI, снабжены указателями имен, географических названий и предприятий. Есть здесь несколько дополнений к предыдущим выпускам, а также аннотации на русском и английском языках.

Ценность опубликованного в данном выпуске материала несомненна. Исследователи истории рабочего класса, рабочего движения, политических партий и движений конца XIX — начала XX вв. найдут здесь немало интереснейших сведений.

В Предисловии содержится первичный научный анализ собранного в настоящем выпуске материала о рабочем движении в 1900 г., а также обобщенные данные о массовых выступлениях рабочего класса за период с 1895 г. по 1900 г. Хроника 1900 г. зафиксировала спад рабочего движения в этом году, что, в частности, со всей очевидностью просматривается в развитии стачечной борьбы. Если в 1898 г. в стране произошло 683 стачки (вып. IV Хроники), в 1899 г. — 784 стачки (вып. V Хроники), то в 1900 г. количество стачек сократилось до 576, т.е. на 27%. Сократилось в этом году на 37% и число забастовщиков. Тем не менее, данные VI выпуска о стачках и стачечниках значительно превышают имевшиеся до настоящего времени в научной литературе.

В 1900 г. стачки произошли в 57 губерниях и областях России (с. 341—344), как впрочем и в 1899 г., хотя «география» стачечной борьбы в эти годы несколько отличалась. Кроме того, в ряде местностей в 1900 г. стачки рабочих отмечены впервые (Астраханская, Симбирская и Семипалатинская область). По подсчетам автора Предисловия в 1900 г. на первом месте по числу бастующих рабочих (32 тыс. — 37%) оказалась Украина, на одном из первых мест она была и по числу стачек (108 — 19%). На втором месте по числу забастовщиков вышел Централь-

¹ Рецензии на I—V выпуски см.: Вопросы истории. 1996. № 4; Отечественная история. 1998. № 5; Исторический архив. 1999. № 5.

ный промышленный район, хотя по числу стачек он занял лишь четвертое место (с. 13). Всего же за исследованный период (1895—1900 гг.) Хроника зафиксировала более 3,2 тыс. стачек в 67 губерниях и областях России, а число рабочих, принявших участие в стачках в эти же годы, по неполным данным, составило более 600 тыс. человек (с. 6).

Особый интерес представляют данные о коллективных стачках, которые свидетельствуют о накале рабочего движения, о росте организованности, солидарности рабочих разных предприятий, регионов, национальностей. Важно отметить, что в условиях сокращения общего числа стачек в 1900 г., по сравнению с предыдущими годами, число коллективных стачек, наоборот, нарастало. Так, в 1898 г., по данным Хроники, произошла 41 коллективная стачка, в 1899 г. — 49, а в 1900 г. их число возросло до 78. В 1898 г. они произошли в 15 губерниях, а в 1900 г. — уже в 20. В 1900 г. на коллективные стачки приходилось более 69% (в 1899 г. — около 50%) общего числа рабочих, бастовавших в этом году. Таким образом, это были наиболее массовые выступления, хотя общее число участников коллективных стачек в 1900 г. несколько сократилось по сравнению с предыдущим годом (с 63 тыс. до 60 тыс.). В авангарде шли рабочие Западных губерний и Польши. Среди массовых рабочих выступлений выделяются общегородские стачки, например, в Витебске (с. 87, 167), в Харькове (с. 91—97), в Екатеринославе (с. 88).

Материалы VI вып. Хроники показывают, что большинство рабочих выступлений носили экономический характер. Набор требований довольно обширный: увеличения заработной платы, введения бесплатной медицинской помощи, отмены штрафов, повышения расценок, оплаты забастовочных дней, выдачи расчетных книжек на руки, улучшения условий труда и быта, запрещения ограничивать сдельный заработок, запрещения работы в праздничные дни, освобождения арестованных товарищей за участие в стачках, демонстрациях и др. Одним из наиболее часто повторяющихся требований рабочих было, как показывает Хроника 1900 г., сокращение рабочего дня. Рабочие крупных фабрично-заводских предприятий чаще других требовали установления 8-часового рабочего дня (с. 66, 91, 94, 98, 122, 133 и др.). Что касается мелкой промышленности, то здесь рабочие в основном требовали сокращения рабочего времени с 14—16 час. до 12 час. (с. 69, 72, 81, 82, 145, 155, 156 и др.) и лишь изредка до 10 и 8 час. (с. 48, 120, 169). Хроника зафиксировала случай (декабрь 1900 г. в г. Гродно), когда в ходе коллективной стачки рабочих — 10—14-летних детей и подростков, — занятых в различных заведениях города, выдвигалось требование сократить для них рабочее время до 12 часов в день (с. 169).

По данным VI выпуска Хроники в 1900 г. имели место 79 случаев нестачечных форм массового рабочего движения — волнения, предъявление требований, подача прошений и жалоб без прекращения работы, что имело место в 33 губерниях России (с. 345—346). По сравнению с 1898 и 1899 гг., когда произошло 135 и 97 таких выступлений соответственно, в 1900 г. налицо заметное уменьшение.

Всего по данным Хроники 1900 г. в России произошло 655 массовых выступлений рабочих в стачечных и нестачечных формах (576 и 79 — с. 344, 346), среди которых преобладание стачек очевидно, они составили 88% (с. 15).

Обобщенные данные, содержащиеся в предисловиях всех шести выпусков и в приложениях к каждому из них позволяют проследить динамику рабочего движения в последнее пятилетие XIX в., что и делает И.М.Пушкарева в Предисловии к вып. VI Хроники. Она приводит следующие данные: 1895 г. дал 350 выступлений и 80 тыс. участников; 1896 г. — соответственно 364 и 64 тыс.; 1897 г. — 732 и почти 152 тыс.; 1898 г. — 815 и 165 тыс.; 1899 г. — 880 и 163 тыс.; 1900 г. — 655 и более 100 тыс. Итого за 1895—1900 гг. — 724 тыс. участников рабочего движения (с. 15). Но по поводу этих подсчетов у нас есть два замечания: 1. Спад массового рабочего движения, вполне обозначившийся в 1900 г., автор предисловия объясняет

«экономическим кризисом» (с. 5), «обстановкой растущего экономического кризиса, ухудшением общего положения рабочих» (с. 6). Но такого объяснения, как нам представляется, явно недостаточно, тем более, что одновременно с этим утверждается, и вполне справедливо, что связанные с экономическим кризисом сокращение производства, массовые увольнения рабочих, урезывание заработной платы, изменение расценок — породили новые конфликты: протесты, волнения, стачки (с. 5). II. Указанные выше подсчеты количества массовых выступлений рабочих в разных формах и числа их участников за 1898 и 1899 гг., сделанные автором Предисловия, расходятся с нашими, сделанными на основе данных, содержащихся в приложениях I и II за эти годы. Так, по нашим подсчетам, в 1898 г. произошло 818 таких выступлений, а число участников достигло почти 166 тыс. (вып. IV, с. 276, 278—279); в 1899 г. — 881 выступление и несколько более 161 тыс. участников (вып. V, с. 323, 325—326)². По соответствующим данным за 1900 г. расхождений нет.

Весьма важным является замечание составителей Хроники, что данные о числе участников стачечного движения в 1900 г. известны только в 70—75% случаев, а участников других выступлений — в 50—52% (с. 15). Таким образом, приведенные выше итоговые данные о числе участников рабочего движения (724 тыс.) являются далеко не полными и, значит, размах движения был более значительным.

Следует обратить внимание и на то, что в 1900 г. значительная часть стачек (33,4%) произошла в мелкой промышленности и ремесленном производстве, хотя число стачечников здесь составило лишь 8% от общего числа бастующих во всех отраслях производства (с. 16).

Материалы VI вып. Хроники свидетельствуют о дальнейшем нарастании в 1900 г. наступательных стачек. В этом году, по подсчетам И.М.Пушкаревой, они составили уже около 75% от общего числа стачек, по которым известно направление борьбы (с. 18). В 1898—1899 гг. они составляли около 70%. Наступательный характер имели все коллективные стачки (с. 19), они же были и наиболее продолжительными: 12 стачек из них длились более двух недель (с. 23).

Приведенные в настоящем выпуске материалы позволяют проследить и результативность рабочего движения: большинство экономических стачек — 98 (45%) с известным результатом борьбы окончилось поражением бастующих; 81 стачка (37%) — победой, 39 стачек (18%) — компромиссом. Нестачечные формы борьбы имели иной результат: 43% из них окончилось победой, 37% — поражением и 20% — компромиссом (с. 24).

Второй раздел VI вып. Хроники 1900 г. сообщает сведения о 102 крупных рабочих, политических и партийных организациях, а также о 62 кружках и небольших группах, находящихся в составе или под влиянием этих организаций. Такие организации отмечены в 75 населенных пунктах 40 губерний и областей (с. 20). Сведения об этих организациях позволяют более конкретно представить их персональный, численный, социальный, а в ряде случаев и национальный состав, направление деятельности, печатные издания, связи с другими организациями и др. Исследователь найдет здесь интересный материал о таких рабочих, политических и партийных организациях как, например, Польская социалистическая партия (ППС) и ее местные комитеты — Пабияницкий, Лодзинский, Домбровский и др.; Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКП и Л); Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше (Бунд) и его комитеты, действовавшие в девяти городах — Пинский, Минский, Гомельский и др.; Польская социалистическая партия «Пролетариат» («ППС — “Пролетариат”»); Рабочая партия политического ос-

² Ранее нами было ошибочно указано число массовых выступлений рабочих в разных формах в 1898 г. — 831, а в 1899 г. — 905 (См.: Исторический архив. 1999. № 5. С. 219).

вобождения России (РППОР); Литовская с.-д. партия (ЛСДП); Латышский с.-д. рабочий союз; Рабочая организация «Социалист»; Революционная Украинская партия (РУП); Российская с.-д. рабочая партия и ее местные комитеты, отмеченные в 15 городах: Иваново-Вознесенский, Екатеринославский, Киевский, Костромской, Московский, Донской, Петербургский, Рязанский, Харьковский, Одесский и другие, являвшиеся наиболее многочисленными партийными организациями: от 20 человек (Рязанская) до 350 человек (Петербургская).

В 1900 г. рабочие, политические и партийные организации, как и в предыдущие годы, в основном сосредоточили свою деятельность на следующих организационно-пропагандистских направлениях: пропаганда и агитация, распространение нелегальной литературы, листовок и воззваний, формирование новых кружков, организация демонстраций, подготовка и участие в стачках, устройство собраний, сходок, сбор средств на нужды партии.

Третий раздел VI выпуска Хроники содержит информацию о 210 листовках различных наименований, выпущенных в 1900 г., что было значительно больше, чем в 1898 г. (116) и в 1899 г. (154). В 1900 г. листовки издавались в 26 городах и трех рабочих селах в 22 губерниях и областях России, а также в трех городах за рубежом — Лондоне, Женеве и Мюнхене (с. 33).

В заключение заметим, что опубликованные выпуски (I—VI) Хроники доказывают, что рабочее движение в России последних лет XIX в. являлось значительным явлением общественной жизни страны и потому эта тема остается актуальной для исторической науки.

В. П. ДОГАЕВА

Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.). Документы и материалы / Сост.: Володажская В.А., Кривнева М.И., Мельник Н.А. Ставропольское книжное издательство, 2000. — 176 с.

Мощными издательскими научно-архивными сериями московские архивисты уже приучили нас к тому, что введение в научный оборот документальных материалов такая же естественная задача архивов, как их хранение и каталогизация. Постепенно к этой мысли привыкают и в других городах и во всех России, чему можно только радоваться, памятуя о том, сколько казалось бы недолимых трудностей приходится преодолеть местным архивистам при осуществлении даже самого скромного издательского проекта.

Рецензируемый сборник — один из таких добрых сигналов. Его выходом ставропольские архивисты достойно отметили 55-летие победы в Великой Отечественной войне. Делая же, как это явствует из названия, акцент на периоде и режиме оккупации, они тем самым попадают в «мэйнстрим» сегодняшней социологии восприятия войны: все меньше война — это история битв и полководцев, побед и поражений, и все больше — история военных преступлений и, соответственно, страданий простых людей, мирных граждан, история, не сводимая к голосу генералиссимуса в трубке из Ставки и не исходящая из презумпции монополии вооруженных сил на внимание общественности. Оккупация — одна из основных составляющих этих страданий, десятилетиями бывшая на периферии внимания (тема в прошлом хотя и не вполне закрытая, но все же опасная — вспомните вопрос в анкетах кадровиков — и потому крайне мало популярная).

В сборнике — 78 документов, подавляющее большинство из фондов Государственного архива Ставропольского края, а около десятка — из Центра документации новейшей истории Ставропольского края (бывшего партархива). Часть из них уже публиковалась в аналогичном издании почти 40-летней давности¹. Несколько документов — это газетные статьи, в том числе из оккупационной прессы. Несмотря на очевидную труднодоступность издания 1962 г., я все же не убежден, что эта републикация так уж оправдана, особенно если вспомнить мизерный объем нового сборника (всего 175 страниц) и богатство фондов обоих архивов.

Документы сборника распределены по трем логическим и хронологическим разделам: «В последние дни перед оккупацией», «Режим террора, насилия и грабежа», «Ставропольцы против оккупантов». Последний раздел — традиционно самый обширный, и не случайно: именно в нем больше всего упомянутых републикаций, в том числе и таких, что и в первом издании оставляли определенное недоумение: конечно, живя в 60-е гг. в Советском Союзе, не публиковать протоколы комсомольских собраний было нельзя, но и относиться к их риторике всерьез даже тогда было достаточно трудно, а сейчас и просто немислимо. А вот первый раздел, состоящий всего из 8 документов, иначе как куцым не назовешь. Между тем его и можно и нужно было «нарастить»: разве не важно, например, показать и объяснить, почему в крае оказалось так много (а кстати — сколько?) эвакуированных, в том числе научных кадров из Одессы, Крыма, блокадного Ленинграда? Соответствующие документы в архиве наверняка есть — в протоколах заседаний бюро Орджоникидзевского краевого комитета ВКП (б) и исполкома крайсовета депутатов трудящихся (ГАСК, фонд 1852) и других материалах.

---

¹ См.: Ставрополь в Великой Отечественной войне. Ставрополь, 1962.

Так уж случилось, что среди эвакуированных было немало евреев, расселенных не только по городам, но и по станицам, селам и хуторам края. Без знания этого не понять того масштаба массовых убийств еврейского населения на оккупированной территории Ставрополя, которые вскоре имели место. И хорошо, что рецензируемый сборник не обходит эту тему стороной: ведь в краевом архиве она представлена сотнями документов из фонда краевой Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (фонд Р-1368, около 300 единиц хранения). Уже тогда это не смотрелось разрозненными злодеяниями, а, становясь в ряд с другими зверствами, творимыми оккупантами, выделялось своей иррациональной систематичностью. Недаром тема истребления евреев явно доминирует и в сообщении краевой ЧГК, и в полузабытой сегодня статье А.Н.Толстого «Коричневый дурман»². В то же время четкой, технологически отлаженной системой эти убийства людей по этническому признаку тогда не воспринимались. Холокост уже был, и в самом разгаре, но понимания его чудовищной сути (как и самого термина) еще не было.

Анализируя сборник, можно посетовать на чрезмерную скудость, если не сказать скудость, сопроводительного аппарата: крайне мало примечаний (при этом в некоторые из них вкрались неточности: так, А.Н.Толстой никогда не был председателем ЧГК, каковым являлся председатель ВЦСПС Н.М.Шверник), нет ни именного, ни географического указателей. Читатель был бы благодарен и за справочную табличку с основными переименованиями, ведь не каждый сегодня помнит или знает, что и Ставрополя-то никакого накануне войны не было, а был в Орджоникидзевском крае некий город Ворошиловск. И тогда не пришлось бы повторять невольную фальсификацию издания 1962 г. и «Воззвание к еврейскому населению гор.Ворошиловска» (в подлинной листовке красующеся на выставке в Ставропольском краеведческом музее) переименовывать в «Обращение немецкого командования к еврейскому населению г. Ставрополя» (док. № 12, с. 36—37).

Все эти недостатки исправимы в будущем, а пока поприветствуем то, что есть: сборник, выпущенный ставропольскими архивистами, право же, совсем неплох. Но вот приобрести его мало кому удастся: весь тираж (2000 экземпляров — это по нынешним временам немало) пылится в краевом архиве и распространяется, насколько мне известно, на удивление архаично: только по доверенностям от организаций и только бесплатно. Так на следующее издание денег не соберешь!

П.М.ПОЛЯН

---

² См.: Правда. 1943. 8 августа.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «Рок взял верх над разумом».** Современники об испытаниях ракеты Р-16 и Главном маршале артиллерии М.И.Неделине (Е.Ю.Башилова, Т.А.Головкина) 3
- «Тяготы и лишения были не напрасны».** Воспоминания генерал-майора Н.Г.Мерзлякова о работе на полигоне Капустин Яр в 1949—1955 гг. (Н.Н.Мерзляков) 17

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- «Немецкая разведка является довольно сильным противником».** О методах работы германской разведки в войсковом тылу действующей Красной Армии. 1942 г. (И.К.Белик, Е.В.Шумилова) 27

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

- МАДИ в предвоенные и военные годы.** Из воспоминаний директора института С.П.Артемьева (В.Н.Луканин, Л.Е.Грачева) 64

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Под лазурным небом Италии...»** Документы о судьбе бывших российских военнопленных в лагерях на острове Азинара. 1919—1920 гг. (А.Л.Райхцаум) 78
- «Злая фея нас разделяет».** Письма русских писателей Е.А.Ляцкому. 1924—1930 гг. (С.И.Михальченко) 93

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Михаил Покровский (1868—1932)** (А.А.Чернобаев) 125

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- «Милый мой аракчеевец».** Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901—1915 гг. (Т.А.Лобашкова) 141
- «Что-то дикое, ужасное, но геройски благородно!»** Записки графини Е.Л.Камаровской. Декабрь 1905 г. (М.И.Чернов) 163

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «Каждый обязан бороться на своем месте».** Письма П.Г.Виноградова к П.Б.Струве. 1902—1904 гг. (А.В.Антошенко) 186

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- Загадка комиссионных грамот. XVI век** (Б.М.Пудалов) 202

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- Неизвестный проект Александра I. Черновик манифеста об учреждении министерств. 1802 г.** (М.А.Приходько) 206

- «Революция убита богами большевизма». Воспоминания о М.П.Томском. 1936 г.** (О.И.Горелов, Л.Д.Шаповалова) 210

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. VI. 1990 г.** (В.П.Догаева) 215

- Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.). Документы и материалы** (П.М.Полян) 219

CONTENTS

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «Fate prevailed over result». Contemporaries on R-16 rocket tests and Chief Marshal of Artillery M.I.Nedelin** (E.Iu.Bashilova, T.A.Golovkina) 3

- «Hardships and privations weren't in vain». Major-General N.G.Merzliakov's memoirs described his work at Kapustin Yar Experimental Range. 1949—1955.** (N.N.Merzliakov) 17

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- «The German intelligence is a fairly powerful opponent». On the methods of activities of the German intelligence in the immediate rear of the Red Army in the Field. 1942.** (I.K.Belik, E.V.Shumilova).. 27

INTELLIGENTSIA AND POWER

- The Moscow Motor-Car and Road Institute in pre-war years and war-time. From Institute's Director S.P.Artemiev's reminiscences** (V.N.Lukanin, L.E.Gracheva) 64

RUSSIANS ABROAD

- «Under the azure Italian sky...». Documents on the destiny of former Russian prisoners of war kept in camps on Azinara Island. 1919—1920.** (A.L.Raikhtsaum) 78

- «**Evil fairy separates us**». Russian writers' letters to E.A.Liatskoy. 1924—1930. (E.I.Mikhailchenko)..... 93

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Mikhail Pokrovsky (1868—1932)** (A.A.Chernobaev)..... 125

RUSSIA AT A TURNING POINT

- «**My dear Arakcheevets**». Grand Duke Konstantin Konstantinovich's correspondence with his son Konstantin. 1901—1915. (T.A.Lobashkova)..... 141

- «**Something savage, horrible, but heroically noble!**». Countess E.L.Komarovskaya's memoirs. December of 1905. (M.I.Chernov)..... 163

HISTORY AND HISTORIANS

- «**Everyone is bound to struggle in his own capacity**». P.G.Vinogradov's letters to P.B.Struve. 1902—1904. (A.V.Antoschenko)..... 186

FROM ANCIENT TIMES

- Mystery of commission deeds. XVI century** (B.M.Pudalov) 202

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- Alexander I's unknown project. Rough draft of a Manifesto setting up the Ministries. 1802.** (M.A.Prikhodko)..... 206

- «**Revolution is killed by the gods of Bolshevism**». Reminiscences about M.P.Tomsky. 1936. (O.I.Gorelov, L.D.Shapovalova) 210

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- Working-class movement in Russia. 1895 — February of 1917. Chronicle. Part VI. 1990.** (V.P.Dogaeva)..... 215

- Stavropol Territory during the German fascist occupation (August of 1942 — January of 1943). Documents and** (P.M.Polian)..... 219

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АНТОЩЕНКО** Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета
- БАШИЛОВА** Елена Юрьевна — специалист 1-й категории РГАНТД
- БЕЛИК** Иван Карпович — ведущий научный сотрудник Академии ФСБ РФ
- ГОЛОВКИНА** Татьяна Александровна — начальник отдела научного использования и публикации документов РГАНТД
- ГОРЕЛОВ** Олег Игнатьевич — кандидат исторических наук, доцент РАГС при Президенте РФ
- ГРАЧЕВА** Любовь Евгеньевна — кандидат исторических наук, декан гуманитарного факультета МАДИ(ТУ)
- ДОГАЕВА** Валентина Петровна — кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного педагогического университета
- ЛОБАШКОВА** Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского экономико-статистического института
- ЛУКАНИН** Валентин Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор технических наук, ректор МАДИ(ТУ)
- МЕРЗЛЯКОВ** Николай Николаевич — сотрудник РОССПЭН
- МИХАЛЬЧЕНКО** Сергей Иванович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Брянского государственного педагогического университета
- ПОЛЯН** Павел Маркович — доктор географических наук
- ПУДАЛОВ** Борис Моисеевич — кандидат филологических наук, начальник отдела Комитета по делам архивов администрации Нижегородской области
- РАЙХЦАУМ** Александр Львович — кандидат исторических наук, ведущий специалист ГА РФ
- ЧЕРНОБАЕВ** Анатолий Александрович — доктор исторических наук, главный редактор журнала «Исторический архив»
- ЧЕРНОВ** Михаил Иванович — доктор исторических наук, профессор РАГС при Президенте РФ
- ШАПОВАЛОВА** Лариса Дмитриевна — кандидат исторических наук, доцент РГГУ
- ШУМИЛОВА** Елена Викторовна — научный сотрудник Академии ФСБ РФ
-

Издатель: АНО Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.09.2000.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 1000 экз. Заказ № 632

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»

121009, Москва, Шубинский пер., 6.

Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария, учрежденный Московским Патриархом, Правительством Москвы и Российской Академией наук, продолжает прием научных работ на конкурс 2001 года. Принимаются авторские труды по трем номинациям: история Православной Церкви, история России, история Москвы, опубликованные в 1998–2000 гг. или в виде компьютерного набора.

Адрес Фонда: 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10-а, стр. 1 (метро «Курская кольцевая», «Чкаловская»).

Подробные условия конкурса можно узнать по тел.: 916-81-85, добавочный «15».

Победители конкурса будут удостоены денежных премий в сентябре 2001 г.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPCHAT» AGENCY CATALOGUE

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

Подписку и доставку издания в Латвии
осуществляет «Подписное агентство PKS»

г. Рига, тел. (10-371) - 7320-148

тел./факс: (10-371) - 7324-411

e-mail: media@apollo.lv

Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

проводит подписку на журнал

«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

на I полугодие 2001 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие

Стоимость полугодовой подписки **270 руб.**

для оформления подписки переведите сумму –
270 руб. на расчетный счет издательства через любое отделение
Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:

АНО «Издательство РОССПЭН»

ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ
Мещанском отделении 7811 для филиала № 1585 г. Москва

К/сч 30101810600000000342 БИК 044525342

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с
индексом, фамилию, имя и отчество; в графе «вид платежа»
укажите: «Исторический архив» и подписной период.

Цены указаны с учетом почтовых услуг в пределах
Российской Федерации.

Вы также можете заказать по почте отдельные номера или комплект
номеров журнала за 1999 и 2000 год. Стоимость
1 экземпляра за 1-е полугодие 1999 г. (№№ 2-3) — **65 руб.**,
За 2-е полугодие 1999 г. (№№ 4-5) и
за 2000 г. (№№ 1-4) — **95 руб.**, включая стоимость почтовой
пересылки.

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве (а также при покупке номеров журнала за
предшествующий подписной период 1999 – 1-е полугодие 2000 г.)
устанавливается специальная цена 180 руб. за полугодовой
комплект номеров.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его в
розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57

E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru